1924.

1-й экз. фонда

11/11

Н. ЛЕНИН (В. И. Ульянов)

О ВОЙНЕ

1914—1918 г.г.

(ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ и РЕЧИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ» Г. П. П.
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ТРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1184472

Ленинградский Гублит № 12001. Отп. 25.000.экз. 20 л. Зак. № 741

I. ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ ДО ПЕРВОЙ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Тезисы по поводу настоящей войны *) [1а].

1. Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистическо-династической войны. Борьба за рынки и грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, натравить наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны.

2. Поведение вождей немецкой с.-д. партии II Интернационала (1889—1914), голосовавших за военный бюджет и повторяющих буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3. Такового же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

4. Измена социализму большинства вождей II Интернационала (1889—1914) означает частичный идейный крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отри-

*) Написаны в августе 1914 года. *Ред.*

цая классовую борьбу с ее необходимым, в известные моменты, превращением в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов, проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая азбучную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из органов международного оппортунизма «Соц. Ежем.», давно ставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует свою победу над европейским социализмом. Так называемый центр немецкой социал-демократии и других социал-демократических партий на деле трусливо капитулировал перед оппортунистами. Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5. Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, которыми в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской, — и которые рабски повторяют плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты как откровенные, так и прячущиеся — следует, в особенности, отметить и заклеймить следующие: когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития — они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом II во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут при всяком исходе войны направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который им казался более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне

проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают отсталые в отношении капиталистической техники, более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны с целью грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций не уступают друг другу в жестокости и варварстве при ведении войны.

6. Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами к.-д. и др. частью народников.

С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакции и варварского правительства царской монархии.

7. Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, всесторонняя распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных шовинизму и оппортунизму; во-2-х, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республик немецкой, польской, русской и других, на ряду с превращением всех отдельных государств Европы в Республиканские Соединенные Штаты.

Война и российская социал-демократия [1]).

(Манифест ЦК РС-ДРП (большевиков).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне

с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказываться от этой задачи, значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс с л и т ь свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д., и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких соц.-дем., которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны ска-

зать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистическая печать в России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестованы и сосланы. Но наше парламентское представительство — Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Гос. Думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую. И несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи-рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии, в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах, испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты, в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника», давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом, — то наихудшую услугу пролетариату оказывают те

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества; — ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; — превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма, — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской, точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение

рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. (В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью).

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будет разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачи с.-д. в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную

задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, — революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Положение и задачи социалистического Интернационала [2]).

Тяжелее всего в теперешнем кризисе — победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Недаром буржуазные га-

зеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет остаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее, крах II Интернационала, есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, например, французских социалистов, на полную будто бы перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию) — таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях, — это не удивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом, Плехановым, Эрве и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушают не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана (английские социал-демократы — «Британская Социалистическая Партия») вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической «Независимой

Рабочей Партии». Это — действительно исключение из правила. Но некоторые революционные социал-демократы, давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов «Британской Социалистической Партии». У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр», с Каутским во главе, скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных социал-демократов раздаются протесты — Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряд безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясна группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К°, за «отечество», за Гэда—Вальяна—Плеханова—Эрве. Революционные социал-демократы («Социалистическая Партия»), с «Avanti» во главе, борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, видите ли, грозит «силой меча» навязать «нам» торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь $^{9}/_{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения!! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский. Мартов, если судить по парижскому «Голосу», держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому и французскому, восставая и против «Vorwärts'a», и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его «влиятельнейшему» защитнику, «центру» немецкой социал-демократии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров в Париже, социал-демократов и социал-революционеров, а также польских социал-демократов, Ледера и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство парижской секции нашей партии осудило эти попытки. Позицию Центрального Комитета нашей партии читатели видят из передовой статьи

настоящего номера *). К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны — во избежание недоразумений — установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8 сентября нового стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских социал-демократов двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сентября). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Центрального Комитета партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция «тезисов».

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской социал-демократии. Крах Интернационала налицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые социал-демократы (Меринг и «Bremer Bürger Zeitung»), но и умеренные швейцарские органы («Volksrecht») признали это. Попытки Каутского затушевать этот крах — трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи «Neue Zeit», будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной стороны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве — ответим мы оппортунистам — нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистская, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи к о н ц а капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций» — говорит «К о м м у н и с т и ч е с к и й М а н и ф е с т», указывая при этом г р а н и ц ы и у с л о в и я нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой

*) См. вторую статью настоящего сборника. *Ред.*

эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Карл Маркс: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штуттгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность, — вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война—не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сентиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры; за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса

последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма.

Один немецкий голос о войне.

(Буржуазный пацифизм и социал-шовинизм).

«... За одну ночь картина мира переменилась ... Каждый сваливает вину на соседа. Каждый объявляет себя защищающимся, действующим только в состоянии необходимой обороны. Все защищают, изволите ли видеть, лишь свои самые священные блага, свой очаг, свою родину ... Национальное тщеславие и национальный задор торжествуют ... Даже великий интернациональный рабочий класс ... повинуется национальному приказу и избивает друг-друга на полях битв ... Наша цивилизация обанкротилась ... Писатели с европейской славой не стыдятся выступать яростно слепыми шовинистами ... Мы слишком верили тому, что империалистское безумие может быть укрощено боязнью экономического разорения ... Мы переживаем голую империалистическую борьбу за гегемонию на земле. Нигде и следа нет того, чтобы дело шло о великих идеях, разве что, может быть, о свержении русского минотавра, ... царя и его великих князей, отдававших палачам благороднейших людей своей страны ... Но не видим ли мы, как благородная Франция, носительница идеалов свободы, становится союзником царя-палача? Как честная Германия ... нарушает свое слово и душит несчастную нейтральную Бельгию? .. Чем это кончится? Если нищета станет чересчур велика, если отчаяние возьмет верх, если брат узнает брата в военном мундире врага, — может быть, наступит еще нечто весьма неожиданное, может быть, оружие обратят против тех, кто втравливает в войну, может быть, народы, которым навязали ненависть, забудут ее, объединившись внезапно. Мы не хотим заниматься пророчествами, но если европейская война приблизит нас на шаг к европейской социальной республике, то эта война все-таки была не такх бессмысленна, как теперь кажется».

Чей это голос? Может быть, немецкого социал-демократа?

Куда им! Они стали теперь, с Каутским во главе, «жалкими контр-революционными болтунами», как звал Маркс тех немецких социал-демократов, которые сейчас после издания закона против социалистов держали себя «по-нынешнему», подобно Гаазе, Каутскому, Зюдекуму и К° в наши дни.

Нет, наша цитата взята из журнала мещанских христианских демократов, издаваемого компаний добрых попиков в Цюрихе («Neue Wege Blätter für religiose Arbeit», 1914, September»). Вот до какого позора мы дожили: верующие в бога филистеры договариваются до того, что недурно бы обратить оружие против «втравливающих в войну», а «авторитетные» социал-демократы, как Каутский, «научно» защищают подлейший шовинизм или, как Плеханов, объявляют проповедь гражданской войны против буржуазии вредной «утопией»!!

Да, если подобные «социал-демократы» желают быть в большинстве и составлять официальный «Интернационал» (=союз для интернационального оправдания национального шовинизма), то не лучше ли отказаться от запачканного и униженного ими названия «социал-демократов» и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов? Каутский грозил сделать это, когда бернштейнианцы-оппортунисты подходили как будто к официальному завоеванию немецкой партии. То, что в его устах было пустой угрозой, станет, пожалуй, д е л о м для других.

Мертвый шовинизм и живой социализм [3]).

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам «мирной эволюции»). II Интернационал, успевший за 25—45 лет (смотря по тому, считать ли с 1870 или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный не столько фон-Клюками, сколько оппортунизмом. Пусть те-

перь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интригантские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским и Гаазе, как будто бы перед нами был Иван Иванович, сказавший «гусака» Ивану Никифоровичу и нуждающийся в приятельском «подталкивании» к противнику. Интернационал состоит не в том, чтобы сидели за одним столом и писали лицемерную и крючкотворскую резолюцию люди, которые считают истинным интернационализмом, когда немецкие социалисты оправдывают призыв немецкой буржуазии стрелять во французских рабочих, а французские — призыв французской стрелять в немецких «во имя защиты отечества»!!! Интернационал состоит в том, чтобы сближались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т.-е. собирать свои силы и «стрелять вторыми» против правительств и командующих классов каждый с в о е г о «отечества». Это — не легкое дело, которое потребует немалой подготовки, больших жертв, не обойдется без поражений. Но именно потому, что это не легкое дело, надо делать его только с теми, кто х о ч е т его делать, не боясь полного разрыва с шовинистами и защитниками социал-шовинизма.

Больше всего делают для искреннего, а не для лицемерного, восстановления социалистического, а не шовинистского Интернационала такие люди, как Паннекук, написавший в статье «Крах Интернационала»: «если вожди съедутся и попытаются склеить разногласия, это не будет иметь никакого значения».

Скажем открыто то, что есть: война все равно з а с т а в и т не завтра, так послезавтра сделать это. Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большею частью на-голову, но «разбитые армии хорошо учатся») и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм. Часть гибнущих в этом третьем тече-

нии может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, «защиту отечества», «подчинение законам военного времени», удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны. Только тот, кто ведет э т у политику на деле, строит Интернационал социалистический. Мы, со своей стороны, установив сношения с русской коллегией Центрального Комитета и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшись мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция Центрального Органа, заявить от нашей партии, что только в таком направлении ведомая работа есть партийная и социал-демократическая работа.

Раскол немецкой социал-демократии кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное (заявили же Адлер и Каутский на последнем заседании Международного Социалистического Бюро в июле 1914 года, что они не верят в чудеса и потому не верят в европейскую войну!), — либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией. Тем, кто чересчур привык «верить» в (б ы в ш у ю) немецкую социал-демократию, мы напомним еще только в заключение, как люди, много лет бывшие нашими противниками по целому ряду вопросов, подходят к мысли о таком расколе; — как Л. Мартов писал в «Голосе»: «умер «Vorwärts»; «социал-демократия, объявляющая об отказе от классовой борьбы, лучше бы сделала, если бы открыто признала то, что есть, временно распустила свою организацию, закрыла свои органы»; — как Плеханов, по отчету «Голоса», говорил на реферате: «я большой противник раскола, но если из-за целости организации жертвуют принципами, тогда лучше раскол, чем фальшивое единство». Плеханов сказал это про немецких радикалов: он видит сучок в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу. Это его индивидуальная особенность, к которой мы все слишком привыкли за последние 10 лет плехановского радикализма в теории и оппортунизма на практике. Но если даже люди с т а к и м и индивидуальными... странностями заговаривают о расколе у немцев, то это — знамение времени.

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. [4]).

На-днях окончила свои работы конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П., состоявшаяся в Швейцарии. Помимо обсуждения чисто заграничных дел, о которых мы постараемся сказать хотя бы вкратце в след. № Ц. О., конференция выработала резолюцию по важному и злободневному вопросу о войне. Печатаем эти резолюции немедленно, надеясь, что они будут полезны для всех с.-д., серьезно ищущих выхода к живому делу из современного хаоса мнений, который сводится, в сущности, к словесному признанию интернационализма и стремлению на деле во что бы то ни стало, так или иначе, помириться с социал-шовинизмом.

Резолюция конференции.

Стоя на почве манифеста Ц. К., напечатанного в № 33 *), конференция для большей планомерности пропаганды устанавливает следующие положения.

О характере войны.

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма.

О лозунге «защиты отечества».

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении ца-

*) См. вторую статью настоящего сборника. *Ред.*

ризма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистского характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше, чем когда бы то ни было, верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют отечества». Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может сохранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

Лозунги революционной социал-демократии.

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами».

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с ору-

жием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии, как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет — не отказываться от длительной, повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм, и экономическую борьбу направлять против оппортунизма, в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Оппортунизм и крах II Интернационала.

Крах II Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой ра-

бочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке) а также мелко-буржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означают срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

III Интернационал.

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала.

Пацифизм и лозунг *мира*.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и осо-

бенно в его империалистской стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистскую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.

Отношение к другим партиям и группам.

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народнической) интеллигенции и партии с.-р., при полной неустойчивости их оппозиционного течения в «Мысли», — и основного ядра ликвидаторов («Наша Заря»), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и О. К., начиная с замаскированной поддержки его Лариным и Мартовым до принципиальной защиты идей патриотизма

Аксельродом,—и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. Брюссельский (3 августа 1914 г.) блок совершенно распался. А элементы, группирующиеся вокруг «Нашего Слова», колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства во что бы то ни стало с «Нашей Зарей» и О. К. Так же колеблется с.-д. фракция Чхеидзе, с одной стороны, исключившая плехановца, т.-е. шовиниста, Манькова, с другой стороны, желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, «Нашей Зари», Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей С.-Д. Рабочей Партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912—1914 г.г. всего более «Правдой», восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с О. К., «Нашей Зарей» и Бундом.

К иллюстрации лозунга „гражданской войны".

Из Берлина от 8 января нового стиля сообщали в швейцарские газеты: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает «Tägliche Rundschau», приказ по армии от 29 декабря запрещает братание и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо, как государственная измена».

Итак, братание и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно придает ему серьезное значение. В английской рабочей газете «Labour Leader» от 7 января 1915 года сообщается целый ряд цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братания английских и немецких солдат, устраивавших «перемирие на 48 часов» (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями и т. д. Английское военное начальство запретило братание особым приказом. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги? подобно Каутскому) уверяли печатно рабочих с видом необычайно самодовольным и со спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений, — уверяли, будто согла-

шения между социалистами воюющих стран о действиях против войны невозможны (буквальное выражение Каутского в «Neue Zeit»!).

Представьте себе, что Гайндман, Гэд, Вандервельде, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуазии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за «братание и попытки сближения» между социалистами воюющих стран как в «траншеях», так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь, через 6 месяцев после начала войны, против всех, предавших социализм, главарей, вождей и звезд первой величины, растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министериалистов, и военное начальство грозит смертью за «братание»!

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны», писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гэдом, Плехановым и К°. Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой практический вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братания» между рабами в целях свержения рабства?

Вот каков на деле «практический» вопрос.

Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия.

Журнал английских миллионеров «Экономист» («The Economist») ведет очень поучительную линию по отношению к войне. Представители передового капитала самой старой и самой богатой капиталистической страны горько оплакивают войну и неустанно выражают пожелание мира. Те социал-демократы, которые вслед за оппортунистами и за Каутским думают, что социалистическая программа состоит в проповеди мира, могут, читая английский «Экономист», наглядно убедиться в своей ошибке. Их программа не социалистическая, а буржуазно-пацифистская. Мечтания о мире без проповеди революционных действий выражают страх перед войной, не имея ничего общего с социализмом.

Мало того. Английский «Экономист» стоит за мир именно потому, что боится революции. Например, в № от 13 февраля 1915 г. читаем:

«Филантропы выражают надежду, что мир принесет международное ограничение вооружений... Но те, кто знают, какие силы фактически направляют европейскую дипломатию, не увлекаются никакими утопиями. Перспектива, открываемая войной, есть перспектива кровавых революций, ожесточенных войн труда с капиталом, или народных масс с господствующими классами континентальной Европы».

А в № от 27 марта 1915 г. опять читаем пожелания мира, который обеспечил бы обещаемую Эдуардом Грэем свободу национальностей и пр. Если эта надежда не осуществится, то... «война приведет к революционному хаосу. Никто не может сказать, где начнется этот хаос и чем он кончится»...

Английские миллионеры-пацифисты гораздо вернее понимают современную политику, чем оппортунисты, сторонники Каутского и тому подобные социалистические воздыхатели о мире. Г.г. буржуа, во-первых, знают, что фразы о демократическом мире — пустая, глупенькая утопия, пока прежние «силы фактически направляют дипломатию», т.-е. пока не экспроприирован класс капиталистов. Во-вторых, г.г. буржуа трезво оценивают перспективу: «кровавые революции», «революционный хаос». Социалистический переворот всегда представляется буржуазии в виде «революционного хаоса».

Три вида сочувствия миру видим мы в реальной политике капиталистических стран.

1) Сознательные миллионеры хотят ускорить мир, боясь революций. «Демократический» мир (без аннексий, с ограничением вооружений и т. д.) они трезво и правдиво объявляют утопией при капитализме.

Эту мещанскую утопию проповедуют оппортунисты, сторонники Каутского и т. п.

2) Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение.

3) Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматриваются к настроению

масс, используют нарастающее стремление их к миру не для поддержки пошлых утопий «демократического» мира при капитализме, не для поощрения надежд на филантропов, на начальство, на буржуазию, а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным; — чтобы систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и на их настроение, просвещая их тысячами фактов политики до войны, — доказывать необходимость массовых революционных действий против буржуазии и правительств своей страны, как единственного пути к демократии и к социализму.

О борьбе с социал-шовинизмом.

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне.

На конференции столкнулись два миросозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штуттгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полевее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам — совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутри-партийной дипломатии с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунисток и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии. Рабочим массам, которыми теперь руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними центральными учреждениями способны переменить курс и вместо неправильного взять правильный.

Это не так. Это глубочайшее и гибельнейшее заблуждение. Теперешние социал-демократические партии и их правления *не способны* серьезно изменить курс дела. На *деле* все останется по-старому, и высказанные в резолюции большинства «левые» пожелания останутся невинными пожеланиями — это учли верным политическим инстинктом сторонницы голландской партии Трульстра или теперешнего правления французской партии, голосуя за такую резолюцию. Призыв масс к демонстрациям только при самой активной поддержке теперешних правлений социал-демократических партий может получить практически, на деле, серьезное значение.

Можно ли ждать такой поддержки? Ясно, что нет. Известно, что ожесточенное (и большей частью *прикрытое*) противодействие, а вовсе не поддержку встретит такой призыв со стороны правлений.

Если бы это было сказано прямо рабочим, тогда рабочие знали бы *правду*. Они знали бы, что для проведения в *жизнь* «левых» пожеланий нужна коренная перемена курса социал-демократических партий, нужна упорнейшая борьба с оппортунистами и их «центровыми» друзьями. А теперь рабочих *убаюкивали* левыми пожеланиями, *отказавшись* назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы.

Дипломаты-главари, проводники шовинистской политики в теперешних социал-демократических партиях, превосходно используют слабость, нерешительность, недостаточную определенность резолюции большинства. Они, как ловкие парламентарии, поделят между собой роли; одни скажут — не оценены, не разобраны «серьезные» доводы Каутского и К°, давайте обсуждать в более широком составе; другие скажут — смотрите, не правы ли мы были, говоря, что нет глубоких разногласий, если сторонницы партии Трульстра и партии Гэда-Самба сошлись с левыми немками?

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельде, Гайндману, Гэду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда

на «исправление» названных «вождей», а собирание сил для трудной и серьезной борьбы.

Возьмите вопрос о нарушении оппортунистами и «центровиками» резолюций Штуттгартской и Базельской: ведь, в этом г в о з д ь! Представьте себе прямо и ясно, без дипломатии, как было дело.

Предвидя войну, Интернационал собирается и единогласно решает, в случае наступления войны, работать над «у с к о р е н и е м к р а х а к а п и т а л и з м а», работать в духе К о м м у н ы, о к т я б р я и д е к а б р я 1905 года (точные слова Базельской резолюции!!!), работать в духе признания за «п р е с т у п л е н и е» стрельбы «рабочих одной страны в рабочих другой».

Линия работы в духе интернациональном, пролетарском, революционном, указана здесь вполне ясно — так ясно, что яснее сказать, соблюдая легальность, нельзя было.

Наступает война — именно такая, именно по той линии, как предвидели в Базеле. Официальные партии действуют прямо в противоположном духе: не как интернационалисты, а как националисты; по-буржуазному, а не по-пролетарски; не революционно, а архиоппортунистически. Если мы говорим рабочим: совершена прямая и з м е н а делу социализма, то этими словами мы сразу отметаем все отговорки и увертки, все софизмы à la Каутский и Аксельрод, мы ясно указываем глубину и силу зла, ясно зовем к борьбе, а не к примирению с ним.

А резолюция большинства? Ни звука осуждения изменникам, ни словечка об оппортунизме, простое п о в т о р е н и е идей Базельской резолюции!!! Точно ничего серьезного не случилось, — была случайная ошибочка, достаточно п о в т о р и т ь старое решение, — возникло непринципиальное неглубокое расхождение, достаточно з а к л е и т ь его!!!

Да, ведь, это же прямая и з д е в к а над решениями Интернационала, издевка над рабочими! Социал-шовинисты ничего иного, по сути дела, и не добиваются, как простого п о в т о р е н и я старых решений, лишь бы ничего не изменять на деле. Это и есть, в сущности, молчаливая и лицемерно-прикрытая а м н и с т и я социал-шовинистским сторонникам большинства теперешних партий. Мы знаем, что есть «тьма охотников» пойти именно этим путем, ограничиться несколькими левыми фразами

Нам с такими людьми не по дороге. Мы шли и пойдем другим путем, мы хотим помогать рабочему движению и строительству рабочей партии на деле в духе непримиримом по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.

Часть немецких делегаток, повидимому, боялась вполне определенной резолюции по соображениям, исключительно относящимся к темпу развития борьбы с шовинизмом внутри одной только, именно их собственной, партии. Но такие соображения были явно неуместны и ошибочны, ибо международная резолюция вообще не касалась и не могла касаться ни темпа, ни конкретных условий борьбы с социал-шовинизмом в отдельных странах; в этой области автономия отдельных партий непререкаема Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем.

О поражении своего правительства в империалистической войне [5]).

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов К числу первых принадлежат, например, Семковский из О. К., № 2 его «Известий»). К числу вторых — Троцкий и Буквоед, а в Германии — Каутский. Желание поражения России, — пишет Троцкий, — есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла» (№ 105 «Нашего Слова»).

Вот — образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, если под ней не разуметь

революционные действия против своего правительства и во время войны. Достаточно чуточку подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего правительства, несомненно, неоспоримо, означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для «проницательного читателя»: это вовсе не значит, что надо «взрывать мосты», устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству).

Отделываясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России — значит желать победы Германии (Буквоед и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким «мысль», вернее: недомыслие). И в этом Троцкий повторяет «методологию социал-патриотизма»! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-Демократа») *) пояснила: во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользу рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский «мило ляпнул»: это бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 «Известий»).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победили рабочих! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что они стоят на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. они раболепствуют перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а, с другой стороны, — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От лозунга «поражения» потому и открещиваются шовинисты (с О. К., с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг один только означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких дей-

*) См. выше 33—34 стр. этого сборника. *Ред.*

ствий миллионы революционнейших фраз о войне против «войны и условий и т. д.» не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 г.г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские социал-демократы должны были первыми выступить с теорией и практикой лозунга «поражения». И царское правительство было вполне право, что агитация Р. С.-Д. Р. Фракции — *единственный* образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительной революционной агитации в массах против своего правительства, что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга «поражения» просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее десятилетие ни один высказавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 года *фактически* доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом социал-демократом, сочувствует ли он соглашению социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский («Neue Zeit», от 2 октября 1914 г.), этим *вполне доказав* свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это — заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту А, с другой стороны, если бы это была правда, *тогда оппортунисты были бы во многом правы!*

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие не лицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо только силой примера серьезных революционных действий, приступа к ним, развития их А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, — оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга «поражения», значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие.

И чем же предлагают нам заменить лозунг «поражения»? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Известий». То же весь О. К. в № 1). Но, ведь, это не что иное, как перефразировка лозунга «защита отечества»! Это— именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны остаться в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не борьбы угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма всех империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать, — и говорят народу, — что они «только» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4-го августа: не за войну, а против поражения», пишет вождь оппортунистов Э. Давид в своей книге. «Окисты», вместе с Буквоедом и Троцким, вполне становятся на почву Давида, защищая лозунг: «ни победы, ни поражения»!

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству есть государственная измена (к сведению Буквоеда!), есть содействие

поражению своей страны. Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот на деле отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче вполне буржуазной: охранять от поражения данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские социал-демократы перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им — безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственной измены», как Буквоед, против «распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с «нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «великой» державы.

Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но, во всяком случае, враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия»,

говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а, с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, — и нельзя быть нелицемерным противником «гражданского (классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий — задаче, бесспорно, нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

Из статьи „Крах II Интернационала“ [6]).

Есть ли налицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумеется, ни сами изменники, ни те, кто твердо знает — или смутно догадывается, — что ему придется дружить и мириться с ними. Но, как бы ни было это неприятно разным «авторитетам» II Интернационала или их фракционным друзьям на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно, есть. Это — резолюция Базельского Международного Социалистического Конгресса в 1912 году, которую мы перепечатываем *), как напоминание о «забытых словах» социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые «левые», архиреволюционные резолюции — и самое бесстыдное забвение их или отречение от них, вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала, — а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в «исправление» социализма, в «выпрямление его линии» путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспримерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернул перед войной к защите империализма, все «порядочные» социалисты считали свихнувшимся чудаком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились, — отличаясь между собой только в оттенках и в темпераменте, — виднейшие социал-демократические вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, например, писатели «Нашего Слова», когда они пишут о «господине» Гайндмане в тоне презрения, а о «товарище» Каутском говорят — или молчат — с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в лживости и гибельности шовинизма Гайнд-

*) См. примеч. 1 к настоящему сборнику. *Ред.*

мана, то не следует ли направить критику и нападки на более влиятельного и более опасного защитника подобных взглядов, Каутского?

Взгляды Гэда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гэдист Шарль Дюма в своей брошюрке: «Какого мира мы желаем». Этот «начальник кабинета Жюля Гэда», подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского манифеста он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он опускает все революционные места в нем (т.-е. все его существенное содержание!) — вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти, своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и о революции, пришли «кстати» на помощь изменникам социализма!

Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914 — 1915 г.г. Конфликты Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албаний и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и проч. из-за Армении и Константинополя — вот о чем говорит Базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между «великими державами Европы» говорит Базельская резолюция, что эта война *«не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса!»*

И если теперь Плеханов и Каутский — берем двоих самых типичных и самых близких для нас, пишущего по-русски или переводимого ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов — подыскивают (при помощи Аксельрода) разные «народные

(или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания» войне, если они с ученым видом и с запасом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на «примеры», на войны 1813 и 1870 г.г. (Плеханов) или 1854 — 1871, 1876 — 1877, 1897 годов (Каутский), — то, поистине, только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать «всерьез» подобные доводы, могут н е назвать их неслыханным иезуитизмом, лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии предает проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельде, Плеханов, Гайндман и К°, при помощи полиции «тройственного согласия», так же третируют своих противников, — мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, изобличающего такой поворот вождей, для которого нет другого слова, кроме измены.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789 — 1871 г.г., не о революционной войне, от которых социал-демократы никогда не зарекались, а о т е п е р е ш н е й войне, на почве «капиталистического империализма» и «династических интересов», на почве «завоевательной политики» о б е и х групп воюющих держав, и австро-германской и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К° прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров н е империалистских войн.

Вопрос об империалистическом, грабительском, противопролетарском характере данной войны давно вышел из стадии чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже, во всех своих главных чертах, империализм, как борьба гибнущей, одряхлевшей, сгнившей буржуазии за дележ мира и за порабощение «мелких» наций; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов в с е х стран; не только, например, представитель «союзной» по отношению к нам нации, француз Дэлэзи, в брошюре о «Грядущей войне» (1 9 1 1 г о д а!) популярно разъяснял грабитель-

ский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистского характера, сделав из этого тактические выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 «Нашего Слова»), и т. д. и т. п. Это — софизм, ибо одно дело всестороннее научное исследование империализма; такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще Другое дело — основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении Интернационала Социалистические партии — не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ославить изменниками. не давая себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов способны написать об этом томы, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч., и т. п. Капитализм во всех проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей никогда не будет изучен до конца; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно, — а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался ведь разобрать теперь, после войны, Базельскую резолюцию и показать ее неправильность!

Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и революция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти

у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, при чем ни единым словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а, как отменно-благородный человек, старается свалить дело на крайних левых, вроде Паннекука и Радека!

Рассмотрим, по существу, тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит — 1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и для ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства» — все без исключения — не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Парижской Коммуне (т.-е. о гражданской войне), о революции 1905 года в России и т. д. Все это — совершенно ясные мысли; в них нет р у ч а т е л ь с т в а, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику ф а к т о в и т е н д е н ц и й. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а полицейски-ренегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить

по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революции на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859 — 1861, в 1879 — 1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много, много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905 года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году, и что наступило в 1914 — 1915 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная выражением «экономический и политический кризис». Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К°) выразился даже так, что «мы переживаем своеобразную революцию» (стр. 6 его брошюры: «Германская социал-демократия и война», Берлин, 1915 г.). Политический кризис налицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют сами к самодеятельности

и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский, через два месяца после объявления войны, писал (2 октября 1914 года, в «Neue Zeit»), что «никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны», то это один из образчиков подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в «мирном» подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это — во-первых; а, во-вторых, если «при начале войны», особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство к а ж е т с я всесильным, то никто, никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом «начала» войны, а тем более не отождествлял «кажущегося» с д е й с т в и т е л ь н ы м.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах» — все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, н о з а т о п р о с в е щ а е т и з а к а л я е т д р у г и х, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более

ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось в п о л н е. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К°, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В «Социал-Демократе» (№№ 34, 40, 41) мы приводили данные, показывающие, что люди, б о я щ и е с я революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только о п ы т развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо «иллюзиях», ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших «иллюзий», именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, «встряхивать» народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), «использовать» кризис для «у с к о р е н и я» краха капитализма, руководствоваться п р и м е р а м и Коммуны и октября-декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой

своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

Но как *могло* быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки «теоретически» оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более «тонкие», имеющие вид несравненно большей теоретической солидности).

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это — перепев заявлений всех правительств и деклараций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику» во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в «Голосе» №№ 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию,—и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более

успешного конкурента были главной осью политики обеих воюющих ныне групп держав.

В применении к войнам основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами». Такова формулировка Клаузевитца, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примирительно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освящает переход социалистов всех стран на сторону «своих» капиталистов следующим рассуждением:

Все в праве и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией... (см. «Neue Zeit», 2 октября 1914 года, и другие сочинения того же автора).

Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично-пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского на другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие в французских во имя «защиты отечества»!

Но, если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевитцем около 80 лет тому назад: с начала войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества»! Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между

буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение, — это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 году и Германии в 1870 г., Каутский с ученейшим видом доказывает, что Маркс решает вопрос о том, успех какой стороны (т.-е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—1855, 1859, 1870—1871, а марксисты также в войнах 1876—1877 и 1897 годов. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, инонационального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли заранее звать народы, разжигая национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 году национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму.

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то-есть империалистской, то-есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии, — значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Робеспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландрой, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии

или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую струвистскую теорию развивает у нас Плеханов, у немцев—Ленч и другие. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрыто отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории . . .

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны. Мы отметим только главные три: 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы, — признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии, святую «икону». 2) Развитие оппортунизма среди социал-демократических партий поддерживает такую «переделку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии, рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс всех наций. Об этом нам придется говорить еще ниже в связи с вопросом о причинах краха Интернационала.

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала, — все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистской, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-об'единенным финансовыми капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет достаточных предпосылок» («Neue Zeit», № 5, 30/IV 1915, стр. 144).

«...Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: отхозяйничание, Abwirtschaftung, крах) капитализма»... (Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-на-просто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом», именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов)... «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма». «Ее уроки» (это заметьте!) «могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фраза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть, еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории» оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным — для «теоретика» — именно следующим образом:

Левые социал-демократы в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» социал-демократы грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет.

«Крайние левые», — пишет он в своей брошюре: «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (Нюрнберг 1915), — хотят «противопоставить» неизбежному империализму социализм, т.-е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и только к тому, что надеждой на новую мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов

и официальных социал-демократических партий к буржуазии и их отказ от революционной (т.-е. пролетарской) тактики во время настоящей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, — а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «осуществимости» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского,— это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать,—означает громадное притупление противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке» — говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современною, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной шар поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился; едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния.

Смешно и думать, что ослабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в двух странах за несколько лет. Эти две страны Франция и Германия, по статистике, например, Хармса, в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или, чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, например, крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

«Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала». Это — единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например, Армстронга. Недавно английский «Экономист» (от 1 мая 1915 г.) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 тысяч фунтов стерлингов (около 6 миллионов рублей) в 1905/6 г.г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов рублей) в 1914 г. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое, выводить экономическую тенденцию к разоружению, — значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

Каутский говорит об «уроках» войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, например, его рассуждение в брошюре «Национальное государство» и проч.:

«Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоятельным образом во всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые бы были сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений» (стр. 21).

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции», а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством слащавых слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее поведению, а по словам некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об «интересах» буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые клянутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия». Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации.

Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал вытесняет и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее коло-

нии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет от мелкой буржуазии ее «великодержавные» привилегии и побочные доходы. Это — факт, доказываемый войной. К этому привело на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано и в том числе тем же Каутским в брошюре «Путь к власти».

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает уговаривать капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к «ультраимпериализму» на самом деле есть именно мелко-буржуазное уговаривание финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? Но капитал вывозится больше в самостоятельные страны, например, в Соединенные Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? Но они уже все захвачены, и почти все стремятся к освобождению: «Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству» (стр. 49 цитированной брошюры). «Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные, истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства» (стр. 72—73).

Разве это не филистерское уговаривание финансистов отказаться от империализма? Пугать капиталистов банкротством — это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо «многие теряют так все свое состояние» От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал выигрывает, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому военное подталкивание сопер-

ника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно вывозить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, вроде Турции, — ибо в этих случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как Соединенные Штаты Америки, — тем ожесточеннее борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и проч. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты. А Каутский превращает все в пошлую мещанскую «мораль»: не стоит-де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо «все равно не надолго», да и лучше бы развивать капитализм помирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне «мыслимо», и усовещать финансистов в этом духе — самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов, что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль «марксиста» Каутского: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов» (72). «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» (70)

Какой замечательно серьезный, научный, «марксистский» анализ! Каутский великолепно «поправил» эту неразумную историю, «доказал», что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход, вместе с другими мероприятиями, для того, чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того, — не смекнули еще англичане, что «лучше всего» отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала по Каутскому!) к «мирной демократии»...

«Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритредеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраняет поро-

ждаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля, ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв» (73)...

Подай, господи! Господи, помилуй! Что такое филистер? — спрашивал Лассаль — и отвечал известным изречением поэта: «филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится».

Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп у г о в а р и в а е т капиталистов перейти к мирной демократии — и называет это диалектикой: если вначале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп у т е ш а е т угнетенные массы, разрисовывая блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим» ли таковой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину.

В 1909 году, в брошюре «Путь к власти» он признает — никем не опровергнутое и неопровержимое — обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового «революционного периода». Не может быть, — заявляет он, — «преждевременной» революции и объявляет «прямой изменой нашему

делу» отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. Еще более обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о «военном рабстве» мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат — утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда «сам Маркс» желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих «возможность» капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность «мирной демократии». Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя «перспективу» (за «осуществимость» ее он не ручается) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет «меньше жертв и страданий»... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle).

* * *

Чтобы убедиться в связи между ревизионизмом и социал-шовинизмом, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о массовых явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма, журнал «Социалистический Ежемесячник», стала крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии в Британской Социалистической Партии около $^3/_7$ интернационалистов (66 голосов за интернациональную резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в блоке оппортунистов (Рабочая Партия + Фабианцы + Независимая Рабочая Партия) менее $^1/_7$ интернационалистов. В России основное ядро оппортунистов,

ликвидаторская «Наша Заря», стало основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем хотя бы по опыту пятилетия 1910—1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России — «правдизм» и Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года.

В Италии партия Виссолати и К°, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен р а б о ч е й партией. М а с с ы рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелко-буржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя в обман тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего «проглотить» их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистский вождь Брантинг возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглунд заявляет, что среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. «Социал-Демократ», № 36). В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе («Новом Времени») в «сотворении пакости». В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха склонны оправдывать немецких социал-демократов (см. их орган, цюрихское «Народное Право»), а сторонники гораздо более радикального Р. Гримма создали из бернской газеты («Berner Tagwacht») орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, при чем и здесь мы наблюдаем собственно не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в «L'Humanité» в получении им от своих читателей писем интернационалистского направления, из коих он н и о д н о г о не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистское крыло европейского

социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всесилие в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно, когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях, — теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам дал их союз с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас в России очень часто забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты — часть социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избежании «крайностей» и т. д., и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям нисколько не устраняет того, что они являются — объективно — политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские социалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума, — хотя стоило бы Вандервельде, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидать именно Зюдекума, с чуточку иным национальным обличием. Немецкие цекисты («Vorstand»), которые хвалят Каутского и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они «несогласны» с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской социал-демократической партии один Зюдекум оказался в решающий момент сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна «Наша Заря» сильнее всех течений брюссельского блока, боящихся раскола с ней).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоят буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами способов, а политику его противников пресекают всеми средствами вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров газет (как и голос Вандер-

вельде, Самба, Плеханова), а голоса его противника нельзя услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм—не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1889—1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно одного Зюдекума, ибо за него весь «старый мир», говоря историко-философски, — ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это — факт, что вся немецкая социал-демократическая партия (и то же относится к французам и так далее) делает только то, что приятно Зюдекуму, или, что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного нельзя делать легально. Все, что делается честного, действительно социалистического, в германской социал-демократической партии, делается против ее центров, в обход ее Центрального Комитета и Центрального Органа, делается с нарушением организационной дисциплины, делается фракционно от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, например, воззвание немецких «левых», напечатанное в «Berner Tagwacht» от 31 мая т. г. Фактически растет, крепнет, организуется новая партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легина-Зюдекума-Каутского-Гаазе-Шейдемана и К°.

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном «Прусском Ежегоднике», когда заявил, что оппортунистам (читай: буржуазии) вредно было бы, если бы теперешняя социал-демократия поправела, — ибо тогда рабочие ушли бы от нее. Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, соединяющая правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и «совсем-марксистскими» фразами. На словах социализм и револю-

ционность — для народа, для массы, для рабочих; на деле — зюдекумовщина, т.-е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: всякого кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и «феодальная» Германия, и «свободно-парламентарная» Англия или Франция немедленно введут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом. Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что нельзя мириться с нахождением такого течения внутри социал-демократических рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914—1915 г.г в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий назрели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах процесс отделения рабочих революционно-социал-демократических партий от мелко-буржуазно-оппортунистических Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочих партий. Война 1914—1915 г.г: есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму не может остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, и нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще, того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих

партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм — если говорить в общеевропейском масштабе — был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который с р о с с я со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя — можно и должно безбоязненно идти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом. организаций рабочего класса к революционным, умеющим н е ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гэдом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне, или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся п о л и т и ч е с к и е препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

Империализм и социализм в Италии.

(З а м е т к а).

Для освещения тех вопросов, которые поставила теперешняя империалистическая война перед социализмом, небесполезно бросить взгляд на различные европейские страны, чтобы научиться отделять национальные видоизменения и частности общей картины от коренного и существенного. Со стороны, говорят, виднее. Поэтому, чем меньше сходство Италии с Россией, тем интереснее в некоторых отношениях сравнить империализм и социализм в обеих странах.

В настоящей заметке мы намерены лишь отметить материал, который дают по этому вопросу вышедшие после войны сочинения буржуазного профессора Роберта Михельса: «Итальянский империализм» и социалиста Т. Барбони: «Интернационализм или классовых социализм? (Итальянский пролетариат и европейская война)». Болтливый Михельс остался столь же поверхностным, как и в других своих сочинениях, едва коснувшись экономической стороны империализма, но в его книге собран ценный материал о происхождении итальянского империализма, и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи и который особенно наглядно выступает в Италии, именно: переходе от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных. Италия революционно-демократическая, т.-е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия, времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи. Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией «научным объективизмом» и называет этот дележ добычи «дележом той части мира, которая еще осталась в руках слабых народов» (стр. 179). Пренебрежительно отвергая, как «утопическую», точку зрения тех социалистов, которые враждебны всякой колониальной политике, Михельс повторяет рассуждения людей, считающих, что Италия «должна была бы быть второй колониальной державой», уступая первенство лишь Англии, по густоте населения и силе эмиграционного движения. А что в Италии 40% населения безграмотны, что в ней доныне бывают холерные бунты и проч., и т. п., то этот аргумент опровергается ссылкой на Англию: разве она не была страной невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в первой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?

И надо сказать, что с буржуазной точки зрения это рассуждение непререкаемо. Колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, неисцелимые, уклонения капитализма (как

думают филистеры и Каутский среди них), а неизбежное следствие самых основ капитализма: конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так — разориться или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так — остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди «великих» держав.

Итальянский империализм прозвали «империализм бедняков» (l'imperialismo della povera gente), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов. Итальянский шовинист Артур Лабриола, который отличается от своего бывшего противника, Г. Плеханова, только тем, что немножко раньше него обнаружил свой социал-шовинизм и пришел к этому социал-шовинизму через мелко-буржуазный полу-анархизм, а не через мелко-буржуазный оппортунизм, этот Артур Лабриола писал в своей книжке о триполитанской войне (в 1912 году):

«... Ясно, что мы боремся не только против турок... но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее железную гегемонию ее» (стр. 22). А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: «Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией».

Всякая страна, которая имеет больше «нашего» колоний, капиталов, войска, отнимает у «нас» известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии — бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародие (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистическую борьбу ради «права» грабить других за национально-освободительную войну.

До триполитанской войны Италия не грабила — по крайней мере в больших размерах — других народов. Разве это не нестер-

пимая обида для национальной гордости? Итальянцы—в угнетении и в унижении перед другими нациями. Итальянская эмиграция составляла около 100.000 человек в год в 70-х годах прошлого века, а теперь достигает от половины до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов. Число итальянцев, живущих за границей, с 1 миллиона в 1881 году поднялось до 5½ миллионов в 1910 году, при чем громадная масса приходится на богатые и «великие» страны, по отношению к которым итальянцы являются самой грубой и «черной», нищей и бесправной рабочей массой. Вот главные страны, потребляющие дешевый итальянский труд: Франция—400 тысяч итальянцев в 1910 г. (240 тысяч в 1881 г.;) Швейцария—135 тысяч (41) — (в скобках—число тысяч в 1881 г.); Австрия—80 тысяч (40); Германия—180 тысяч (7); Соединенные Штаты—1.779 тысяч (170); Бразилия—1.500 тысяч (82); Аргентина—1.000 (254). «Блестящая» Франция, которая 125 лет тому назад боролась за свободу и по этому случаю называет «освободительной» свою теперешнюю войну за свое английское рабовладельческое «право на колонии», эта Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих прямо-таки в особых гетто, от которых мелко-буржуазная сволочь «великой» нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унизить и оскорбить. Итальянцев зовут презрительной кличкой «макароны» (пусть припомнит великорусский читатель, сколько презрительных кличек ходит в нашей стране по отношению к «инородцам», которые не имели счастья родиться с правом на благородные великодержавные привилегии, служащие для Пуришкевичей орудием угнетения *и* великорусского, *и* всех других народов России). Великая Франция заключила в 1896 году договор с Италией, в силу которого эта последняя обязуется не увеличивать число итальянских школ в Тунисе! А итальянское население в Тунисе с тех пор увеличилось вшестеро. Итальянцев в Тунисе 105.000 против 35.000 французов, но из первых только 1.167 поземельные собственники, имеющие 83.000 гектаров, а из вторых 2.395, награбившие в своей колонии 700.000 гектаров. Ну, как же не согласиться с Лабриола и другими итальянскими

«плехановцами» в том, что Италия имеет «право» на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д.!

Как Плеханов поддерживает «освободительную» войну России против стремления Германии превратить ее в свою колонию, так вождь партии реформистов Леонид Биссолати вопиет против «нашествия иностранного капитала в Италии» (стр. 97): немецкий капитал в Ломбардии, английский в Сицилии, французский в Пиячентино, бельгийский в трамвайных предприятиях и т. д., и т. д. без конца.

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов людей разных наций: л и б о защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии или преимущества или притязания «своей» буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; л и б о использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего с в о е́ г о правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет, или другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Вся книжка Барбони посвящена, в сущности, именно тому, чтобы прикрыть этот переход. Барбони корчит из себя интернационалиста совершенно так же, как наш г. Потресов, рассуждая, что надо с интернациональной точки зрения определить, успех какой стороны полезнее или безвреднее для пролетариата, и решая этот вопрос, разумеется, против... Австрии и Германии, Барбони вполне в духе Каутского предлагает итальянской социалистической партии торжественно провозгласить солидарность рабочих всех стран, — воюющих в первую голову, конечно, — интернационалистские убеждения, программу мира на основе разоружения и национальной независимости всех наций с образованием «лиги всех наций для взаимной гарантии неприкосновенности и независимости» (стр. 126). И как раз во имя этих принципов Барбони объявляет, что милитаризм—«паразитическое» явление в капитализме, а «вовсе не необходимое»; — что «милита-

ристским империализмом» пропитаны Германия и Австрия, что их агрессивная политика была «постоянно угрозой европейскому миру», что Германия «постоянно отвергала предложения об ограничении вооружений, делавшиеся Россией (sic!!) и Англией» и т. д., и т. д. — и что социалистическая партия Италии должна высказаться за вмешательство Италии в пользу тройственного согласия в подходящий момент!

Остается неизвестным, в силу каких принципов можно предпочесть буржуазному империализму Германии, которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно «обижена» при разделе колоний,—буржуазный империализм Англии, развивающейся гораздо медленнее, заграбившей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и нанимающей на свои миллиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии и Турции и пр. Интернационализм Барбони сводится в сущности, как и у Каутского, к словесной защите социалистических принципов, а под прикрытием этого лицемерия проводится на деле защита своей, итальянской буржуазии. Нельзя не отметить, что Барбони, издавший свою книгу в свободной Швейцарии (цензура которой заклеила только половину одной строки, на стр. 75, повидимому, посвященной критике Австрии), на протяжении всех 143 страниц не пожелал привести основных положений Базельского манифеста и добросовестно разобрать их. Зато двух русских бывших революционеров, которых рекламирует теперь вся франкофильская буржуазия, мещанина от анархизма Крапоткина, и филистера от социал-демократизма Плеханова, наш Барбони цитирует с глубоким сочувствием (стр. 103). Еще бы! Софизмы Плеханова ничем, по сути дела, не отличаются от софизмов Барбони. Только политическая свобода в Италии лучше срывает покровы с этих софизмов, яснее разоблачает истинную позицию Барбони, как агента буржуазии в рабочем лагере.

Барбони жалеет об «отсутствии истинного и настоящего революционного духа» в германской социал-демократии (совсем как Плеханов); он горячо приветствует Карла Либкнехта (как приветствуют его французские социал-шовинисты, не видящие бревна в своем глазу); но он решительно заявляет, что «не может быть и речи о банкротстве Интернационала» (стр. 92),

что немцы «не изменили духу Интернационала» (стр. 111), поскольку они действовали в «добросовестном» убеждении, что защищают отечество. И Барбони в том же елейном духе, как и Каутский, только с романским краснобайством заявляет, что Интернационал готов (после победы над Германией...) «простить немцам, как Христос простил Петру минуту недоверия, залечить забвением глубокие раны, нанесенные милитаристским империализмом, и протянуть руку для достойного и братского мира» (стр. 113).

Умилительная картина: Барбони и Каутский — не без участия, вероятно, наших Коссовского и Аксельрода — прощают друг друга!!

Вполне довольный Каутским и Гэдом, Плехановым и Кропоткиным, Барбони не доволен своей социалистической, рабочей, партией в Италии. В этой партии, которая имела счастье еще до войны избавиться от реформистов Биссолати и К°, создана, видите ли, такая «атмосфера, что нельзя дышать» (стр. 7) тем, кто (подобно Барбони) не разделяет лозунга «абсолютной нейтральности» (т.-е. решительной борьбы с защитой вмешательства в войну со стороны Италии). Бедный Барбони горько плачется, что людей, подобных ему, называют в итальянской социалистической рабочей партии «интеллигентами», «людьми, потерявшими контакт с массами, выходцами из буржуазии», «людьми, сбившимися с прямого пути социализма и интернационализма» (стр. 7). Наша партия — возмущается Барбони — «более фанатизирует, чем воспитывает массы» (стр. 4).

Старый мотив! Итальянский вариант знакомого напева русских ликвидаторов и оппортунистов против «демагогии» злых большевиков, «натравливающих» массы на прекрасных социалистов из «Нашей Зари», О. К. и фракции Чхеидзе! Но какое ценное признание итальянского социал-шовиниста, что в единственной стране, где можно было несколько месяцев свободно обсуждать платформы социал-шовинистов и революционеров-интернационалистов, именно р а б о ч и е м а с с ы, именно с о з н а т е л ь н ы й п р о л е т а р и а т встал на сторону последних, а мелко-буржуазные интеллигенты и оппортунисты на сторону первых.

Нейтральность есть узкий эгоизм, непонимание международной ситуации, есть подлость по отношению к Бельгии, есть «от-

сутствие»—а «отсутствующие всегда неправы», рассуждает Барбони вполне в духе Плеханова и Аксельрода. Но, так как в Италии две открытые партии, реформистская и социал-демократическая рабочая, так как в этой стране нельзя надувать публику, прикрывая наготу г.г. Потресовых, Череваниных, Левицких и К° фиговым листком фракции Чхеидзе или О. К., то Барбони признается откровенно:

«С этой точки зрения я вижу больше революционности в действиях социалистов-реформистов, которые быстро поняли, какое громадное значение имело бы для будущей антикапиталистической борьбы это обновление политической обстановки» (вследствие победы над германским милитаризмом), «и вполне последовательно встали на сторону тройственного согласия, чем в тактике официальных революционных социалистов, которые спрятались, точно черепаха, под щит абсолютной нейтральности» (стр. 81).

По поводу этого ценного признания нам остается лишь выразить пожелание, чтобы кто-либо из товарищей, знакомых с итальянским движением, собрал и систематически обработал громадный и интереснейший материал, данный двумя партиями Италии, по вопросу о том, какие общественные слои, какие элементы, при чьей помощи, какими аргументами защищали революционную политику итальянского пролетариата, с одной стороны, и лакейство перед итальянской империалистской буржуазией, с другой. Чем больше будет собрано такого материала в разных странах, тем яснее выступит перед сознательными рабочими истина о причинах и значении краха II Интернационала.

Заметим в заключение, что Барбони, имея перед собой рабочую партию, старается софистически подделаться под революционные инстинкты рабочих. Он изображает социалистов-интернационалистов в Италии, враждебных войне, которая на деле ведется ради империалистских интересов итальянской буржуазии, сторонниками трусливого воздержания, эгоистического желания спрятаться от ужасов войны. «Народ, воспитанный в страхе перед ужасами войны, вероятно, испугается также и ужасов революции» (стр. 83). И рядом с этой омерзительной попыткой подыграться под революционеров — грубо-деляческая ссылка на «ясные» слова министра Саландры: «порядок будет охранен во что бы то ни стало» — попытка всеобщей стачки против мобилизации приведет лишь к «бесполезной бойне»; «мы не

могли помешать войне либийской (триполитанской), еще менее сможем помешать войне с Австрией» (стр. 82).

Барбони, подобно Каутскому, Кунову и всем оппортунистам, сознательно, с самым подлым расчетом надуть кое-кого из массы, приписывает революционерам глупенький план «сразу» «сорвать войну» и дать себя перестрелять в наиболее удобный для буржуазии момент,—желая отговориться от ясно поставленной в Штуттгарте и Базеле задачи: использовать революционный кризис для систематической революционной пропаганды и подготовки революционных действий масс. А что Европа переживает революционный момент, это Барбони видит совершенно ясно:

«... Есть пункт, на котором я считаю необходимым настаивать, даже рискуя надоесть читателю, ибо нельзя правильно оценить теперешней политической ситуации, не выяснив этого пункта: период, который мы переживаем, есть период катастрофический, период действия, когда дело идет не о выяснении идей, не о составлении программ, не об определении линии политического поведения для будущего, а о применении живой и активной силы для достижения результата на протяжении месяцев, а может быть, даже только недель. При таких условиях речь идет не о том, чтобы философствовать о будущем пролетарского движения, а о том, чтобы закрепить точку зрения пролетариата перед лицом текущего момента» (стр. 87—88).

Еще один софизм с подделкой под революционность! 44 года после Коммуны, переживший почти полвека собирания и подготовки массовых сил, революционный класс Европы должен думать в момент, когда она переживает к а т а с т р о ф и ч е с к и й период, о том, как бы поскорее стать лакеем своей национальной буржуазии, помочь ей грабить, насиловать, разорять, покорять чужие народы, а не о том, чтобы развернуть в массовых размерах непосредственно революционную пропаганду и подготовку революционных действий.

II. ОТ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Революционные марксисты на Международной Социалистической Конференции 5—8 сентября 1915 г. [7]).

Идейная борьба на конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией, — а также с основанным на ней проектом манифеста, — и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией.

Какие же доводы были выдвигаемы против нас колеблющимися? Немцы признавали, что мы идем навстречу революционным битвам, но, — говорили они, — о таких вещах, как братание в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир. Это делают, но об этом не говорят. А другие добавляли: это — ребячество, это — вспышкопускательство.

За эти до смешного, до неприличного противоречивые и уклончивые речи немецкие полукаутскианцы наказали сами себя, приняв выражение симпатии и заявление о необходимости подражать членам Р. С.-Д. Р. Фракции, которые как раз распространяли наш Ц. О. «Социал-Демократ», «кричавший на весь мир» о гражданской войне.

Вы поступаете по дурному примеру Каутского, отвечали мы «немцам»: на словах признание грядущей революции, на деле отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней,

намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции. Маркс и Энгельс, из-за границы — немецким филистерам казалось ужасным, что о революционных средствах борьбы хотят говорить из-за границы! — в 1847 году, в знаменитом «Манифесте Коммунистической Партии», звали к революции, говорили прямо и открыто о применении насилия, объявляли «презренным» делом сокрытие своих революционных целей, задач и приемов борьбы. Революция 1848 г. доказала, что только Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой. В России за несколько лет до революции 1905 г., в старой «Искре» 1901 г., Плеханов, бывший тогда марксистом, писал в статье, шедшей без подписи, как выражение взглядов всей редакции, о грядущем восстании и о таких путях подготовки его, как уличные демонстрации, и даже о таких технических приемах, как употребление проволоки для борьбы с кавалерией. Революция в России доказала, что только старые «искровцы» подходили к событиям с верной тактикой. И теперь одно из двух. Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революционную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпопеи ведет к революции пролетариата. — Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна,—и тогда нечего по-пустому употреблять слова о войне с войной. Тогда мы на деле национал-либеральные рабочие политики зюдекумо-плехановского или каутскианского оттенка.

Французские делегаты тоже заявили, что, по их убеждению, теперешнее положение дел в Европе приведет к революции. «Но,— говорили они, — мы пришли сюда не затем, чтобы «давать формулу III Интернационала», это — во-первых; а во-вторых, французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он развращен и пресыщен анархистской и эрвеистской фразой». Первый довод неразумен, ибо в общем компромиссном манифесте все же «дана формула» III Интернационала, только непоследовательная, не-

договоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод учета особого положения Франции — не в смысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле «больных мест» французского рабочего движения. Но из этого учета вытекало бы лишь то, что французские социалисты, может быть, медленнее подходили бы к общеевропейским революционным выступлениям пролетариата, а вовсе не то, что эти действия не нужны. Вопрос о том, с какой быстротой пролетариат разных стран, каким путем, в каких особых формах способен совершать переход к революционным действиям, этот вопрос вовсе не ставился на конференции, да и нельзя было его ставить. Нет еще данных для него. Наше дело пока — сообща проповедывать верную тактику, а там события покажут темп движения и видоизменения (национальные, локальные, профессиональные) общего русла. Если французский пролетариат развращен анархической фразой, то он развращен также и мильеранизмом, и не наше дело усиливать это развращение недомолвками манифеста.

Не кто иной, как сам Мергейм обронил характерную и глубоко верную фразу: «партия (социалистическая), Жуо (секретарь Генеральной Конфедерации Труда) и правительство—это три головы под одним колпаком» Это правда. Это факт, доказанный годичным опытом борьбы французских интернационалистов с партией и с г.г. Жуо. Но выход отсюда только один: нельзя бороться с правительством, не борясь с партиями оппортунистов и главарями анархо-синдикализма. А задачи этой борьбы общий манифест, в отличие от нашей резолюции, только наметил, но не договорил до конца.

Один итальянец, возражая против нашей тактики, сказал: «ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано» (ибо война еще не породила условий революции); и притом вы предлагаете «изменение программы» Интернационала, ибо всегда вся наша пропаганда велась «против насилия». Нам легко было ответить на это цитатой из «En garde» («На страже») Жюля Гэда, что никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственно революционых приемов борьбы вообще. Всегда все говорили, что легальная борьба, парламентаризм и восстание взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг

в друга, смотря по изменению условий движения. Кстати, из той же книги «En garde» была приведена нами цитата из речи Гэда 1899 года, где он говорит о вероятности войны из-за рынков, колоний и т. п., указывая при этом, что если бы при такой войне оказались налицо Мильераны французский, немецкий, английский, то «что сталось бы с интернациональной солидарностью пролетариата?». Гэд заранее осудил сам себя этой речью. А что касается до «несвоевременности» проповеди революции, то это возражение покоится на обычном у романских социалистов смешении понятий: начало революции они смешивают с открытой и прямой проповедью ее. В России начало революции 1905 года никто не признает ранее 9 января 1905 года; а революционная проповедь в самом узком смысле, пропаганды и подготовки массовых выступлений, демонстраций, стачек, баррикад велась годами до этого. Например, старая «Искра» с конца 1900 года вела эту проповедь, как Маркс вел ее с 1847 года, когда о начале революции в Европе не могло быть еще и речи.

Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры, до наступления революции предвидя ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее.

Ирония истории сделала так, что именно Каутский и его друзья, пытавшиеся прямо вырвать из рук Гримма созыв конференции, пытавшиеся прямо сорвать конференцию левых (ближайшие друзья Каутского совершали даже поездки для этой цели, что было разоблачено Гриммом на конференции), именно они толкнули конференцию влево. Оппортунисты и каутскианцы своей практикой доказывают правильность позиции, занятой нашей партией.

Несколько тезисов.

Для России и для всего Интернационала громадная работа, развернутая Петербургским Комитетом нашей партии, — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов по злободневным вопросам социал-демократической работы: 1) Лозунг «Учредительного Собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 году, ибо его можно было толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день) с добавлением (ср. № 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны. 2) Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях. О бойкоте Государственной Думы не может быть и речи. Участие в перевыборах безусловно необходимо. Пока в Государственной Думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе, с точки зрения революционной социал-демократии. 3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско. Важнейшей задачей революционной социал-демократии является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов». В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании — вернуть немедленно рабочих депутатов, членов Р. С.-Д. Р. Фракции. 4) Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения. 5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата

крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К° над деревней. За необходимость отдельной организации сельских пролетариев мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях. 6) Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелко-буржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран. 7) Участие социал-демократов во Временном Революционном Правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, попрежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами. 8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря», фракция Чхеидзе, Орг. Ком., г. Плеханов и тому подобное. 9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции. 10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр. 11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы от-

вечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и независимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал даже 1905 год. А международная солидарность революционного пролетариата есть факт вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма. Выставляя эти тезисы для обмена мнений с товарищами, мы будем развивать наши взгляды в следующих номерах Центрального Органа.

О „программе мира“ [8]).

Одним из важнейших вопросов, поставленных в порядок дня второй международной конференции «циммервальдцев», является вопрос о социал-демократической «программе мира». Чтобы сразу ввести читателя в настоящую суть этого вопроса, приведем относящееся сюда заявление Каутского, авторитетнейшего представителя II Интернационала и авторитетнейшего защитника социал-шовинистов всех стран.

«Интернационал не есть пригодное орудие во время войны: он есть, по сути дела, орудие мира... Борьба за мир, классовая борьба во время мира» («Neue Zeit», 27/XI 1914). «Все программы мира, которые до сих пор были формулированы в пределах Интернационала, Копенгагенская, Лондонская, Венская, все они требуют признания самостоятельности наций, и вполне справедливо. Это требование должно быть нашим компасом в теперешней войне» (там же, 21/V 1915).

В этих немногих словах прекрасно выражена «программа» интернационального объединения и примирения социал-шовини-

стов. Каждый знает, что в Вене заседали друзья и сторонники Зюдекума, действующие вполне в его духе, защищающие германский империализм под видом «защиты отечества». А в Лондоне заседали Зюдекумы французские, английские и русские, защищающие «свой» национальный империализм под тем же предлогом. Действительная политика и лондонских и венских героев социал-шовинизма состоит в оправдании участия в империалистической войне, в оправдании убийства французскими рабочими немецких и обратно из-за того, какая национальная буржуазия должна иметь преимущество в грабеже чужих стран. И для прикрытия этой действительной политики, для обмана рабочих лондонским и венским героям служит фраза, что мы-де «признаем» «самостоятельность наций» или, другими словами, признаем самоопределение наций, отвергаем аннексии и т. д., и т. п.!

Ясно, как день, что это «признание» есть вопиющая ложь, гнуснейшее лицемерие, ибо оправдывается участие в войне, служащей с обеих сторон порабощению наций, а не самостоятельности их. И вот авторитетный Каутский вместо того, чтобы вскрыть, разоблачить, заклеймить лицемерие, освящает его. Единодушное стремление изменивших социализму шовинистов обмануть рабочих служит для Каутского доказательством «единодушия» и жизненности Интернационала в вопросе о мире!! Лицемерие национальное, грубое, наглядное, бросающееся в глаза, очевидное для рабочих, Каутский превращает в лицемерие интернациональное, тонкое, прикрытое, засоряющее глаза рабочим. Каутскианская политика во сто раз вреднее и опаснее для рабочего движения, чем зюдекумовская. Каутскианское лицемерие во сто раз отвратительнее.

И дело вовсе не в одном Каутском, ибо такую же политику, по сути дела, ведут Аксельрод, Мартов, Чхеидзе в России, Лонгэ и Прессман во Франции, Тревес в Италии и т. д. Объективное значение этой политики состоит в том, что она служит поддержкой буржуазной лжи в рабочем классе, проведением буржуазных идей в пролетариат. Что Зюдекум, с одной стороны, и Плеханов, с другой, только повторяют буржуазную ложь капиталистов «своей» нации, это очевидно, но не так очевидно, что Каутский ту же самую ложь освящает и возводит в «высшую правду» «единодушного» Интернационала. А буржуазии как раз и надо, чтобы рабочие считали Зюдекумов и Плехановых автори-

тетными, единодушными, лишь временно разошедшимися «социалистами». Буржуазии как раз то и надо, чтобы лицемерными фразами о мире, пустыми, ни к чему не обязывающими фразами, отвлекать рабочих от революционной борьбы во время войны, убаюкивать их, утешать надеждой на мир без аннексий, мир демократический и проч., и т. п.

Гюисманс только популяризировал каутскианскую программу мира, добавляя третейские суды, демократизацию внешней политики и т. п. А первым и основным пунктом социалистической программы мира должно быть разоблачение лицемерия каутскианской программы мира, состоящей в укреплении буржуазного влияния на пролетариат.

Припомним основные понятия социалистического учения, извращаемые каутскианцами. Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие.

Война 1870—1871 г.г. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержкой демократической буржуазии: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски «повторить» этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 г.г. Эта война продолжает политику перезревшей реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывающей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, не может, в силу объективного положения не может, вести ни к какому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение

Германии. Эта война ускоряет развитие только к социалистической революции. Тогда программа демократического (буржуазного) мира имела под собой объективную историческую основу. Теперь этой основы нет, и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, объективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от революционной борьбы за социализм! Тогда программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличности глубокое, десятилетиями проявившее себя, демократически-буржуазное движение масс (к свержению Наполеона III, к объединению Германии). Теперь программой демократического мира, на почве буржуазных отношений, социалисты поддерживают обман народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от социалистической революции.

Как фразы о «защите отечества» облыжно несут в массы идеологию национально-освободительной войны, так фразы о демократическом мире обходным путем протаскивают ту же самую буржуазную ложь.

«Значит, у вас нет никакой программы мира, значит, вы против демократических требований», возражают каутскианцы, спекулируя на то, что невнимательные люди не заметят заключающуюся в этом возражении подмену существующих социалистических задач несуществующими буржуазно-демократическими задачами.

О, нет, господа, отвечаем мы каутскианцам. Мы за демократические требования, мы одни боремся за них нелицемерно, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией. Возьмите для примера тот «компас», который служит Каутскому и К° для буржуазного обмана рабочих.

Зюдекум и Плеханов «единодушны» в «программе мира»: против аннексий! за самостоятельность наций! И заметьте, что Зюдекумы правы, когда они говорят, что отношение России к Польше, Финляндии и т. д. есть отношение аннексионистское. Прав и Плеханов, говоря, что таково же отношение Германии к Эльзас-Лотарингии, Сербии, Бельгии и пр. Оба правы, не правда ли? И Каутский «примиряет» Зюдекума немецкого с Зюдекумом русским.

Но всякий толковый рабочий сразу видит, что и Каутский, и о б а Зюдекума — лицемерны. Это ясно. Чтобы быть социалистом, надо не мириться с лицемерным демократизмом, а р а з о б л а ч а т ь его. Как же разоблачить его? Очень просто: «признание» самостоятельности наций можно считать нелицемерным л и ш ь тогда, когда представитель угнетающей нации и до войны и во время ее требовал свободы отделения нации, угнетенной е г о с о б с т в е н н ы м «отечеством».

Это требование одно только соответствует марксизму. Маркс выставлял его, исходя из интересов британского пролетариата, когда требовал свободы Ирландии, допуская при этом вероятность федерации после отделения, т.-е. требуя свободу отделения не ради раздробления и обособленности, а ради более прочной и более демократической связи. Во всех случаях, когда есть угнетенные и угнетающие нации, когда нет налицо особых обстоятельств, выделяющих революционно-демократические и реакционные нации (такие обстоятельства были налицо, например, в 40-х годах XIX века), политика Маркса по отношению к Ирландии должна стать образцом пролетарской политики. А империализм есть как раз та эпоха, когда существенно и типично деление наций на угнетающие и угнетенные, а различие реакционных и революционных наций в Европе совсем невозможно.

Наша партия еще в 1913 году выставила, в резолюции по национальному вопросу, обязательность для социал-демократов применять понятие самоопределения в указанном здесь смысле. И война 1914—1916 г.г. целиком подтвердила нас.

Возьмите последнюю статью Каутского в «Neue Zeit» от 3/III 1916. Он прямо заявляет свое с о г л а с и е с заведомым и крайним немецким шовинистом в Австрии, Аустерлицом, редактором шовинистской венской «Габсбургской Газеты», согласие в том, что не надо «смешивать самостоятельность нации с ее суверенностью». Другими словами: довольно с угнетенных наций и национальной автономии внутри «государства национальностей», не обязательно требовать для них равного права на политическую самостоятельность. И тут же, в той же статье Каутский утверждает, что нельзя доказать, что «принадлежность к русскому государству есть необходимость для поляков».

Что это значит? Это значит, что в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К° Каутский признает с в о б о д у о т-

деления Польши от России, хотя Россия есть «государство национальностей», но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!! Французских социалистов Каутский в той же статье объявляет отступившими от интернационализма на том основании, что они войной хотят добиваться свободы Эльзаса-Лотарингии. О том, что немецкие Зюдекумы и К° отступают от интернационализма, когда они отказываются требовать свободы отделения Эльзаса-Лотарингии от Германии, Каутский молчит!

Словечко «государство национальностей»—это словечко могут применить и к Англии, имея в виду Ирландию, и к Германии, имея в виду Польшу, Эльзас и проч. — Каутский использует для явной защиты социал-шовинизма. «Борьбу против аннексий» Каутский превратил в «программу мира»... с шовинистами, превратил в вопиющее лицемерие. И в той же статье Каутский повторяет сладенькие Иудушкины речи: «Интернационал никогда не переставал требовать согласия заинтересованного населения при передвижке государственных границ». Не ясно ли, что Зюдекум и К° требуют «согласия» эльзасцев и бельгийцев на присоединение их к Германии, Аустерлиц и К° требуют «согласия» поляков и сербов на присоединение к Австрии?

А русский каутскианец Мартов? Он пошел в газету гвоздевцев «Наш Голос» (Самара) доказывать ту бесспорную истину, что из самоопределения наций еще не вытекает оборона отечества в империалистской войне. Но о том, что русский социал-демократ изменяет принципу самоопределения, если он не требует свободы отделения угнетенных великороссами наций, Мартов молчит — тем самым протягивая руку для мира с Алексинскими, Гвоздевыми, Потресовыми и Плехановыми! Мартов молчит об этом и в нелегальной печати! Он спорит с голландцем Гортером, хотя Гортер, неправильно отрицая принцип самоопределения наций, правильно применяет его, требуя политической независимости голландской Индии и разоблачая измену социализму несогласных с этим голландских оппортунистов. Но Мартов не желает спорить со своим секретарем Семковским, который в 1912—1915 г.г. один выступал в ликвидаторской печати по этому вопросу и отрицал право на отделение, отрицал вообще самоопределение!

Разве не ясно, что Мартов так же лицемерно «защищает» самоопределение, как и Каутский? так же прикрывает свое желание мириться с шовинистами?

А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев!

Подобная «борьба против аннексий» есть обман рабочих, а не разъяснение программы социал-демократов, есть словесная отписка, а не конкретное указание долга интернационалистов, есть уступка предрассудкам национализма и корыстным интересам его («мы» все, и буржуа и социал-шовинисты, извлекаем «выгоды» из угнетения нации «нашим» отечеством!), а не борьба с национализмом.

«Программа мира» социал-демократов должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных, социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире. Это первое и основное. Без этого мы — невольные или вольные пособники обмана масс. Наша «программа мира» требует, чтобы главный пункт демократии в этом вопросе — отрицание аннексий — применялся на деле, а не на словах, служил интернационалистской пропаганде, а не национальному лицемерию. Для этого надо разъяснять массам, что отрицание аннексий, то-есть признание самоопределения, искренно лишь тогда, когда социалист каждой нации требует свободы отделения наций, угнетенных его нацией. — Как положительный лозунг, вовлекающий массы в революционную борьбу и разъясняющий необходимость революционных мер для «демократического мира», должен быть выставлен лозунг: отказ от платежа государственных долгов.

Наша «программа мира», наконец, должна состоять в разъяснении того, что империалистские державы и империалистская буржуазия не могут дать демократического мира. Его надо искать и добиваться — но не позади, в реакционной утопии не империалистского капитализма или союза равноправных наций при капитализме, — а впереди, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе, как через революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам «демократический» мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая борьбу за нее, борьбу уже во время войны, тот обманывает пролетариат.

О сепаратном мире [9]).

Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались.

Такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете, на основании имеющихся у нее сведений. И когда русское посольство в Берне поспешило выступить с официальным опровержением, а французские шовинисты приписали распространение этих слухов тому, что «немец гадит», то социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению и в подтверждение своего заявления сослалась еще на тот факт, что в Швейцарии находятся как раз теперь и немецкие (Бюлов), и русские «государственные люди» (Штюрмер, Гирс и один дипломат, приехавший из Испании), и что в торговых кругах Швейцарии имеются аналогичные положительные сведения из торговых кругов России.

Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно.

Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии, и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреоборимо установленных фактов политики за последние десятилетия. Пусть господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и К°, играющие теперь роль марксистообразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милюкове, лезут из кожи вон, доказывая «вину Германии» и «оборонительный характер» войны со стороны России, — этих шутов сознательные рабочие не слушали и не слушают. Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне два столкно-

вения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной, конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

Наряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как

только они покажутся в «Цареграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск вглубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов.

А теперь? Посмотрите, что происходит в настоящей войне. Нестерпимо слушать «социалистов», перешедших от пролетариата к буржуазии и толкующих о «защите отечества» со стороны России в данной войне или о «спасении страны» (Чхеидзе). Нестерпимо слушать сладенького Каутского и К°, толкующих о демократическом мире так, как будто его м о г л и заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью т а й н ы х д о г о в о р о в между собой, со своими союзниками и п р о т и в своих союзников, при чем содержание этих договоров не случайно, не только «злой волей» определено, а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики. Те «социалисты», которые засоряют глаза и умы рабочих пошлыми фразами о хороших вещах вообще (защита отечества, демократический мир), н е разоблачая т а й н ы х договоров с в о е г о правительства о грабеже чужих стран, такие «социалисты» совершают полную измену по отношению к социализму.

Правительству и германскому, и английскому, и русскому только выгодно, чтобы из лагерей социалистов раздавались речи о добреньком мире, ибо этим, во-первых, внушается вера в возможность такого мира при современном правительстве, а, во-вторых, отвлекается внимание от разбойничьей политики тех же правительств.

Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» в о в р е м я войны! Германия имеет тайные договоры с Болгарией и Австрией о дележе добычи и продолжает вести такие переговоры. Россия имеет тайные договоры с Англией, Францией и т. д., и в с е они посвящены р а з б о ю и г р а б е ж у, грабежу колоний Германии, грабежу Австрии, разделу Турции и пр.

«Социалист», который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добреньком мире, вполне подобен попу, который видит перед собою в церкви на первых местах содержательницу публичного дома и станового пристава, находящихся в стачке друг с другом, и «проповедует» им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России. Текст тайного договора неизвестен, но что борьба между Англией и Россией идет именно вокруг этого вопроса, идет и сейчас, это не только известно, но и не подлежит ни тени сомнения. В то же время известно, что между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам (например, к договору 1910 года, предоставлявшему Японии «скушать» Корею, а России скушать Монголию), заключен уже во время теперешней войны новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 г.г. Россию и теперь осторожно подготовляет возможность при помощи России побить Англию.

В России в «правящих сферах» — в придворной шайке Николая Кровавого, в дворянстве, в армии и т. д. — есть немцефильская партия. В Германии за последне время по всей линии виден поворот буржуазии (а за ней и социалистов-шовинистов) к руссофильству, к сепаратному миру с Россией, к тому, чтобы задобрить Россию и со всей силой ударить на Англию. Со стороны Германии этот план ясен и не возбуждает сомнений. Со стороны России дело обстоит так, что царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы «взять» как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и «добить» Австрию, и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, нехватает. В этом гвоздь.

Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия» — разрушения «прусского милита-

ризма» и дружбы с «демократической» Англией, то это детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят о д н о г о: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, к о г д а и к а к повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как.

А решение этого единственно спорного между милыми дружками вопроса зависит от в о е н н ы х и д и п л о м а т и ч е с к и х с о о б р а ж е н и й, которые полностью известны т о л ь к о царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть.

Отнять всю Польшу у Германии и Австрии! Царизм за это, но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Отнять Константинополь и проливы! Добить и раздробить Австрию! Царизм вполне за это. Но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Царизм знает, сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно е щ е взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить (Япония в случае грозящей и вполне возможной войны с Китаем н е д а с т больше снарядов). Царизм знает, как шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и проч. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно, — насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного, недостоверного, роль «военного счастия» особенно велика.

А Милюковы и Гучковы, чем меньше знают, тем больше болтают на ветер. А Плехановы, Чхенкели, Потресовы совсем ничего не знают о тайных сделках царизма, забывают даже то, что раньше знали, не изучают того, что можно знать по иностранной печати, не вникают в ход внешней политики царизма до войны, не следят за ходом ее во время войны, и потому играют роль просто социалистических Иванушек.

Если царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны либерального общества, при всем усердии военно-промышленных комитетов, при всем содействии благородному делу умножения

снарядов от господ Плехановых, Гвоздевых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхеидзе («спасение страны», не шутите!), Краснокиных и прочей челяди, — даже при всем этом и при данном состоянии военных сил (или военного бессилия) всех возможных и втянутых в войну союзников нельзя добиться большего, нельзя сильнее победить Германию или это непомерно дорого стоит (например, стоит еще потери десяти миллионов русских солдат, на рекрутирование, обучение и снаряжение коих требуется еще столько-то миллиардов и столько-то лет войны), тогда царизм не может не искать сепаратного мира с Германией.

Если «мы» погонимся за чересчур большой добычей в Европе, то «мы» рискуем обессилить «свои» военные рессурсы окончательно, не получить почти ничего в Европе и потерять возможность получить «свое» в Азии, — так рассуждает царизм и рассуждает правильно с точки зрения империалистских интересов. Рассуждает правильнее, чем буржуазные и оппортунистические говоруны, Милюковы, Плехановы, Гучковы, Потресовы.

Если нельзя взять большего в Европе, даже после присоединения Румынии и Греции (от коей «мы» взяли все, что могли), тогда возьмем, что можно! Англия «нам» сейчас ничего дать не может. Германия нам даст, возможно, и Курляндию, и часть Польши назад, и, наверное, восточную Галицию — это «нам» особенно важно, дабы удушить украинское движение, движение многомиллионного, исторически еще спавшего доныне, народа к свободе и к родному языку, — наверное, также турецкую Армению. Беря это теперь, мы можем выйти из войны, усилившись, и тогда завтра мы, при помощи Японии и Германии, сможем получить, при умненькой политике и при дальнейшей помощи Милюковых, Плехановых, Потресовых в деле «спасения» возлюбленного «отечества», хороший кусок Азии при войне против Англии (всю Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан, а не так, как в Константинополе, где выход есть только в Средиземное море, да и то через острова, которые легко может взять и укрепить Англия, лишая «нас» всякого выхода в свободное море) и т. д.

Именно так рассуждает царизм, и, повторяем, он рассуждает правильно не только с узкомонархической, но и с общеимпе-

риалистической точки зрения; он знает больше и видит дальше, чем либералы и Плехановы с Потресовыми.

Поэтому вполне возможно, что мы завтра или послезавтра проснемся и получим манифест трех монархов: «внимая голосу возлюбленных народов, решили мы осчастливить их благами мира, установить перемирье и созвать общеевропейский конгресс мира». Три монарха могут даже при этом недурно сострить, повторив несколько обрывков фраз из Вандервельде, Плеханова, Каутского: мы-де «обещаем», — обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны, — обсудить вопрос о сокращении вооружений и о «постоянном» мире и т. п. Вандервельде, Плеханов и Каутский побегут петушком устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира; добреньких пожеланий, сладеньких фраз, уверений в необходимости «защищать отечество» будет наговорено без конца на всех языках. Обстановочка будет недурная — для прикрытия перехода от империалистского союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии!

Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем или Россия «продержится» в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор), — в о в с я к о м с л у ч а е империалистская война н е м о ж е т кончиться никаким иным, кроме как империалистским, миром, е с л и эта война не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм. Во всяком случае, за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, за счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), при чем вполне возможно, что в с е эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет итти лишь о том, в каких пропорциях разделить э т у добычу.

Во всяком случае неминуемо, неизбежно и несомненно будут одурачены и ошельмованы как социалисты-шовинисты цельные

и открытые, т.-е. субъекты, прямо признающие «защиту отечества» в данной войне, так и социал-шовинисты прикрытые, половинчатые, т.-е. каутскианцы, проповедующие «мир» в о о б щ е, «без победителей и побежденных» и т. п. Всякий мир, заключенный теми же или столь же буржуазными правительствами, которые начали эту войну, покажет наглядно всем народам, какую роль холопов империализма сыграли те и другие социалисты.

Каков бы ни был исход данной войны, окажутся правы те, кто говорил, что единственный социалистический выход из нее возможен в виде гражданской войны пролетариата за социализм. Окажутся правы те русские социал-демократы, которые говорили, что поражение царизма, полный военный разгром его есть меньшее зло «во всяком случае». Ибо история никогда не стоит на месте, она идет вперед и во время теперешней войны; и если вперед к социализму пролетариат Европы не сможет перейти теперь, не сможет скинуть с себя иго социал-шовинистов и каутскианцев во время первой великой империалистской войны, то вперед к демократии восточная Европа и Азия пошли бы семимильными шагами только в случае полного военного разгрома царизма и отнятия у него в с я к о й возможности практиковать империалистскую политику полуфеодального типа.

Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистский мир сделает э т и слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее.

О лозунге „разоружения“ [10]).

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, например, в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение». В органе международной организации молодежи: «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») помещена в № 3 редакционная статья за разоружение. В «тезисах» Р. Гримма по военному вопросу, составленных для съезда швейцарской социал-демократической партии, находим уступку идее «разоружения». В швейцарском журнале «Neues Leben» («Новая Жизнь») за 1915 год Роланд-Гольст выступает якобы за «примирение» обоих требова-

ний, на деле за такую же уступку. В органе международной левой «Vorbote» («Предвестник») помещена в № 2 статья голландского марксиста Вейнкопа за старое требование вооружения народа. Скандинавские левые, как видно из печатаемых ниже статей, принимают «разоружение», признавая иногда, что в нем есть элемент пацифизма.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I.

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения.

На неправильности этого соображения мы остановились в статье о брошюре Юниуса, куда и отсылаем читателя. Социалисты не могу быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, например, угнетенных наций против угнетающих их, за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу «разоружение», значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом также нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась главным образом, если не исключительно, на немецком

языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми не легко передать по-русски. Одно значит собственно «разоружение» и употребляется, например, Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно «обезоружение» и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитарской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о втором, обычном среди некоторых революционных социал-демократов, требовании.

Каутскианская проповедь «разоружения», обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пацифизм, служащий на деле — вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскианцев — отвлечению рабочих от революционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобною проповедью та мысль, будто теперешние буржуазные правительства империалистских держав *не* опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т.-е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) тайных договоров между собой.

II.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии — есть вооружение буржуазии против пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление, общее всем без исключения

капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагать, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего объективного развития капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь после того, как пролетариат обезоружил буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но — только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что эта оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщины, с одной стороны, Коммуну 1871 года и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы

знаем, что тресты и фабричная работа женщины прогрессивны. Мы не хотим итти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них, к социализму!

Это рассуждение, учитывающее объективный ход развития, применимо с соответственными изменениями и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 г. в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами — вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все

военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III.

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружения народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба — главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на время — внутри

европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легиных, Альберов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский—Гаазе, и «социал-демократическая трудовая группа» в Германии; Лонгэ, Прессман, Майерс и пр. во Франции; Рамсэй Макдональд и др. вожди «Независимой Рабочей Партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первым при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на всех поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая обе эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты конкретный вопрос о связи теперешней войны с революцией и другими конкретными вопросами революции. И это — несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно этой грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально, и в Базельском манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

IV.

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой программы реформ, которая т о ж е должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

Кстати: один из крупных недостатков в постановке вопроса, например, о защите отечества у некоторых левых стоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в д а н н о й империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть «общее» положение против «всякой» защиты отечества. Это и неверно, и не «бьет» непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов.

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать, вырабатывая конкретный и практически необходимый ответ: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (например, в Швейцарии) все большее и большее опруссачение милиции, проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравнение в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые, подобно Швейцарии, все в большем числе и все бесстыднее эксплоатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни

жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — например, завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии,— неизбежно заставит победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собой разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К° к Базельскому манифесту). Подходя с этой стороны к требованию разоружения, мы должны прежде всего поставить вопрос об его объективном значении. Разоружение, как социальная идея, — т.-е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной и кружковой причудой, — порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, например, в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы-де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский союз с той или иной группой великих держав!), «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной» — должно быть, вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелко-буржуазное желание быть подальше от великих битв

мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности, — вот объективная общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Поясним это на примере Швейцарии. Ее империалистская обстановка объективно предписывает ей две линии рабочего движения. Оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистической буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение использовать как можно выгоднее и как можно спокойнее. На деле эта политика есть политика союза небольшого привилегированного слоя рабочих небольшой, поставленной в привилегированное положение, страны с буржуазией своей страны против масс пролетариата. Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся к тому, чтобы использовать сравнительную свободу Швейцарии, ее «международное» положение (соседство наиболее высококультурных стран), затем то обстоятельство, что Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, для расширения, упрочения, укрепления революционного союза революционных элементов пролетариата всей Европы. Поможем своей буржуазии удержаться подольше в монопольном положении архиспокойной торговли прелестями Альп, авось, нам тоже перепадет копеечка — вот объективное содержание политики швейцарских оппортунистов. Поможем союзу революционного пролетариата среди французов, немцев, итальянцев для свержения буржуазии — вот объективное содержание политики швейцарских революционных социал-демократов. К сожалению, эта политика проводится «левыми» в Швейцарии далеко еще недостаточно, и прекрасное решение съезда их партии в Аарау 1915 года (признание революционной массовой борьбы) остается пока больше на бумаге. Но речь идет у нас сейчас не об этом.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди

швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «требование» разоружения соответствует оппортунистической, узконациональной, ограниченной кругозором маленького государства линии рабочего движения. Объективно, «разоружение» есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

Империализм и раскол социализма.

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-первых, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-вторых, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1) монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма. Монополизм проявляется в пяти главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих всем мировым рынком и делящих его «полюбовно»—пока война не переделила его—насчитывают уже свыше ста! Вывоз капитала, как особенно

характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) з а к о н ч и л с я.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 г.г. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется прежде всего в тенденции к загниванию, отличающей в с я к у ю монополию при частной собственности на средства производства. Разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем нисколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-вторых, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя р а н т ь е, капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В четырех передовых империалистских странах, Англии, Северной Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100—150 м и л л и а р д о в франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 миллиардов на страну. В-третьих, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-четвертых, «финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе». Политическая реакция по в с е й линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов. В-пятых, эксплоатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплоатации колоний горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетариат жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть умирающий капитализм, переходный к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское обобществление труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме «фазу капитализма» и определяет империализм, как политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных стран аннексировать «аграрные» страны. Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма — господство как раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский отрывает политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультраимпериализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в «Социал-Демократе», и в «Коммунисте». Наши российские каутскианцы, «окисты», с Аксельродом и Спектатором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого, — предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отделываясь либо простым восхвалением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую О. К. обещал напечатать по-русски), либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на-нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем «понимании» империализма, — которое равносильно подкрашиванию его, — Каутский идет назад не только по сравнению с «Финансовым капиталом» Гильфердинга

(как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и «единство» с социал-шовинистами!), но и по сравнению с социал-либералом Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста, гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902 года. Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пацифистские и «примирительные» пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма.

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста» Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые

продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки, и при помощи этой дани содержать большие приученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как не заслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной Южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала» (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это и любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать т о л ь к о революционный пролетариат и т о л ь к о в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902 году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают л и ц е м е р н ы е к а у т с к и а н ц ы разных стран, именно: что о п п о р т у н и с т ы (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией к а к р а з в направлении создания империалист-

ской Европы на плечах Азии и Африки, что оппортунисты объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, подкупленную на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в сторожевых псов капитализма, в развратителей рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом, мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, например, еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в «Известиях загр. секр. О. К.» (№ 4 от 10 апреля 1916 года) выражен следующим образом:

«... Дело революционной социал-демократии было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к «интеллигенции» и наиболее квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму»...

Посредством глупенького словечка «фатально» и некоторой «подтасовочки» обойден тот факт, что известные прослойки рабочих отошли к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам О. К. только и надо обойти этот факт! Они отделываются тем «казенным оптимизмом», которым ныне щеголяет и каутскианец Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство пролетариата и за победу революционного течения! дескать, мы «оптимисты» насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К° — оптимисты... насчет оппортунизма. В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма — мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масштабе, 50 лет раньше или 50 лет позже — с точки зрения этого масштаба вопрос частный, — «пролетариат», конечно, «будет» един, и в нем «неизбежно» победит революционная социал-демократия. Не в этом вопрос, г.г. каутскианцы, а в том, что вы сейчас в империалистских странах Европы лакей-

ствуете перед оппортунистами, которые чужды пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии, и без освобождения от которых рабочее движение остается буржуазным рабочим движением. Ваша проповедь «единства» с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д. есть, объективно, защита порабощения рабочих империалистской буржуазией через посредство ее лучших агентов в рабочем движении. Победа революционной социал-демократии в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет только против вас, будет победой над вами.

Те две тенденции, даже две партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 г.г., были прослежены Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда десятилетий, приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 года Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазия из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно». В письме к Зорге от 21 сентября 1872 года Энгельс сообщает, что Хэйльз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 апреля 1874 года: «Что касается городских рабочих здесь

(в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи». Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 года о «худших английских трэд-юнионах, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

7 декабря 1889 года Энгельс пишет Зорге: «... Самое отвратительное здесь (в Англии) — перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)... даже Том Мэн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов, — видишь, что значит революция». В письме от 19 апреля 1890 года: «движение (рабочего класса в Англии) идет вперед под поверхностью, захватывает все более широкие слои и при том большей частью среди неподвижной доселе самой низшей (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса найдет сама себя, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой». 5 марта 1891 года: «неудача распавшегося союза докеров, «старые», консервативные трэд-юнионы, богатые и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы»... 14 ноября 1891 года: на нью-кастльском конгрессе трэд-юнионов побеждены старые юнионисты, противники восьмичасового рабочего дня, «и буржуазные газеты признают поражение буржуазной рабочей партии» (курсив везде Энгельса)...

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 года. Здесь говорится об «аристократии в рабочем классе», о «привилегированном меньшинстве рабочих» в противоположность «широкой массе рабочих». «Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство» рабочего класса одно только имело «длительные выгоды» от привилегированного

положения Англия в 1848—1868 г.г., «широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением»... «С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение»... Члены «новых» юнионов, союзов необученных рабочих «имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов»... «Так называемыми рабочими представителями» называют в Англии людей, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма».

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли в целом изучить их. А их необходимо изучить, в них стоит внимательно вдуматься. Ибо здесь гвоздь той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался «замутить воду» и подменить марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социал-империалистами (вроде Ленча), которые оправдывают войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский «исправляет» эту очевидную фальшь посредством другой, столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слащавую фальш! Промышленная монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно указал на нее! Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пацифистскую и оппортунистически-мещанскую идейку, что-де воевать не из-за чего». Напротив, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, если хотеть сохранить капитализм! ибо без насиль-

ственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы.

Во-вторых. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает сверхприбыль, т.-е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой всерхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые «аллианы» английских трэдюнионов со своими хозяевами, описанные Уэббами) — союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но как произошло это разрушение? Так ли, что всякая монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппортунизмом) «теория» Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то и суть, что это не так. Империализм есть монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк есть монополия. Сверхприбыль не исчезла, а осталась. Эксплоатация одной, привилегированной, финансово-богатой, страной всех остальных осталась и усилилась. Горстка богатых стран — их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительном гигантски-крупном, «современном» богатстве: Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия — эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает сверхприбыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притушевывает, а не вскрывает.

Буржуазия «великой» империалистской державы экономически может подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее сверхприбыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, «рабочими-депутатами» (вспомните вели-

колепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими-участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узкоцеховые союзы, служащими и т. д., и т. д., это уже вопрос второстепенный.

В 1848—1868 г.г. и частью позже монополией пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм, других стран ни с богатейшими колониями, ни с промышленной монополией не было.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала). Из этой разницы вытекает то, что монополия Англии могла быть неоспоренной десятилетия. Монополия современного финансового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй, даже невозможно, но зато меньшие (чем в Англии 1848—1868 г.г.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая империалистская «великая» держава. Тогда «буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран, но, в виду их отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и пр., позволяя подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают массу пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплоатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция

масс, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически «обоснована». Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах. Различие между оформленной партией, например, Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К°, — эти различия несущественны. Важно то, что экономический откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма — пресса, парламент, союзы, съезды и пр. — создали соответствующие экономическим привилегиям и подачкам для почтительных, смирненьких, реформистских и патриотических служащих и рабочих политические привилегии и подачки. Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов — вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий».

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране «буржуазной рабочей партии», английского министра Ллойд-Джорджа. Первоклассный буржуаз-

ный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно и служит ей именно среди рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Реноделями и К°? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это — ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т.-е. массовом масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но течение социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что «буржуазные рабочие партии», как политическое явление, создались уже во всех капиталистических передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий — или, все равно, групп, течений и т. п. — не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе, «Наше Дело», — «Голос Труда» в России и «окисты» за границей — не более, как разновидность одной из таких партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть до социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного — массового потока против оппортунистического — мещан-

ского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, силится примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут: Ллойд-Джорджа освистали в Англии на рабочих собраниях, Гайдман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства — ссылка на «массы». Мы-де не хотим отрываться от масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. «Массовые организации» английских трэд-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали, во-первых, что организации трэд-юнионов непосредственно обнимают меньшинство пролетариата. И в Англии тогда, и в Германии теперь не более $^1/_5$ пролетариата состоит в организациях. Серьезно думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-вторых, — и это главное, вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном, значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т.-е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке, — верно теперь для Германии и пр.

От «буржуазной рабочей партии» старых трэд-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает «низшую массу», действительное большинство, апеллирует к нему, *не* зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем — и никто не может — усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне представляют лишь меньшинство. И наш долг по-

этому, если мы хотим остаться социалистами, итти ниже и глубже, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и продают интересы массы, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии, — мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перипетии империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их, — вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира . . .

III. ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917-го ГОДА

Луиблановщина [11]).

Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелко-буржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия м о ж е т помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Луиблановщина одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга, партии О. К., в России. Чхеидзе, Церетели, Стеклов и мн. др., ныне являющиеся вождями Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, бывшие также вождями Всероссийского совещания Советов, закончившегося на-днях, заняли именно позицию Луи Блана.

Во всех главных вопросах современной политической жизни эти вожди, стоящие на точке зрения приблизительно международного течения «центра», Каутского, Лонгэ, Туратти и мн. др., оказались именно на мелко-буржуазной позиции Луи Блана. Возьмите вопрос о войне.

Пролетарская точка зрения состоит в отчетливой к л а с с о в о й характеристике войны и в непримиримой враждебности к империалистской войне, т.-е. к войне м е ж д у группами капиталистических (в с е р а в н о, монархических и л и р е с п у б л и к а н с к и х) стран и з - з а дележа капиталистической добычи.

Мелко-буржуазная точка зрения отличается от буржуазной (прямое оправдание войны, прямая «защита отечества», т.-е. защита «интересов» с в о и х капиталистов, защита и х «прав» на аннексии) — тем, что мелкий буржуа «отрекается» от аннексий,

«осуждает» империализм, «требует» от буржуазии, чтобы она перестала быть империалистской, оставаясь в рамках всемирных империалистских связей и капиталистического хозяйственного строя. Ограничиваясь этой добренькой, безвредной, пустой декламацией, мелкий буржуа на деле только беспомощно плетется за буржуазией, «сочувствуя» кое в чем пролетариату на словах, оставаясь в зависимости от буржуазии на деле, не умея или не желая понять пути, ведущего к свержению капиталистического ига, единственно способного избавить человечество от империализма.

«Потребовать» от буржуазных правительств, чтобы они сделали «торжественную декларацию» в духе отрицания аннексий, — это является для мелкого буржуа верхом смелости и образцом антиимпериалистской, «циммервальдистской» последовательности. Нетрудно видеть, что это — луиблановщина худшего типа. Во-первых, сколько-нибудь опытный буржуазный политикан никогда не затруднится наговорить сколько угодно «блестящих», эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз против аннексий «вообще». А коснется до дела, — можно сфокусничать хотя бы так, как сфокусничала на-днях «Речь», имевшая печальное мужество заявить, что Курляндия (аннексированная ныне хищниками-империалистами буржуазной Германии) не есть аннексия России!

Это — самое возмутительное фокусничество, самый нетерпимый обман рабочих буржуазией, ибо всякий, сколько-нибудь политически грамотный, человек должен будет признать, что Курляндия была всегда аннексией России.

Мы делаем открытый и прямой вызов «Речи»: 1) пусть она представит народу такое политическое определение понятия «аннексии», которое относилось бы ко всем аннексиям в мире, и немецким, и английским, и русским, и прошлым и настоящим, ко всем без исключения; 2) пусть она ясно и точно скажет, что это значит, по ее мнению, отказаться от аннексий не на словах, а на деле. Пусть она даст такое политическое определение понятия «отказ от аннексий на деле», которое (определение) относилось бы не только к немцам, но и к англичанам и ко всем народам, когда-либо совершавшим аннексии вообще.

Мы утверждаем, что «Речь» либо уклонится от нашего вызова, либо перед всем народом будет разоблачена нами. И именно

в виду затронутого «Речью» вопроса о Курляндии наш спор — не теоретический, а практический, самый неотложный, самый насущный, самый злободневный.

Во-вторых. Допустите даже, хотя бы на секунду, что буржуазные министры — идеал добросовестности, что Гучковы, Львовы, Милюковы и К° самым искренним образом в е р я т в возможность отказаться от аннексий, сохраняя капитализм, и х о т я т отказаться от них.

Допустим на секунду даже это, сделаем это луиблановское допущение.

Спрашивается, может ли взрослый человек удовлетворяться тем, что люди о себе д у м а ю т, не проверяя этого тем, что они д е л а ю т? Может ли марксист н е отличать пожеланий и заявлений от объективной действительности?

Нет. Не может.

Аннексии держатся связями финансового, банкового, империалистского капитала. В э т о м современная, хозяйственная основа аннексий. Аннексия есть, с этой стороны, гарантированная политически п р и б ы л ь с миллиардов капитала, «помещенного» в тысячах и тысячах предприятий аннексированных стран.

Н е л ь з я, даже при желании, отказаться от аннексий, н е д е л а я решительных шагов к свержению ига капитала.

Значит ли это, как готовы заключать и заключают «Единство», «Раб. Газета» и прочие «Луи Бланы» нашей мелкой буржуазии, что надо н е делать решительных шагов к свержению капитала? что надо мириться хоть с частичкой аннексий?

Нет. Н а д о делать решительные шаги к свержению капитала. Их надо делать умело и постепенно, опираясь т о л ь к о на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян. Но эти шаги надо делать. И Советы Р. Депутатов в ряде мест России у ж е начали их делать.

На очереди дня — решительная, бесповоротная размежевка с Луи Бланами, Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией О. К., партией с.-р. и т. п., и т. п. Разъяснение массам, что луиблановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свобод, если массы не поймут вреда этих мелко-буржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их

осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму!

Вне социализма нет спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей.

Из брошюры „Задачи пролетариата в нашей революции“ [12]).

(Как можно кончить войну?)

Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п. — все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуоборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, — все эти фразы не что иное, как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о «выявлении народов к миру», об очереди революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это луиблановщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании», на деле повторение басни с котом-Васькой.

Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, только в их интересах ведется, только их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. Нельзя выскочить из империалистской войны, нельзя добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату.

Русская революция февраля-марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» — фронта интересов капитала,

и, только прорвав этот фронт, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира.

И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция уже подвела пролетариат России вплотную, создав Советы Рабочих Депутатов.

Война и Временное Правительство.

...Мы все-таки заставили Временное Правительство отказаться от аннексий.

Из речи Ю. Стеклова, произнесенной 4 апр. в Таврическом Дворце.

... Как бы ни относиться к лозунгу „мир без аннексий", нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы...

Из речи П. Милюкова («Речь» 11 апр.).

Шаг за шагом вожди Временного Правительства разоблачают свою истинную политику в отношении войны. Уже в пресловутой декларации Временного Правительства рядом со словесным «отказом» от аннексий говорилось о том, что «наши» договоры с английским и французским правительствами остаются в силе. Прошла пара недель, и в газете «Речь», органе министра иностранных дел г. Милюкова, мы читаем:

Заявление Милюкова.

«В бытность свою в Москве министр иностранных дел П. Н. Милюков на собрании членов партии народной свободы сделал следующее заявление:

«Декларация Временного Правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе, как в согласии с нашими союзниками согласно лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян».

Это заявление министра иностранных дел Милюкова, без всякого сомнения, обойдет всю иностранную печать и усилит воинственное настроение в Германии. Милюков помогает герман-

ским империалистам разжигать шовинизм в Германии, Милюков помогает Вильгельму II вести грабительскую войну «до конца».

Разберем заявление г. Милюкова. Декларация Временного Правительства о целях войны (то самое, которое Ю. Стеклов по печальному недоразумению называет отказом от аннексий) содержит, — говорит Милюков, — не условия мира, а «лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран». В переводе на простой язык сие означает: отказ от аннексий это лишь парадная фраза, «общие принципы», слова, слова, слова. Этих слов сколько угодно говорили и «наши» союзники. А действительные условия «мира»— это нечто совсем другое.

Один государственный деятель, — если не ошибаемся — Бисмарк, — сказал: принять «в принципе» на языке дипломатов означает отвергнуть на деле. Так и у Милюкова. «В принципе» он против аннексий, на деле он за аннексию, и ради этого он стоит за войну «до конца».

Парадные фразы, это — еще не условия мира, — заявляет нам г. Милюков!

Каковы же его условия мира?

Условия эти предусмотрены лондонской конвенцией. К ней и отсылает нас Милюков.

Но кем заключена эта конвенция (договор)? Царем Николаем II с английскими и французскими капиталистами! Значит, договоры, заключенные царской шайкой, остаются в силе? Значит, мы воюем во имя этих грабительских договоров, заключенных царской шайкой и «союзными» банкирами.

Захват Польши, Армении, захваты в Австрии (о Константинополе г. Милюков на этот раз умолчал) — вот к чему сводится программа мира г. Милюкова.

Что скажут по поводу последнего заявления министра иностранных дел Милюкова вожди большинства Совета Рабочих Депутатов? Ограничатся тем, что от имени «контактной» комиссии «поставят на вид» Милюкову эти слова... Куда девался тот отказ «Временного Правительства от аннексий», которого «все-таки» добились от последнего Ю. Стеклов и Н. Чхеидзе?

Никакого двоевластия в России не существует. Совет Рабочих Депутатов только осуществляет благожелательный контроль

над Временным Правительством. Так говорил, если верить газетным отчетам, Н. С. Чхеидзе на военном съезде в Минске.

Вот куда мы пришли с этим благожелательным контролем! От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну. Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне.

Товарищи рабочие и солдаты! На всех собраниях читайте и разъясняйте приведенное выше заявление Милюкова! Заявите, что вы не желаете умирать во имя тайных конвенций (договоров), заключенных царем Николаем II и остающихся священными для Милюкова!

Нота Временного Правительства [13]).

Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.

Большинство Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному Правительству, наказаны вдосталь. Они надеялись, ждали и верили, что Временное Правительство, под влиянием благодетельного «контакта» с Чхеидзе, Скобелевым и Стекловым, откажется навсегда от аннексий. Вышло немного не так...

В ноте от 18 апреля Временное Правительство заявляет о «всенародном (!) стремлении довести мировую войну до решительной победы».

«Само собой разумеется, — прибавляет нота, — Временное Правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников».

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

Кто заключал этот союз с «нашими» союзниками, т.-е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и К° договор этот — святыня.

Почему?

Некоторые отвечают: потому, что Милюков неискренний человек, он хитрец и т. п.

Дело совсем не в этом. Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов — представители к а п и т а л и с т о в. А капиталистам захваты чужих земель нужны. Они получают новые рынки, новые места вывоза капитала, новые возможности устраивать десятки тысяч своих сынков на прибыльные должности и т. п. Дело в том, что и н т е р е с ы русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому и только поэтому договоры царя с англо-французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного Правительства русских капиталистов.

Новая нота Временного Правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму-разбойнику дальше обманывать «своих» рабочих и солдат и тянуть их на войну «до конца».

Новая нота Временного Правительства ребром поставила вопрос: что же дальше?

С первого же момента нашей революции английские и французские капиталисты стали уверять, что русская революция сделана только и исключительно для того, чтобы продолжать войну «до конца». Капиталистам нужно ограбить Турцию, Персию, Китай. Если по этому случаю придется уложить еще с десяток миллионов каких-то там русских мужиков — что за беда? Была бы только одержана «решительная победа»... И вот теперь Временное Правительство с полной откровенностью стало на тот же путь.

— Воюйте — потому, что мы хотим грабить.

— Умирайте десятками тысяч каждый день — потому, что «мы» еще не додрались, потому, что мы еще не получили своей доли добычи!..

— Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия» к Временному Правительству. Политика доверия обанкротилась.

Наша общегородская с.-д. конференция сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность н а ш е й позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали.

Нынешний Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поставлен перед выбором: проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Милюковым, значило бы раз навсегда отказаться от самостоя-

тельной политической роли — завтра Милюков положит «ноги на стол» и сведет Совет к круглому нулю; дать отпор на ноту Милюкова, — значит порвать со старой политикой доверия и перейти на путь, предлагаемый «Правдой».

Можно, конечно, найти и гнилую середину. Но — надолго ли?

Рабочие, солдаты, скажите теперь во всеуслышание: мы требуем, чтобы у нас была единая власть — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Временное Правительство, правительство кучки капиталистов, должно очистить место названным Советам.

Резолюция о войне.

(Принята на всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 24—29 апреля 1917 г. всеми голосами при 7-ми воздержавшихся).

I.

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т.-е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков, финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному Правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России.

Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны.

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов,

не разрывая совершенно с интернационализмом, т.-е. братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала.

Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от завоевания чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее от 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики. Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т.-е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входят в состав какого угодно государства.

II.

Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (нар.-соц., трудовики, соц.-рев.) и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков (О. К., Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, «революционное оборончество» является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы.

Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и с социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборон-

честву». Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны.

III.

Что касается самого важного вопроса о том, как окончить возможно скорее и притом не насильническим, а истинно-демократическим миром эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно: будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николай II, и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся п р а в и т е л ь с т в а м и, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных классов, что эту войну можно окончить демократическим миром т о л ь к о посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала.

Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреженію, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели к восстаниям

пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру.

Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии. В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

Защита империализма, прикрытая добренькими фразами [14]).

Именно таково обращение Исп. Комитета Петрогр. Совета Раб. и Солд. Деп. к социалистам всех стран, напечатанное сегодня в газетах. Слов против империализма наговорена бездна, но все эти слова сведены на-нет одной маленькой фразой, которая гласит:

«Временное Правительство революционной России усвоило эту платформу» (именно: платформу мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов).

Вот в этой фразе вся суть. И эта фраза есть защита р у с с к о г о империализма, есть его прикрытие и прикрашивание. Ибо на деле наше Временное Правительство не только не «усвоило» платформы мира без аннексий, а попирает ее ногами ежедневно и ежечасно.

Наше Временное Правительство «дипломатически» заявило об отказе от аннексий — совершенно так же, как правительство капиталистов немецких, разбойники Вильгельм и Бетман-Гольвег. На словах о б а правительства отказались от аннексий. На деле о б а продолжают политику аннексий, насильственно удерживая: германское капиталистическое правительство — Бельгию, часть Франции, Сербию, Черногорию, Румынию, Польшу, датские округа, Эльзас и пр.; русское капиталистическое правительство — часть Галиции, турецкую Армению, Финляндию, Украйну и пр. Англий-

ское капиталистическое правительство есть наиболее аннексионистское правительство в мире, ибо оно насильственно удерживает наибольшее количество народностей в составе Английской империи: Индию (300 миллионов), Ирландию и пр., турецкую Месопотамию, немецкие колонии в Африке и т. д.

Воззвание Исп. Комитета приносит величайший вред делу революции и делу пролетариата, ибо говорит прикрытую самыми добренькими словами неправду об аннексиях. Во-первых, воззвание не отличает отказа от аннексий на словах (в этом смысле все без исключения капиталистические правительства мира «усвоили» себе «платформу мира без аннексий») от отказа от аннексий на деле (в этом смысле ни одно капиталистическое правительство в мире не отказалось от аннексий). Во-вторых, воззвание прикрашивает — несправедливо, неосновательно, вопреки истине — русское Временное Правительство капиталистов, тогда как оно ничуть не лучше (и, вероятно, не хуже) других капиталистических правительств.

Прикрывать неприятную правду добренькими словами — самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика.

Правда по вопросу об аннексиях состоит именно в том, что все капиталистические правительства, русское Временное Правительство в том числе, обманывает народ посулами об отказе от аннексий, на деле продолжая политику аннексий. Всякий грамотный человек легко увидит эту правду, если захочет составить полный список аннексий хотя бы трех стран: Германии, России и Англии.

Попробуйте-ка, господа!

Кто не делает этого, кто неправильно обеляет свое правительство, черня другие, тот на деле превращается в защитника империализма.

В заключение отметим, что конец воззвания тоже содержит в себе «ложку дегтя», именно уверение, что «каковы бы ни были разногласия, раздирающие социализм в течение трех лет войны, ни одна фракция пролетариата не должна отказываться от участия в общей борьбе за мир».

Это тоже, к сожалению, совсем пустое, совсем бессодержательное добренькое слово. И Плеханов, и Шейдеман уверяют, что они оба «борются за мир» и притом «мир без аннексий». Но кто же не видит, что они оба на деле защищают каждый свое империалистское правительство капиталистов? Какая же польза будет для дела рабочих классов, если мы будем говорить им сладенькую неправду, затушевывая этот переход Плехановых и Шейдеманов на сторону своих капиталистов? Неужели не очевидно, что такое затушевывание правды равняется прикрашиванию империализма и его защитников.

„Фактическое перемирие“ [15]).

В газете «Новая Жизнь» от 5 мая напечатаны беседы с министрами «нового» правительства. Министр-председатель Львов заявил: «страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой».

Вот суть «программы» нового правительства. Наступление, наступление, наступление!

И, защищая эту империалистскую программу, за которой пошли теперь Черновы и Церетели, министр Львов в тонах величайшего нравственного возмущения громил «установившееся на фронте фактическое перемирие»!

Пусть каждый русский рабочий, пусть каждый крестьянин подумает хорошенечко над этой программой наступления, над этими громовыми речами министров против «фактического перемирия».

Миллионы людей перебиты и искалечены на войне. Бедствия, причиненные войной человечеству, и особенно трудящимся массам, неслыханны. Капиталисты наживают на войне скандально-высокие прибыли. Солдаты истерзаны и измучены до последней степени.

Что же дурного в фактическом перемирии? Что дурного в том, что бойня приостановилась? Что дурного в том, что солдаты получили хоть небольшую передышку?

Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно несостоятельное. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне не хотят сепаратного

мира с германскими капиталистами (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз и не только в статьях «Правды», но и в резолюции нашей конференции, которая говорила от имени всей партии) — если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может притти такой мир?? Кто может навязать его??

Возражение до очевидности несостоятельное, явная выдумка, попытка засорить глаза.

Далее. Почему фактическое перемирие на одном фронте «грозит» сепаратным миром на этом фронте, а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?

Фактическое перемирие есть состояние неустойчивое, переходное. Это бесспорно. Переходное к чему? К сепаратному миру оно не может привести, раз нет на это обоюдного согласия двух правительств или двух народов. Но почему бы такое перемирие не могло быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах? Ведь, на это, наверное, есть согласие всех народов против всех или большинства правительств?

Братание на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах.

Народы отдохнули бы от бойни. Революционные рабочие во всех странах подняли бы голову еще больше, их влияние усилилось бы, вера в возможность и необходимость рабочей революции в передовых капиталистических странах укрепилась бы.

Что дурного в таком переходе? Почему бы нам, по мере сил, не помочь такому переходу?

Возразят, что фактическое перемирие на всех фронтах помогло бы сейчас германским капиталистам, ибо они сейчас награбили больше добычи? Это неверно, ибо английские капиталисты больше награбили (немецкие колонии в Африке, немецкие острова в Тихом Океане, Месопотамии, часть Сирии и пр.) и — в отличие от немецких капиталистов — ровно ничего не потеряли. Это, во-первых. А, во-вторых, если бы германские капиталисты проявили больше неуступчивости, чем английские, то рост революции в Германии еще более усилился бы. Революция в Германии явно на-

растает. Наступление русских войск помешает этому росту. «Фактическое перемирие» ускоряет рост этой революции.

В-третьих, положение Германии, с точки зрения растущего голода, краха, разрухи, самое отчаянное и самое безвыходное, хуже, чем в каких бы то ни было других странах, — особенно после вступления в войну Америки. «Фактическое перемирие» этого основного источника слабости Германии не устранит, а, напротив, скорее улучшит положение других стран (свобода подвоза) и ухудшит положение германских капиталистов (подвезти неоткуда, скрывать правду от народа будет труднее).

Две программы стоят перед русским народом. Одна — программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это — программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни.

Другая — программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Эта программа: развить братание (не позволяя немцам обманывать русских) — брататься обменом воззваний — распространить и братание и фактическое перемирие на все фронты — всячески помочь такому распространению — ускорить этим рост рабочей революции во всех странах — облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран — ускорить переход власти в России в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — ускорить этим заключение действительно справедливого, действительно всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов.

Правительство наше, с Черновым и Церетели, с народниками и меньшевиками, — за первую программу.

Большинство русского народа и всех народов России (и не только России), т.-е. большинство рабочих и беднейших крестьян, несомненно, встают за вторую программу.

Каждый день будет приближать ее победу.

Один из тайных договоров.

Известно, что первым словом «революционного» Временного Правительства по вопросу об иностранной политике было заявление: все тайные договоры, заключенные бывшим царем Николаем II с «союзными» капиталистами, остаются в силе, и новая Россия будет исполнять их свято и нерушимо.

Известно далее, что наши «оборонцы» яростно защищают отказ милюковцев опубликовать тайные договоры. Эти горе-социалисты дошли до жизни такой, что защищают тайную дипломатию — и притом тайную дипломатию бывшего царя.

Почему защитники империалистской войны так усердно охраняют тайну договоров?

Хотите знать почему, товарищи-рабочие и солдаты?

Познакомьтесь хотя бы только с одним из этих благородных договоров: мы говорим о «нашем» договоре с Италией (т.-е. с итальянскими капиталистами) в начале 1915 г.

Буржуазный демократ г. В. Водовозов в газете «День» (от 6 мая 1917 г.), опираясь на материалы, опубликованные в «Новом Времени», сообщает содержание этого договора:

«Союзницы гарантировали Италии южный Тироль с Триентом, всю береговую землю, северную часть Далмации с городами Зара и Спалато, среднюю часть Албании с Валоной, о-ва Егейского моря у малоазиатского берега, а, кроме того, выгодную железнодорожную концессию в Малоазиатской Турции, — такова цена крови, выторгованная Италией. Эти земельные приращения во много раз превосходят все национальные притязания Италии, когда-либо ею прежде выставлявшиеся. Кроме областей с итальянским населением (южный Тироль и Триест) приблизительно в 600.000 душ, Италия получает по договору земли более, чем с миллионным населением, этнографически и религиозно ей совершенно чуждым. Сюда входит, например, Далмация, 97 проц. населения которой принадлежит к сербскому племени, тогда как итальянцы составляют в ней немного более 2 проц. Совершенно естественно, что договор с Италией, заключенный не только помимо согласия, но и помимо ведома Сербии, вызвал там сильнейшее огорчение и раздражение. Пашич в скупщине выражал надежду, что слух о договоре неверен, так как Италия сама объединилась во имя национального принципа, и не может совершить ничего такого, что этот принцип ниспровергает в самой его основе. Но Пашич ошибся: договор был заключен.

«Это единственный договор, касающийся нынешней войны, содержание которого мы знаем, и этот договор — грубо хищнический. Сказываются ли и в других договорах столь же хищнические инстинкты, или нет, — мы этого не знаем. Во всяком слу-

чае для демократии, пишущей на своем знамени: «мир без аннексий», было бы чрезвычайно важно это узнать».

«Мы не знаем», насколько хищническими являются другие тайные договоры? — Нет, г. Водовозов, мы это очень хорошо знаем: тайные договоры относительно дележа Персии, Турции, захвата Германии, Армении — такие же грязные грабительские договоры, как грабительский договор с Италией.

Товарищи солдаты и рабочие! Вам говорят, что вы защищаете «свободу» и «революцию»? На деле вы защищаете темные договоры царя, которые прячут от вас, как прячут секретную болезнь.

Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов.

(Как кончить войну).

Все думают, все говорят о том, как кончить войну.

Почти все рабочие и крестьяне согласны в том, что войну начали капиталисты, что она нужна капиталистам всех стран. Именно так говорят резолюции Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов.

И это — несомненная правда.

Разногласия начинаются дальше, с вопроса о том, как же итти к окончанию войны (ибо сразу кончить ее — это все понимают — нельзя). Итти ли через сделки с капиталистами, и если да, то какие сделки? Или через рабочую революцию, т.-е. через низвержение капиталистов? Вот в чем главный и коренной вопрос.

В этом вопросе наша партия разошлась с Петроградским Советом Р. и Солд. Деп., с Всеросс. Советом Крест. Депутатов, ибо оба Совета сбиваются на решение вопроса в пользу капиталистов и через капиталистов.

Резолюция Всеросс. Совета Кр. Деп. о войне особенно наглядно подтвердила это. В согласии с пресловутым — и столь же путанным — воззванием к народам мира (от 14 марта) эта резолюция требует:

«... мира без захватов и денежных штрафов с правом каждого народа, в границах какого бы государства он ни жил, решить самостоятельно свою судьбу».

Здесь вопрос об аннексиях (захватах) поставлен не так, как поставили его на-днях «Известия Петрогр. Сов. Р. и С. Деп.» и «Дело Народа» (см. «Правду», № 60, от 18 мая).

Эти два последних органа, руководимые блоком народников и меньшевиков, запутались совершенно, объявив: без захватов— значит, оставить как было до войны (по-латыни это говорится: мир без аннексий, значит status quo).

Такое решение, — надо же сказать правду, — есть решение вопроса через сделку с капиталистами и между капиталистами. Оно значит: оставим старые захваты (до войны сделанные), а новых пусть не будет.

Такого решения, во-первых, не может оправдать социалист, не изменяя социализму. Не дело социалиста мирить капиталистов на старом дележе добычи, т.-е. захватов. Это ясно. Такое решение, во-вторых, неосуществимо все равно без революции против капитала, по крайней мере, англо-японского, ибо всякий, не сошедший с ума, человек видит, что Япония не отдаст Киао-Чао, Англия — Багдад и колонии в Африке без революции.

Крестьянское решение иначе определило захваты (аннексии), провозгласив право «каждого» народа (значит, и аннексированного, т.-е. насильственно присоединенного до войны) на свободу, на «самостоятельное решение своей судьбы».

Вот это — единственно правильное решение с точки зрения действительно последовательного демократа, тем более — социалиста. Не может ни один социалист, оставаясь социалистом, ставить вопрос об аннексиях (захватах) иначе, не может отказывать в праве самоопределения, в свободе отделения каждому народу.

Но не будем обманываться: такое требование означает революцию против капиталистов. И прежде всего, в первую голову не примут такого требования (без революции) английские капиталисты, имеющие аннексий (захватов) больше, чем любая нация в мире.

Оба требования, оба пожелания — как пожелание отказаться от аннексий в смысле восстановления старого («status quo»), так и пожелание отказаться от новых и от старых, от всех аннексий, — оба пожелания неосуществимы без революции против капитала, без низвержения капиталистов. Нельзя обманывать себя и народ насчет этого!

Либо проповедывать и ждать сделки с капиталистами, а это равносильно внушению народам доверия к их злейшим врагам, — либо доверие к рабочей революции, только к ней, сосредоточение всех усилий на низвержении капиталистов.

Надо сделать выбор из этих двух путей к окончанию войны.

Революция, наступление и наша партия.

«Настал поворотный момент в русской революции»,—сказал Церетели, сообщая Съезду Советов о начавшемся наступлении. Да, поворотный момент настал не только для русской революции, но и для всего хода мировой войны. Русское правительство после трех месяцев колебаний пришло на деле к тому решению, которого требовали от него правительства «союзников».

Наступление объявлено во имя мира. Но «во имя мира» бросают войска в бой империалисты всех стран: при каждом наступлении каждой из воюющих стран генералы пытаются поднять дух солдат живой надеждой на то, что данное наступление приведет к скорейшему миру.

Этот обычный прием всех империалистов русские министры из «социалистов» разукрасили самыми трескучими фразами, в которых слова о социализме, демократии, революции звучат, как погремушки в руках ловкого жонглера. Никакими трескучими стран, пока Рибо, Ллойд-Джордж и Соннино, как союзники России послана в бой во имя целей империалистов Англии, Франции, Италии, Японии, Америки. Никакие софизмы бывшего циммервальдиста и нынешнего партнера Ллойд-Джорджа, Чернова, не могут скрыть того, что — если русская армия и русский пролетариат действительно не имеют захватных целей, — то это ни капли не изменяет империалистского грабительского характера борьбы двух мировых трестов. До сих пор, пока не пересмотрены тайные договоры, связывающие Россию с империалистами других стран, пока Рибо, Ллойд-Джордж и Соннино, как союзники России, продолжают говорить о захватных целях своей внешней политики, до тех пор наступление русских войск есть и остается служением империалистам.

Но, ведь, мы же неоднократно заявляли, что от всяких захватов отказываемся, возражают Церетели и Черновы. Тем хуже,

скажем мы: значит, слово у вас расходится с делом, ибо на деле вы служите и русскому и чужому империализму. А когда вы начинаете активно содействовать «союзному» империализму, вы оказываете великолепные услуги русской контр-революции. Радость всех черносотенцев и всех контр-революционеров по поводу решительного поворота нашей политики свидетельствует об этом яснее ясного. Да, русская революция переживает поворотный момент. Русское правительство в лице министров-«социалистов» сделало то, чего не могли сделать министры-империалисты, Гучков и Милюков: оно предоставило русскую армию в распоряжение штабов и дипломатов, действующих во имя и на почве неотмененных тайных договоров, во имя целей, открыто провозглашенных Рибо и Ллойд-Джорджем. Но свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира. Но армия пошла на это потому, что она лишь часть народа, пошедшего на данном этапе революции за партиями эс-эров и меньшевиков. Этот общий и основной факт — доверие большинства мелко-буржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эс-эров — определяет позицию и поведение нашей партии.

С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелко-буржуазных иллюзий, мелко-буржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народ от последних мелко-буржуазных иллюзий, к переходу власти в руки революционного класса.

О войне [16]).

(Речь на Съезде Советов).

Товарищи, позвольте мне для вступления к разбору вопроса о войне напомнить два места из воззвания для всех стран, опубликованного 14 марта Петроградским С. Р. и С. Д. «Наступила

пора, — говорилось в этом воззвании, — начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран, наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Другое место обращения — к пролетариям австро-германской коалиции, где говорится: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Вот эти два места, которые повторены в различных формулировках в десятках, сотнях, я даже думаю, в тысячах резолюций рабочих и крестьян России. Эти два места, по моему убеждению, показывают лучше всего то противоречивое, неудержимо запутанное положение, в которое благодаря теперешней политике меньшевиков и народников революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны, с другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран, и они не могут этого не сказать. Эта психология и идеология, как бы она ни была смутна, почти у всякого рабочего и крестьянина заложена необыкновенно глубоко. Это — сознание того, что война ведется из захватных стремлений правительств всех стран. Но рядом с этим в высшей степени неясно понимание, или даже есть непонимание того, что правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, что поэтому противополагать правительство и народ, как это делает первая приведенная мною цитата, есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое, неустойчивое положение и поведение. И точно так же заключительные слова второй цитаты, которую я прочел, это превосходное обращение: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров» великолепно, но только и своих собственных, потому что если вы, русские рабочие и крестьяне, обратитесь к рабочим и крестьянам Австрии и Германии, правительства которых и правящие классы которых ведут такую же разбойничью и грабительскую войну, как русские капиталисты и банкиры, как английские и французские, — если вы говорите: «откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с социалистами министрами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете. На деле как будто не

было ваших превосходных стремлений или желаний, ибо вы помогаете вести со стороны России ту же самую империалистическую войну, ту же самую захватную войну. Вы приходите в противоречие с теми массами, которые вы представляете, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов, открыто выражаемую Милюковым, Маклаковым и другими, которые говорят: «нет преступнее идеи, что война ведется в интересах капитала». Я не знаю, преступна ли эта идея, но не сомневаюсь, что с точки зрения тех, которые сегодня полусуществуют, а завтра, может быть, существовать не будут, эта идея преступна, но она единственно правильна, она одна выражает наше понимание этой войны, она одна, которая выражает интересы угнетенных классов, как борьбу против угнетателей; и, когда мы говорим, что война капиталистическая, захватная, не надо делать иллюзий: тут нет и тени того, будто бы преступления отдельных лиц, отдельных королей, могли вызвать такую войну. Империализм есть определенная ступень в развитии всемирного капитала; капитализм, десятилетия подготовлявшийся, свелся к тому, что небольшая группа гигантски богатых стран — их не более 4-х: Англия, Франция, Германия и Америка — скопили в таком количестве богатства, сотнями миллиардов измеряемые, скопили такую силу в руках крупных банков и крупных капиталистов—их штуки две или полдюжины, максимум, в каждой из этих стран, — в такую гигантскую силу, которая весь мир охватила, которая весь земной шар поделила буквально в смысле территориальном, в смысле колоний. Колонии всех стран встретились между собой во всех странах земного шара, и они переделили между собой его и экономически, потому что нет такого куска земли на земном шаре, куда бы не проникли концессии, не проникли нити финансового капитала. Вот — основы аннексий. Аннексии являются не выдумкой, они явились не потому, что люди из любителей свободы внезапно превратились в реакционеров. Аннексии есть не что иное, как политическое выражение и политическая форма того господства гигантских банков, которое вылилось из капитализма неизбежно, ни по чьей вине, потому что акции — вот основа банков, а скопление акций — вот основа империализма. А крупные банки, которые господствуют над целым миром сотнями миллиардов капитала, и целые отрасли промышленности соединяются с союзами капиталистов и монополистов, вот вам

что такое империализм, который расколол весь мир на три группы гигантски богатых хищников.

Во главе одной, первой группы, которая ближе к нам в Европе, стоит Англия, во главе других Германия и Америка, остальные пособники вынуждены помогать, пока капиталистические отношения держатся. Поэтому, если вы ясно представите себе эту суть дела, которую инстинктивно всякий угнетенный человек сознает, которую инстинктивно всякий русский рабочий и крестьянин в громадном большинстве сознает, если ясно вы себе ее представите, то вы поймете, как смехотворны мысли о борьбе против войны словами, манифестами, прокламациями, социалистическими съездами. Они смехотворны потому, что сколько бы таких деклараций вы ни выпускали, сколько бы политических переворотов ни делали — вы свергли Николая Романова в России, до некоторой степени сделались республикой; Россия сделала гигантский шаг вперед, может быть догнала почти сразу Францию, которая при других условиях сто лет взяла на это и осталась страной капиталистической, — банки остаются во всевластии. Остаются капиталисты. Если они потеснились, то они потеснились и в 1905 году, но разве это их подорвало? Если русским это внове, то в Европе каждая революция показывала, что при каждом подъеме революционной волны рабочие добиваются несколько большего, но власть капиталистов остается властью. Борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов и против этих господствующих классов во всемирном масштабе. Это не помещики вообще, хотя помещики есть в России и они играют в России большую роль, чем где бы то ни было в других странах, но это не тот класс, который создал империализм. Это класс капиталистов, который возглавляется крупнейшими финансовыми магнатами и банками, и пока этот класс, господствующий над угнетенными пролетариями — в союзе с беднейшими крестьянами — полупролетариями, как они называются в нашей программе, — пока этот класс не свергли, выхода из этой войны нет. И питать такие иллюзии насчет того, что вы можете прокламациями, обращениями к другим народам соединить трудящихся всех стран, можно только с ограниченной русской точки зрения, не знающей того, как западно-европейская пресса, где рабочие и крестьяне привыкли к политическим переворотам, видели их десятки,

как она смеется над подобными фразами и обращениями. Они не знают, что в России действительно поднялась масса рабочих, которые абсолютно в своей массе искренно верят и осуждают захватные стремления всех стран и желают освобождения народов от банкиров. Но они, европейцы, не понимают, что пока вы не освободились от своих собственных банкиров, что пока вы, имеющие такие организации, которых ни один народ в мире не имеет, как Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, которые вооружены, что вы посылаете своих социалистов в министры. Вы все-таки отдаете власть этим банкирам. За границей вас обвиняют не только в наивности, это бы еще ничего, но и в лицемерии — европейцы разучились понимать наивность в политике, разучились понимать, что в России есть десятки миллионов людей, которые в первый раз просыпаются в жизни, что в России не знают, что такое связь классов с правительством, что такое связь правительства с войной. Война есть продолжение буржуазной политики и ничего больше. Класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение осуществления этими классами тех же целей другим путем. Поэтому, когда вы пишете в ваших воззваниях рабочих и крестьян: «свергайте ваших банкиров», — над вами всякий сознательный рабочий в европейской стране либо смеется, либо с горечью плачет и говорит себе: «что мы можем поделать, если там свергли полудикого идиота и изверга монарха, каких мы убрали давно, — в этом все наше преступление, и теперь поддерживают со своими «почти-социалистами» министрами русских банкиров!?».

Банкиры остаются у власти, ведут внешнюю политику путем империалистической войны, продолжающей целиком те договоры, которые заключены в России Николаем II. У нас это особенно наглядно. Все основы русской внешней империалистической политики предопределены не теперешними капиталистами, а прежним правительством с Николаем Романовым, которого мы свергли. Он эти договоры заключил, они остаются тайными, капиталисты не могут их опубликовать, потому что они капиталисты. Но ни один рабочий и крестьянин этой путаницы понять не может, потому что он себе говорит: если мы приглашаем свергать капиталистов в других странах, тогда прежде всего долой банкиров наших, иначе никто нам не поверит и никто нас не возьмет всерьез,

о нас скажут — вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходные сами по себе, но не имеющие практического содержания, или подумают, еще хуже, что вы лицемеры. Такие вещи вы можете встретить в заграничной печати, если бы она свободно всех оттенков проходила в Россию через границу, а не задерживалась в Торнео английскими и французскими властями. Из одного подбора цитат заграничных газет вы убедились бы, в какое вопиющее противоречие вы попадаете, убедились бы, как невероятно смешна и ошибочна эта идея против этой войны бороться социалистическими конференциями, соглашениями с социалистами на съездах. Если бы империализм был виной или преступлением отдельных лиц, тогда социализм мог бы остаться социализмом. Империализм есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой, и в мертвой схватке схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы, никакого иного пути тут нет. Когда вы отговариваетесь от сепаратного мира тем, что мы-де не хотим служить немецкому империализму — это совершенно верно, поэтому и мы против сепаратного мира. Но вы, фактически, помимо вашего желания, продолжаете служить англо-французскому империализму с такими же захватными, грабительскими стремлениями, которые и русскими капиталистами при помощи Николая Романова претворены в договоры. Мы не знаем текста этих договоров, но каждый, кто следил за политической литературой, кто хотя одну книжку просмотрел об экономике и дипломатии, тот знает содержание этих договоров. Да и Милюков, насколько я помню, в своих книгах писал об этих договорах и обещаниях, что они ограбят Галицию, ограбят проливы, Армению, сохранят старые аннексии и получат кучу других. Это все знают и их продолжают скрывать, а нам говорят, если вы отмените это — это значит разрыв с союзниками.

По вопросу о сепаратном мире я уже сказал, что сепаратного мира для нас не может быть и по резолюции нашей партии нет и тени сомнения, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами. Для нас сепаратный мир является соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же, как и другие. Но такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном Правительстве. Их договоры

остались, они также грабят и душат другие народы. Когда говорят: «мир без аннексий и контрибуций», как всякий русский рабочий и крестьянин должен говорить, потому что жизнь его этому учит, потому что он не заинтересован в банковских прибылях, потому что он хочет жить, я им отвечаю, что в этом лозунге ваши вожди теперешнего Совета Р. и С. Д. из партий народников и меньшевиков запутались. Они в своих «Известиях» сказали, что это значит status quo, т.-е. довоенное положение — вернись к тому, что было до войны. Разве это не капиталистический мир? И притом какой капиталистический мир! Если вы выдвигаете такой лозунг, знайте, что ход событий может поставить партию к власти. Во время революции это возможно, вы должны будете делать то, что вы говорите, а если вы предложите мир без аннексий сейчас, то его примут немцы и не примут англичане, потому что английские капиталисты ни одной пяди земли не потеряли, а во всех концах мира награбили. Немцы многое награбили, но многое и потеряли, и не только много потеряли, но получили перед собой Америку, самого гигантского врага. Если вы, предлагающие мир без аннексий, понимаете под ним status quo, вы скатываетесь к тому, что из вашего предложения выходит сепаратный мир с капиталистами, потому что если вы предложите это, то немецкие капиталисты, видя перед собою Америку и Италию, с которыми прежде заключали договоры, скажут: «да, мы примем этот мир без аннексий. Он для нас не есть поражение, он для нас победа против Америки и Италии». Вы объективно скатываетесь к тому сепаратному миру с капиталистами, в котором вы нас обвиняете, потому что вы не рвете принципиально в своей политике, на деле, в своих практических шагах, с теми банкирами, как выразителями империалистского господства во всем мире, которых во Вр. Правительстве вы и ваши «социалистические» министры поддерживаете.

Этим вы создаете себе то противоречивое и шаткое положение, при котором массы не так вас понимают. Массы, не заинтересованные в аннексиях, говорят: «Мы не хотим воевать ни из-за каких капиталистов». Когда нам говорят, что подобного рода политика может быть прекращена съездами и соглашениями социалистов всех других стран, то мы говорим: «Будь империализм делом отдельных преступников — пожалуй, но империализм

есть развитие мирового капитализма, с которым связано рабочее движение».

Победа империализма есть начало неизбежного, неминуемого во всех странах раскола социалистов на два лагеря. Кто теперь продолжает говорить о социалистах, как о чем-то целом, как о чем-то таком, что может быть целым, тот обманывает себя и других. Весь ход войны, все два с половиной года войны вызывали этот раскол — с тех пор, как Базельский манифест, который был подписан единогласно, сказал, что эта война на почве империалистского капитализма. В нем, в Базельском манифесте, нет ни одного слова «о защите отечества». Нельзя было иной манифест написать перед войной, — как теперь не один социалист не предложит написать манифест о «защите отечества» в войне между Японией и Америкой, когда не своей шкуры касается, не своих капиталистов и не своих министров. Напишите резолюцию для международных съездов! Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна, тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно! Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны. О «защите отечества» с обеих сторон будут говорить, это будет или преступно или это будет страшной слабостью, вызванной «защитой» интересов наших врагов-капиталистов. Вот почему мы говорим, что социализм раскололся бесповоротно. Социалисты ушли целиком от социализма, именно кто перешел на сторону своего правительства или своих банкиров, своих капиталистов, как бы от них ни отговаривались, как бы их ни осуждали. Дело не в осуждении. Но подчас осуждение того, что немцы поддерживают своих капиталистов, прикрывает защиту того же «греха» со стороны русских! Если вы обвиняете немецких социал-шовинистов, т.-е. людей, которые на словах социалисты — может быть, многие из них в душе социалисты, — а на деле шовинисты, на деле защищают не немецкий народ, а защищают грязных, корыстных и разбойных немецких капиталистов, то не защищайте капиталистов английских, и французских, и русских. Немецкие социал-шовинисты не хуже тех, которые в нашем министерстве продолжают ту же политику тайных договоров, грабежа, и прикрывают это добрыми невинными пожеланиями, в которых много доброго, в которых, с точки зрения масс, я признаю абсолютней-

шую искренность, но в которых я не признаю и не могу признать ни единого слова политической правды. Это только ваше желание, а война продолжает оставаться такой же империалистской и за те же тайные договоры! Вы другие народы зовете свергать банкиров, но своих поддерживаете! Говоря о мире, вы не сказали, какой мир. Нам по поводу мира на основе status quo никто не ответил, когда мы указали на это вопиющее противоречие. Вы не сможете в вашей резолюции, в которой вы будете говорить о мире без аннексий, сказать, что это не есть status quo. Вы не можете сказать, что это есть status quo, т.-е. восстановление довоенного положения. Значит, что же? Отнять у Англии немецкие колонии? попробуйте мирными соглашениями! Над вами все будут смеяться. Попробуйте отнять у Японии отграбленные Киао-Чау и острова Тихого океана без революции!

Вы запутались в противоречиях безысходных. А когда мы говорим: «без аннексий», то мы говорим, что для нас этот лозунг есть только подчиненная часть борьбы против всемирного империализма. Мы говорим, что все народы хотим освободить и начать со своих. Вы говорите о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украйной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому съезду, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия? Это — политика, которая представляет надругательство над правами народности, десятки и тысячу лет терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик. Чтобы этому помешать, рабочие и крестьянские массы воевать не будут. Всякий народ пусть будет освобожден, прежде всего будут освобождены все народности, с которыми вы революцию в России делаете Без такого шага вы осуждаете себя на то, что вы на словах «революционная демократия», а на деле вся ваша политика контр-революционная.

Внешняя ваша политика антидемократична и контр-революционна, а политика революционная может поставить вас в положение необходимости революционной войны. Но это не обязательно. На этом пункте много останавливались и докладчики, и

пресса в последнее время. Я очень хотел бы на этом пункте остановиться.

Как же практически представляем мы себе выход из этой войны? Мы говорим: выход из этой войны только в революции. Поддерживайте революцию угнетенных капиталистами классов, свергайте класс капиталистов в своей стране и тем давайте пример другим странам. Только в этом социализм. Только в этом борьба с войной. Все остальное: посулы или фразы или невинные добрые пожелания. Во всех странах мира социализм раскололся. Вы продолжаете путаться, сносясь с теми социалистами, которые поддерживают свое правительство, и забываете, что в Англии и Германии настоящие социалисты, которые выражают социализм масс, остались в одиночках и сидят в тюрьмах. Но они одни выражают интересы пролетарского движения. Но если бы в России угнетенный класс оказался у власти? Когда нам говорят: как же вы вырветесь в одиночку из войны, то мы отвечаем: вырваться в одиночку нельзя. Каждая резолюция нашей партии, каждая речь нашего митингового оратора говорит, что это бессмыслица, чтобы в одиночку можно было вырваться из этой войны. Сотни миллионов людей, сотни миллиардов капитала запутала эта война. Из нее нет иного способа выйти, как переходом власти к революционному классу, который на деле обязан империализм, т.-е. финансовые, банковые и аннексионистские нити, порвать. Пока этого на деле не сделано, — ничего не сделано. Переворот ограничился тем, что вместо царизма и империализма вы получили почти республику, империалистскую насквозь, которая даже в лице представителей революционных рабочих и крестьян с Финляндией и с Украйной не умеет обойтись демократически, т.-е. не боясь разделения.

Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим, никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими. А у Временного Правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир! (Аплод.). Никакого сепаратного мира с немецкими капиталистами мы не признаем и ни в какие переговоры не вступим; но и никакого сепаратного мира с английскими и французскими империалистами. Нам говорят, что порвать с ними, значит вступить в соглашение с немецкими империалистами. Неправда, порвать с ними надо немедленно, потому что

это союз грабежа. Говорят, что нельзя опубликовать договоры, потому что это было бы предание позору всего нашего правительства, всей нашей политики перед глазами каждого рабочего и каждого крестьянина. Если бы эти договоры опубликовать и ясно сказать на собраниях русским рабочим и русским крестьянам в особенности в каждой захолустной деревушке: вот за что ты воюешь сейчас, из-за проливов, из-за удержания Армении, то всякий скажет: такой войны мы не хотим

Председатель. Ваше время прошло. (Голоса: просим). Ленин просит еще десять минут. (Голоса: просим).

Ленин. Я говорю, что неверно это противопоставление: «либо с английскими империалистами, либо с немецкими». Если с немецкими мир, то значит с английскими война, и наоборот. Это противопоставление угодно для тех, кто со своими капиталистами и банкирами не рвет, с ними какой бы то ни было союз допускает. Это не угодно для нас. Мы говорим о защите нами союза с угнетенным классом, с угнетенными народами.

Оставайтесь верны такому союзу — тогда вы будете революционной демократией. Эта задача не легка. Эта задача не может забывать того, что при известных условиях без революционной войны не обойдемся. Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы. Если революционный класс возьмет власть, если в его государстве не останется аннексий, если не будет власти у банков и у крупного капитала, что не легко в России, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле. Зарекаться от этой войны нельзя. Это значит впасть в толстовство, в мещанство, забыть всю науку марксизма, опыт всех европейских революций.

Россию не вычеркнешь одной из войны. Но у нее растут гигантские союзники, которые сейчас не верят вам, именно потому, что ваша позиция противоречивая или наивная, именно потому, что вы другим народам советуете: «долой аннексии», а у себя ее вводите.

Другим народам вы говорите: банкиров свергайте. А своих вы не свергаете. Попробуйте другую политику. Опубликуйте договоры и предайте их позору пред каждым рабочим и крестьянином и на собраниях. Скажите: никакого мира с немецкими капи-

талистами и полный разрыв с англо-французскими капиталистами. Пусть англичане убираются из Турции и не воюют за Багдад. Пусть они убираются из Индии и Египта. Мы не хотим воевать для того, чтобы были сохранены награбленные добычи, как не приложим ни единого атома своих действий, чтобы немецкие разбойники сохранили свою добычу. Если вы это с д е л а е т е, — а вы это только говорили, — в политике словам не верят и хорошо делают, что не верят, — если вы не только это скажете, но и сделаете, тогда и те союзники, которые сейчас есть, себя проявят. Взгляните на настроение всякого угнетенного рабочего и крестьянина, они сочувствуют и жалеют, что вы так слабы, что, имея оружие, вы оставляете банкиров. Ваши союзники — угнетенные рабочие всех стран. Будет то, что революция 1905 года показала на деле. Когда она начиналась, она была страшно слаба. А каков ее международный результат? Как из этой политики определилась внешняя политика русской революции, из истории 1905 г.? Теперь внешнюю политику русской революции вы ведете целиком с капиталистами. А 1905 год показал, какова должна быть внешняя политика русской революции. Этот факт есть тот факт, что после 17 октября 1905 г. в Вене и Праге начались массовые уличные волнения и стройка баррикад. После 1905 года наступил 1908 год в Турции, 1909 г. в Персии и 1910 г. в Китае. Если вы призовете действительно «революционную» демократию, рабочий класс, угнетенных, а не будете соглашательствовать с капиталистами, то ваши союзники будут — не классы угнетательские, а угнетенные, не народности, в которых преобладают временно угнетательские классы, а народности, которых сейчас рвут на части. Нам здесь напоминают о немецком фронте, на котором никто из нас не только не предлагал никакого преобразования, кроме свободного распространения наших воззваний, которые написаны с одной стороны на русском языке, с другой на немецком.

Там сказано: капиталисты обеих стран разбойники. Удаление их только шаг к миру. Но есть другие фронты. На турецком фронте есть наша армия, численности которой я не знаю. Положим, что, примерно, там 3 миллиона. Если бы эта армия, которая сейчас держится в Армении и совершает аннексии, которые вы терпите, проповедуя другим народам мир без аннексий, хотя у вас сила и власть, если бы эта армия перешла к этой про-

грамме, если бы она сделала из Армении независимую Армянскую республику, и те деньги, которые с нас берут финансисты Англии и Франции, дала им, то было бы лучше.

Говорят, что мы без финансовой поддержки Англии и Франции не обойдемся. Но поддержка эта «поддерживает», как веревка поддерживает повешенного. С того момента, как русский революционный класс скажет: «долой эту поддержку, я не признаю долгов, заключенных с французскими и английскими капиталистами, я призываю к восстанию всех против капиталистов. Никакого мира с немецкими капиталистами и никакого союза с англичанами и французами!». Если эта политика будет вестись на деле, то наша турецкая армия могла бы освободиться и вернуться на другие фронты, потому что все народы Азии увидали бы, что русский народ не на словах только провозглашает мир без аннексий на основе самоопределения наций, а что русский рабочий и крестьянин на деле становится во главе всех угнетенных народностей, что борьба для него с империализмом не пустое пожелание и не парадная министерская фраза, а кровный интерес революции. Наше положение таково, что революционная война нам может грозить, но не обязательно состоится, потому что английские империалисты едва ли смогут вести войну против нас, если вы к народам, окружающим всю Россию, обратитесь с вашим деловым примером. Докажите, что вы освобождаете республику Армянскую, входите в соглашение с Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов в каждой стране, что вы за свободную республику, тогда внешняя политика русской революции стала бы на деле революционной, на деле демократической. Она сейчас такова только на словах, на деле она контр-революционная, потому что вы связаны англо-французским империализмом, и не хотите это открыто сказать, боитесь это признать. Лучше бы, если бы вы вместо этого воззвания «свергать чужих банкиров» сказали бы русскому народу, рабочим и крестьянам прямо: «мы слишком слабы, мы не можем свергнуть с себя иго англо-французских империалистов, мы их рабы, поэтому мы воюем». Это было бы горькой правдой, она имела бы революционное значение, она на деле бы подвинула приближение к концу этой грабительской войны. Вот, что в тысячу раз больше значит, чем соглашение с социал-шовинистами французскими и английскими, чем созыв съездов, на которые они пойдут, чем продолжение этой политики, когда

вы на деле боитесь порвать с империалистами одной страны, оставаясь союзниками другой. Вы можете, опираясь на угнетенные классы европейских стран, на угнетенные народы стран более слабых, которые Россия душила при царях, которых она душит, как сейчас Армению, опираясь на них, вы можете давать свободу, помогая их рабочим и крестьянским комитетам, вы бы стали во главе всех угнетенных классов, всех угнетенных народов в войне против немецкого и против английского империализма, которые соединиться против вас не могут потому, что они в мертвой схватке друг с другом, они находятся в непоправимо трудном положении, когда внешняя политика русской революции, искренний союз на деле с угнетенными классами, угнетенными народами может иметь успех; 99 шансов из 100, что он успех иметь будет.

Недавно в московской газете нашей партии мы встретили письмо крестьянина, излагающего нашу программу. Я позволю себе свою речь закончить краткой цитатой из этого письма, выражающего, как крестьянин понял нашу программу. Это письмо приведено в 59 № московской газеты нашей партии «Соц.-Дем.» и перепечатано в № 68 «Правды»: «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет». (Аплодисменты).

IV. ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КОНЦА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Декрет о мире.

(Принят на II съезде Советов 26 октября 1917 г.).

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Р., С. и Кр. Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки, тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира, полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно

удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, прави-

тельство, с своей стороны, выражает готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

* * *

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств — Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работы создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

Из речи на всероссийском съезде военного флота.

(22 — XI — 17 г.).

Перейду к вопросу о войне... С войной, вызванной столкновением хищников из-за добычи, мы начали решительную борьбу. Все партии до сих пор говорили об этой борьбе, но дальше слов и лицемерия не шли. Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал. Капиталисты сцепились в мертвой схватке, чтобы поделить добычу. Ясно: убить войну — значит победить капитал, и в этом смысле Советская власть начала борьбу. Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановят на этом пути. Господа буржуа злобствуют от того, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к движению к миру. Пусть она попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга. Это ей не удастся. Не только у нас, но во всех воюющих странах назревает борьба против собственных империалистических правительств. Даже в Германии, которую империалисты десятки лет старались превратить в военный лагерь, где весь правительственный аппарат направлен к тому, чтобы малейшее проявление народного возмущения было пресечено в самом зародыше, и там дошло до открытого восстания во флоте. Нужно знать, как неслыханно велик полицейский произвол в Германии, чтобы знать, какое значение имеет это восстание. Но революция не заказывается; революция является как следствие взрыва негодования народных масс. Если было так легко справиться с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин, то зато неизмеримо труднее бороться с организованной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов. Но можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда оно опубликовало тайные договоры и показало, что

правители всех стран — разбойники. Это уже пропаганда не словом, а делом . . .

Когда немцы на наши требования не перебрасывать войск на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя. И когда мы это сообщим открыто на весь мир, то не будет ни одного немецкого рабочего, который бы не знал, что не по нашей вине были прерваны мирные переговоры. Если же представить такой случай, что немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная, зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения, с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия.

Но мы верим в международную солидарность трудящихся масс, которые одолеют все препятствия и все препоны на пути борьбы за социализм.

Тезисы о мире [17]).

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне Советской власти и начатой ею социальной революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознающих, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю, на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется не малое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, — а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д., и т. п., это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ними неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их при обилии мелко-буржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налажения широкой и глубокой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой Советской власти, ибо международная ситуация на 4 году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на о к о н ч а т е л ь н у ю победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя

никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7/I—1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т.-е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют в с е занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы) на содержание пленных, контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более не осуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы у ж е сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот вывод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации,

выгодные для империалистов одной группы, условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта, и миллионы пленных, и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий, для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империалистов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из с.-д. стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали пораженчество лишь по отношению к собственной империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые с.-д. предлагали нам от-

тянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос м о г б ы встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можно, но решайте вопрос по соображениям положения дел в р у с с к о й социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о н е о б х о д и м о с т и «п о д г о т о в л я т ь и в е с т и» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны г о т о в и т ь революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли с е й ч а с, н е м е д л е н н о вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо притти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление, во-первых, вследствие крайней усталости и истомления большинства

солдат при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр., во-вторых, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию, в-третьих, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большой части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петербурга.

15. Далее нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в нее отрядов Красной гвардии и проч. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом; оно в состоянии немедленно, в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классов по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не

через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон.

Пример Социалистической Советской Республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников, там — мир и социалистическая республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного м о м е н т а степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможно при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в д а н н ы й момент мы себе

заведомо не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польша, Литва, Курляндия и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и проч. мира, предать Польшу и т. д.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и др. стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром с точки зрения России, но нисколько не перестал бы быть миром с аннексионистами, с германскими империалистами.

О революционной фразе.

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции.

Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелко-буржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей имеющих место. Лозунги превос-

ходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы.

Рассмотрим хотя бы только важнейшие группы доводов за революционную войну теперь, в январе-феврале 1918 г. в России, и сопоставление объективной действительности с этим лозунгом даст ответ на вопрос о правильности употребленной мной характеристики.

1.

О необходимости готовить революционную войну в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреоборимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет подумать о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской Социалистической Республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной армии — таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе-феврале 1918 года, и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы «отстаивание» революционной войны, скажем, питерскою и московской организациею не было фразой, то мы видели бы с октября по январь иные факты: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами десятков тысяч агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести от-

туда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре. Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей Советской власти, дела питерцев и москвичей-большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной армии из добровольцев пойти пока не удалось. От этого неприятного факта, но факта, — скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать демобилизации, но и не возражать против нее, значит опьянять себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что, например, в ЦК нашей партии большинство виднейших противников сепаратного мира голосовало против революционной войны, голосовало против и в январе, и в феврале. Что значит этот факт? Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боявшимися глядеть правде в лицо.

От правды отговариваются или пробуют отговариваться в таких случаях. Взглянем на отговорки.

2.

Отговорка первая. Франция 1792 года страдала не меньшей разрухой, но революционная война все излечила, всех воодушевила, вызвал энтузиазм, все победила. Только не верящие в ре-

волюцию, только оппортунисты могут при нашей более глубокой революции высказываться против революционной войны.

Сопоставим эту отговорку или этот довод с фактами. Факт тот, что во Франции конца XVIII века создалась сначала экономическая основа нового, высшего способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась могучая революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его после нескольких лет победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов.

Сопоставьте с этим фактом современную Россию. Неимоверная усталость от войны. Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии, еще нет. Он только основывается. Наш крестьянин имеет лишь закон о социализации земли, но ни одного года свободной (от помещика и от мучений войны) работы. Наш рабочий начал сбрасывать капиталиста, но не мог еще успеть организовать производство, поставить продуктообмен, наладить снабжение хлебом, повысить производительность труда.

К этому мы пошли, на этот путь мы встали, но ясно, что нового, более высокого экономически строя еще нет.

Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран, — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области.

Мелкокрестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить ее раны, против технически и организационно высшей производительности труда, — вот объективное положение в начале 1918 года.

Вот почему всяческие воспоминания 1792 года и т. п. — одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся.

3.

Отговорка вторая. Германия «не сможет наступать», не позволит ее растущая революция.

Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 года противни-

ками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли — примерно, конечно — вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25—33%.

Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики.

В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в с в я з и с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации — пока можно было маневрировать и агитировать, — так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром.

Источник ошибки был в том, что наше отношение революционного сотрудничества с германскими революционными рабочими было превращено в фразу. Мы помогали германским революционным рабочим и продолжаем помогать им всем, чем могли: — братанием, агитацией, публикацией тайных договоров и пр. Это была помощь делом, деловая помощь.

Заявление же некоторых из наших товарищей: «германцы не смогут наступать»—было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы знаем отлично, почему в России революции было легче н а ч а т ь с я, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свергшую монархию, но и создавшую повсюду Советы. Мы видели, мы знали, мы разъясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: «германцы не смогут наступать» равнялось по-этому заявлению: «мы знаем, что правительство Германии в б л и ж а й ш и е н е д е л и будет свергнуто». На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело — быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию, посильно служить р а б о т о й, агитацией, братаньем, — чем хо-

тите, только работой этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм.

Другое дело — заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрыто, что немецкая революция уже созрела (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в «гордом, ярком, эффектном, звонком» утверждении: «германцы не смогут наступать».

4.

Не более как вариантом той же фразистой бессмыслицы является утверждение: «мы помогаем германской революции, сопротивляясь германскому империализму, мы приближаем этим победу Либкнехта над Вильгельмом».

Конечно, победа Либкнехта — возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет — избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны. Победа Либкнехта избавит нас от последствий любой нашей глупости. Неужели это оправдание — глупости?

Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только целесообразное сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы на основании горького опыта отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе и т. д., и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного, решительного удара в открытом военном или

повстанческом столкновении, или итти на такое столкновение, з н а я, что не поможешь этим врагу.

Ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), что итти на серьезное повстанческое или военное столкновение з а в е д о м о без сил, з а в е д о м о без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врагов и нашего врага.

5.

Тут еще является отговорка, которая так детски смешна, что я никогда бы не поверил в возможность такого аргумента, если бы не слышал его собственными ушами.

«Ведь вот и в октябре нам говорили оппортунисты, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а все это явилось в борьбе, когда началась борьба класса против класса. Явится все это и в борьбе пролетариата России против класса капиталистов Германии, явится на помощь нам немецкий пролетарий».

В октябре было дело так, что мы точно учли именно м а с с о в ы е силы. Мы не только думали, мы твердо з н а л и, на основании опыта м а с с о в ы х выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве у ж е перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом Совещании, что и в крестьянстве коалиция провалена, значит наше дело у ж е выиграло.

Таковы были о б ъ е к т и в н ы е предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 года (Германия еще не дозрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, о т х о д свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла п р а в и л ь н о с т ь л о з у н г а «за восстание» в о к т я б р е (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и н е поставили).

Не в том ошибка оппортунистов октября, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они ф а к т ы оценили н е в е р н о, брали

мелочи, не видя главного: поворота Советов от соглашательства к нам.

Сравнивать военное столкновение с Германией (которая не пережила еще ни «своего» февраля, ни своего «июля», не говоря об октябре), с Германией монархического буржуазно-империалистского правительства и повстанческую борьбу в октябре против врагов Советов, — Советов, зревших с февраля 1917 года и созревших вполне в сентябре и октябре, — есть такое ребячество, что на него надо только пальцем указать. Вот до каких нелепостей доводит людей фраза!

6.

Отговорка иного вида: «Но Германия задушит нас экономически договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас».

Премудрый довод: надо итти на военное столкновение без армии, хотя это столкновение явно несет не только кабалу, но и удушение, отнятие хлеба без всяких эквивалентов, положение Сербии и Бельгии, — надо итти на это, ибо иначе будет невыгодный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дани в рассрочку, хлеба за машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая «кабалу» у империализма, они скромно умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо свергнуть империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической революции, которая еще слаба (ибо к нам, русским, еще не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при полной невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо

выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Мы крепнем с каждым месяцем, хотя мы еще слабы теперь. Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем, хотя она не назрела еще теперь. Поэтому... поэтому рассуждают «революционеры» (унеси ты мое горе), надо принимать бой тогда, когда заведомо сильнее нас империализм Германии, слабеющий с каждым месяцем (в силу медленного, но неуклонного назревания революции в Германии).

Великолепно рассуждают «революционеры» чувства, превосходно рассуждают!

7.

Отговорка последняя и самая «бойкая», самая ходкая: «Похабный мир — есть позор, предательство Латвии, Польши, Курляндии, Литвы».

Удивительно ли, что именно буржуа русские (и их прихвостни) — всего усерднее разрабатывают этот якобы-интернационалистский довод?

Нет, неудивительно, ибо этот довод есть западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадается бессознательно, из-за любви к фразе.

Теоретически рассмотрим этот вывод: что выше — право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение Советскую Социалистическую Республику, подставлять ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, Советская республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это буржуазная политика.

Далее. Был бы мир на условии возврата «нам» Польши, Литвы, Курляндии менее позорным, менее аннексионистским миром?

С точки зрения русского буржуа, да.

С точки зрения социалиста-интернационалиста, нет.

Ибо, освободив Польшу (чего хотели одно время некоторые буржуа в Германии), германский империализм еще сильнее душил бы Сербию, Бельгию и проч.

Что русская буржуазия вопит против «похабного» мира, это — правильное выражение ее классового интереса.

Взгляните на ф а к т ы относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы т е п е р ь воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать т е п е р ь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают на Востоке, дешевле уступят на Западе», а кстати Советская власть полетит .. Воюйте, любезные, «союзные» большевики, мы вам поможем!

И «левые» (унеси ты мое горе) большевики лезут в западню, декламируя самые революционные фразы...

Да, да, одно из проявлений следов мелкобуржуазности состоит в податливости на революционную фазу. Это старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой...

8.

Летом 1907 года наша партия тоже пережила аналогичную в некоторых отношениях болезнь революционной фразы.

Питер и Москва, почти все большевики были за бойкот 3-й Думы, заменяли объективный анализ «чувством», лезли в западню.

Болезнь повторилась.

Время более трудное. Вопрос в миллион раз важнее. Заболеть в такое время — значит рисковать гибелью революции.

Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «Революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

Странное и чудовищное.

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское Областное бюро нашей партии вынесло недоверие Ц. К-ту, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время».

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское Областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контр-революции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах — гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно итти на возможность утраты Советской власти»... Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах между-

народной революции целесообразно итти на военное поражение Советской власти» — такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это — первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно итти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т.-е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мною в тезисах (от 8 янв. 1918 г., напечат. в «Правде» от 24 февр. 1918 г.) *), именно, что непринятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, la raison finit toujours par avoir raison — правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола — договорить также до конца свои конкретные соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделывающиеся общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 8 янв. 1918 г.), состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир сейчас, в данную минуту, при одновременной серьезной подготовке революционной войны (а также именно в интересах этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу сути моих доводов. Москвичи первые ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в признании правильности моего конкретного довода: да, признались москвичи, нам дей-

*) Стр. 171—178 настоящего сборника. *Ред.*

ствительно предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами *). Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против сути моих доводов, т.-е. именно против моего конкретного указания на условия войны в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали правильность моего конкретного указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, правильность которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции надо итти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить — и о «беспощадном подавлении буржуазной контр революции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира, — ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, почему (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам искать тех доводов, которыми могли руководиться авторы резолюции.

---

*) На контр-возражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8 января мои тезисы прочтены; к 15 янв. мы могли иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение—как материальное, так и моральное, ибо немец должен бы был объявить новую войну), если бы... если бы не революционная фраза.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира), бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление в роде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогала этой революции, но форму помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в данной стране, — такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), спасая немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контр-революции, и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо о б я з а т е л ь н о было бы итти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а п о м е ш а л и, «идя на возможность утраты Советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях авторов не найти. Разумных доводов за то, что «в интересах международной революции целесообразно итти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорим: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облекают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская Республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно — погибать!

Чувство, понятное при том архитяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793 года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо итти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «итти на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918 года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военного сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно — погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями).

Почему бы не могла подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впадать в отчаяние и писать резолюции — ей же ей — более позорные, чем самый позорный мир, резолюции о «становящейся чисто формальною Советской власти»?

Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало подниматься снова и снова, накапливая силы при всяких условиях, — стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эс-эров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не становится и не станет чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Д. и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть не только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если . . . если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ в праве будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, учило народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха, — как была эпоха наполеоновских войн, — будет эпохой освободительных войн (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого-угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

Серьезный урок и серьезная ответственность [18]).

Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист» (надо еще добавить: коммунист домарксовской эпохи), увертываются от урока и уроков теории, увертываются от своей ответственности.

Напрасные увертки. Увернуться им не удастся.

Увертывающиеся из кожи лезут вон, производят газетные столбцы без числа, трудятся в поте лица своего, не жалеют даже типографской краски, чтобы представить «теорию» «передышки» беспочвенной и плохой «теорией».

Увы! Их потуги бессильны опровергнуть факт. Факты — упрямая вещь, как говорит справедливая английская пословица. Факт тот, что с 3 марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5 марта, 7 ч. вечера, когда я пишу эти строки, мы имеем передышку и мы уже воспользовались этими двумя днями для деловой (не фразами, а делами проявляющей себя) защиты социалистического отечества. Это — факт, который будет становиться с каждым днем все более и более очевидным для массы. Это — факт, что в момент, когда физически бежит, бросая пушки и не успевая взрывать мостов, фронтовая армия, неспособная воевать, защитой отечества и повышением его обороноспособности являются не болтовня о революционной войне (болтовня при таком паническом бегстве армии, ни одного отряда которой сторонники революционной войны не удержали, — прямо позорная), а отступление в порядке для спасения остатков армий, использования в этих целях каждого дня передышки.

Факты — упрямая вещь.

Наши горе-«левые», увертываясь от фактов, от их уроков, от вопроса об ответственности, стараются скрыть от читателя недавнее, совсем свежее, имеющее историческую важность про-

шлое и замазать его посредством ссылок на давно прошедшее и несущественное. Пример: К. Радек вспоминает в своей статье про то, как он писал в декабре (в декабре!) о необходимости помочь армии продержаться, писал в «докладной записке Сов. Нар. Ком.». Я этой записки не имел возможности прочесть и я спрашиваю себя: отчего же не печатает ее целиком Карл Радек? Отчего не разъясняет он точно и прямо, что именно понимал он тогда под «компромиссным миром»? Отчего не вспоминает он более близкого прошлого, когда он писал в «Правде» о своей (худшей из всех) иллюзии насчет возможности заключения мира с германскими империалистами при условии возврата Польши?

Отчего?

Оттого, что горе-«левые» вынуждены затушевать факты, вскрывающие их, «левых», ответственность за сеяние иллюзий, которые на деле помогли германским империалистам и помешали росту и развитию революции в Германии.

Н. Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они помогли германскому империализму и помешали росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли при паническом бегстве крестьянской армии тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств. Я это предсказал ясно и точно в тезисах от 7 января. Если Н. Бухарин вынужден теперь «отпираться», тем хуже для него. Все, кто помнит слова Бухарина и его друзей насчет невозможности наступления для немцев, пожмут плечами по поводу того, что Н. Бухарину пришлось «отпираться» от своих собственных слов.

А для тех, кто их не помнит, для тех, кто их не слыхал, сошлемся на документ, немножечко более ценный, интересный и поучительный сейчас, чем декабрьские писания К. Радека. Этот документ, к сожалению, скрытый «левыми» от их читателей, есть результаты голосований 21/I—1918 года на совещании ЦК нашей партии с теперешней «левой» оппозицией и голосования ЦК 17/II—1918.

21 января 1918 г. по вопросу о том, разорвать ли переговоры с немцами немедленно, за голосовал (из сотрудников горе-«левого» «Коммуниста») один Стуков. Против — все остальные.

По вопросу, допустимо ли итти на подписание аннексионистского мира в случае разрыва германцами переговоров или ультиматума их, против голосовали только Осинский (когда же напечатаны будут «его» тезисы? отчего молчит о них «Коммунист»?) и Стуков. За голосовали все остальные.

По вопросу о том, надо ли в таком случае подписать предложенный мир, против голосовали только Оболенский, Стуков; остальные «левые» воздержались!! Факт.

17 февраля 1918 г. по вопросу о том, кто за революционную войну, Бухарин и Ломов «в такой постановке отказываются от участия в голосовании». За не голосует никто. Факт!

По вопросу о том, надо ли «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере (именно так!) не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на немецкое рабочее движение», за голосуют Бухарин, Ломов и Урицкий из нынешних сотрудников «левой» газеты.

По вопросу о том, «заключаем ли мы мир, если мы будем иметь, как факт, немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит», воздержались Ломов, Бухарин и Урицкий.

Факты — упрямая вещь. А факты говорят, что Бухарин отрицал возможность германского наступления, сеял иллюзии, которыми на деле, вопреки своему желанию, помогал германским империалистам, мешал росту германской революции. В этом и состоит суть революционной фразы. Шел в комнату, попал в другую.

Н. Бухарин упрекает меня в том, что я не разбираю конкретно условий теперешнего мира. Однако нетрудно понять, что для моей аргументации и по сути дела в этом не было и нет никакой надобности. Достаточно было доказать, что действительной, несфантазированной дилеммой для нас является одна: либо такие условия, оставляющие хотя бы на несколько дней передышку, либо положение Бельгии и Сербии. И этого Бухарин не опроверг хотя бы для Питера. Это его коллега М. Н. Покровский признал.

А что новые условия хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских условий, в этом виноваты по отношению к великой российской Советской республике наши горе-«левые» Бухарин, Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам давали брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, доводя до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете.

В моих тезисах от 8 янв. 1918 г. *) предсказано с полнейшей ясностью, что в силу состояния нашей армии (которое не могло измениться от фразерства «против» усталых крестьянских масс) Россия должна будет заключить худший сепаратный мир, если не примет брестского.

«Левые» попались в ловушку буржуазии российской, которой надо было втянуть нас в войну, наиболее для нас невыгодную.

Что «левые эс-эры», высказываясь за войну сейчас, заведомо разошлись с крестьянством, это факт. И этот факт говорит за несерьезность политики левых эс-эров, как несерьезна была кажущаяся «революционной» политика всех эс-эров летом 1917 г.

Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар революционной фразы, показывает пример Питера и Москвы. В Питере уже отрезвились лучшие рабочие районы: Выборгский и Василеостровский. Петербургский Совет Раб. Депутатов не стоит за войну сейчас, он понял необходимость готовить и готовить ее. В Москве на городской конференции большевиков 3 и 4 марта 1918 года уже победили противники революционной фразы.

До каких чудовищных самообольщений договорились «левые», видно из одной фразы в статье Покровского, в которой говорится: «Если воевать, то воевать нужно теперь» (курсив Покровского) ... «когда, — слушайте! слушайте! — когда еще не демобилизована российская армия вплоть до вновь образованных частей».

*) См. стр. 171 настоящего сборника. *Ред.*

А кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей помехой для отпора немцам и в Великороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале 1918 г. была наша демобилизованная армия. Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды.

Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией.

Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем вдесятеро более тяжелые и унизительные (чем наш) мирные договоры, вплоть до признания иноземной полиции, вплоть до обязательства давать свои войска на помощь завоевательным походам Наполеона I. В своих договорах с Пруссией Наполеон I терзал и дробил Германию вдесятеро сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И тем не менее в Пруссии находились люди, которые не фанфаронили, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры, подписывали их в силу неимения армии, подписывали вдесятеро более угнетательские и унизительные условия, а потом все же поднимались на восстание и на войну. Так было не раз, а много раз. История знает таких несколько мирных договоров и несколько войн. Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателем. Несколько случаев союза угнетенной нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников «революционной войны» без взятия помощи от империалистов!).

Так шла история.

Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху ряда войн. Мы идем к новой отечественной войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции. И на этом тяжелом пути русский пролетариат и русская революция сумеют излечиться от фанфаронства, от революционной фразы, сумеют принимать и архитяжкие мирные договоры, сумеют подниматься снова.

Мы заключили Тильзитский мир. Мы придем к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807—1810 годов пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тиль-

зитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее.

Долой фанфаронство! За серьезную работу дисциплины и организации!

Из доклада по вопросу о Брестском мире на VII съезде РКП [19]).

(Заседание 7 марта 1918 года).

На этой почве необходимо было, во что бы то ни стало, перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение.

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно, превращение империалистской войны в войну гражданскую. Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне, стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались лишенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украйне. По всей России пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги Советской власти стали неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства, — Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате — республика Советов родилась сразу). Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предрешен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: «Совет существует, как организация профессиональная», написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, ко-

торые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом, как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

То же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся триумфальным шествием молодых товарищей, когда перед русской революцией конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи. Эта вторая задача — решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего объединенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской Республикой не мог и по своему объективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев величай-

шего триумфа после октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдельным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз, — это парадоксально, но справедливо, — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями; когда воюющие страны подошли к тупику, к распутью; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься ни друг на друга, ни соединиться против нас. Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверхчеловеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: «с международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет». За пределами России также росло революционное движение, но во всех без исключения империалистических странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социали-

стической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе — наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать никоим образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять нельзя. Лежит смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших партий, интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унизительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать!».

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительный поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов, — в конце концов, а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка—шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет — совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, и могу делать какие-угодно глупости».

«Либкнехт выручит потому, что он все равно победит!». Он нас выручит потому, что мы знаем, что он победит. Он даст такую великолепную организацию, так что мы будем брать гото-

вые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на Западе.

Итак, совершенно никчемна авантюра перенесения в новый исторический период старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова, а преподнес могучего международного хищника, ибо на Западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие-угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может раздробиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя нисколько не забывали, что рядом с нашим смирным домашним зверем лежит тигр. Односторонним приказом втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же, мы совершенно с ума сошли? Абсолютно нисколько. Офицеры не-большевики говорили еще до октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать, — скорее демобилизовать ее. Это больная часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически-неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: «Мы захлебнулись в крови,

мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия — теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию — легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «немец не может наступать», из которой вытекала другая: «мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? «Нет, он не может наступать!». А вы имеет право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Вы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, ибо мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, мы все знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир так, что народы могли увидеть на деле наши намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской Республики, могли итти на эту авантюру, которая принесла теперь свои плоды?

Таков факт. Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никоим образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не сломаем, является то обстоятельство, что

вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это — способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать? Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно; не таким темпом, который наша история выработала в октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть, и девять десятых рабочих примыкают к нам. Немецкая революция имеет несчастие итти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней, или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не менее, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России, где громадной части населения было совершенно все равно, какие там на окраинах живут народы, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко, а начать без труда и подготовки революцию в стране, где пышно развился капитализм, дать демократическую культуру и организованность последнему человеку, — нелепая мечта. Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Мы не знаем, как не знает никто, возможно ли, что она победит через несколько недель, даже через несколько дней. Но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым

к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра. Когда же начнется, конечно, нас не будут больше мучить сомнения, не будет больше вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она очень больно нас побила, но — за битого двух небитых дают! После того как история на этой надежде, что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», нас очень больно побила, я уверен, что этот урок быстро пройдет в сознание революционных масс благодаря нашим советским организациям. Эти массы шевелятся, обсуждают, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас идут не старые революционные споры, которые остаются внутри партийных кругов, а выносятся на обсуждение масс, которые требуют проверки опытом, делом, которые никогда не дают себя увлечь легкими речами, никогда не дают сбить с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от этого можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика. Он умеет разными революционными заклинаниями отговориться от того простого факта, что армии нет, и от того, что революция в Германии еще не наступила. Миллионные массы, — а политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, ибо видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, что воевать мы не можем, что всякий человек все, что мыслимо было, вынес. Масса уже поняла ту истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший мирный договор. Это неизбежно! Пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее, до тех пор больной не выздоровеет. Но этих задач мы «на ура» не возьмем; этих затруднений не скинем, как скинули Керенского или Корнилова. Вот урок, который массы усвоили без оговорок, которые пытались некоторые преподнести им, чтобы отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь, потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником. Да, повороты истории очень тяжелы, тя-

желы особенно потому, что Октябрьский переворот не все поняли. Когда в 1907 г. мы подписали неслыханный позорный внутренний договор со Столыпиным, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежавшие к лучшему авангарду революции, говорили: «мы — гордые революционеры; мы верим русской революции; мы в подполье никогда не пойдем!». Пойдете. Жизнь масс, жизнь истории сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, — так вас история заставит. Это были очень левые, от которых ничего, как от фракции, не осталось, кроме дыма, при первом же повороте истории. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти снова, сумеем выйти и теперь потому, что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Надо уметь отступать! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «Дай бог отступить в полупорядке». Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: «товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии», это было принято за обидное предложение: «нас хотят послать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны!». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку, это было предложением лично удостовериться, что армия начала неслыханно бежать. Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаз на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов, до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была величайшей авантюрой! Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить

нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки, но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть момент действительности; если бы вы детям преподнесли сказку, что петух и кошка не разговаривают правдоподобным человеческим языком, они не стали бы интересоваться!.. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить, а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра — тогда что? Тогда масса скажет вам: «вы поступили как эгоисты, вы ставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет незаметно, но которая еще не дозрела».

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унизительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства: пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, доболи невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы действительно оказались добычей

неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник, — всемирная революция. Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира, неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю: — «Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри одной нашей страны, тактики триумфального периода революции с помощью нашей фантазии на весь ход революции оказалась битой историей. Когда говорят, что передышка это — фантазия; когда газета называется «Коммунист», должно быть, от Парижской Коммуны; когда эта газета наполняет столбец за столбцом опровержениями теории передышки, — тогда я вижу ясно (мне много пришлось пережить фракционных столкновений и расколов, так что я имею большую привычку), но вижу ясно, что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро; здесь она действует великолепно; история гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка — факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут, и не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов, а между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединиться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться и созда-

вать армии, способные не бежать, а итти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась, и нельзя ручаться, что она родится завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петербург будет потерян нами в несколько дней, когда идущие на него войска находились в нескольких переходах, а лучшие матросы и путиловцы при своем великом энтузиазме оказывались одинокими, когда получились неслыханный хаос и паника, заставившие нас добежать до Гатчины, и когда мы, наконец, опомнившись, брали назад отданное, послав телеграфиста вперед, который приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из министерства путей сообщения: «занята следующая станция. Мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет». В действительности только телеграфист занимал свое место. Вот что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны. Ее опишут вам матросы и путиловцы, которых надо пригласить на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унизительная правда, но она в 100 раз полезнее, чем ваш «Коммунист» . . .

Я предоставляю вам увлекаться международной революцией, потому что она все же наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие хоть один час в течение суток учились сражаться. Это немного потруднее, чем написать прекрасную сказку. Этим вы поможете немецкой и международной революции. Сколько нам дадут дней передышки, мы не знаем, но она дана. Надо скорей демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушили договор, мы его 30—40 раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительно долгий период освобождения, которое только что создало Советскую власть, подняло на высшую ступень ее развития, только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мир-

ный договор подымает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, у них, в сущности, только апелляция к чувству. «Позорный, неслыханный, унизительный мир!». Они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они, в сущности, говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Эта газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь!». Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина.

Если я иду на мир, когда армия бежит и не может не бежать, не теряя тысячи людей, я беру его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав. На нее я ссылался не раз, такова история освобождения немцев от Наполеона. Я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там, когда немцам пришлось давать свои войска на помощь завоевателю для подчинения других народов. До этого история однажды уже доходила и дойдет вновь, если мы будем надеяться только на международную революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до такой формы военного рабства. А пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская Республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханным позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон, ловил на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал нескоро. Последняя вспышка войны дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу, заставив его организовываться, дисциплинироваться, уметь подчиняться, создавать образцовую дисциплину. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать распростертыми в рабстве.

Так и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир. В Бресте соотношение сил, соответ-

ствовало миру побежденного, но не унизительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унизительному, а в Питере и в Москве на следующем этапе нам предпишут мир в четыре раза унизительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья; мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: «пусть русский народ найдет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все Тильзитские миры». История освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, — освобождение наступало быстро. Мы говорим, если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, перейдя вновь к войне, и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготовляются за Нарвой, — если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах, — не в Нарве, а под Нарвой, не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою растянувшуюся армию, чинят свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петербург. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал и он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в 20 раз, в 100 раз более унизительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, когда немец займет его; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшуюся больную армию.

Мы не знаем, скоро ли это будет, будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а, может быть, несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать, потому что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что необходимо

разбить Советскую Республику, а, с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов война, а, с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает и поэтому он не может сию минуту, как утверждают, взять Питер, взять Москву. Он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда фактически больна армия, когда мы пользуемся этим моментом во что бы то ни стало, хотя бы для одного дня передышки, всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, должен подымать ее для новой войны. Всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо он в интересах пролетарской революции и обновления России путем освобождения от больного органа стихийно демобилизующейся армии. Когда мы подписываем этот мир, а это понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции, всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей борьбы. Мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными. Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву; пойдем и на это испытание; в ответ на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, который, может быть, возьмет много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир, потому что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, все почувствуют это. Но пока надо воздержаться. Этот лозунг нужно провести, в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов. Надо научиться работать на новом пути. Это неизмеримо тяжело, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советской власти, если только глупейшей авантюрой мы сами не сорвали ее. Нет, когда народ скажет, что я не позволю больше мучить себя, тогда они должны заговорить о войне, и правы будут, когда заговорят. Мы сейчас не пойдем на авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унизительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Народы были связаны своей монархической организацией в 1807 г.,

когда подписали свой Тильзитский мир, после нескольких унизительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового разрушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг один: учиться военному делу, дисциплинироваться, настоящим образом ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию и всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, которую вам дали хотя бы на час, чтобы поддержать контакт с дальним тылом и создавать там новые армии. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений. Она уже налицо. С ней надо уметь считаться для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев, — этого нечего прикрашивать, ибо это, действительно, Тильзитский мир.

Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражение, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

Главная задача наших дней.

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!

История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплоатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем

овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживании мелко-буржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую Республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унизительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции, в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения

к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Итти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов, — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безнадежном бою. Неправда, будто мы продали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не продали, ни одной лжи не освятили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей паническим бегством армии, который защищает это отступление, в случае крайности, тягчайшим и унизительнейшим миром, не совершает измены по отношению к тем частям армии, которым он помочь не в силах и которые отрезаны неприятелем. Такой полководец исполняет

свой долг, выбирая единственный путь к спасению того, что можно еще спасти, не соглашаясь на авантюры, не прикрашивая перед народом горькой правды, «отдавая пространство, чтобы выиграть время», пользуясь всякой хотя бы даже минимальной передышкой, чтобы собрать силы, чтобы дать вздохнуть или полечиться армии, которая заболела разложением и деморализацией.

Мы подписали «Тильзитский» мир. Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру, завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после такого мира немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность.

Для всякого, кто хочет думать и умеет думать, пример Тильзитского мира (который был лишь одним из многих тяжелых и унизительных договоров, навязывавшихся немцам в ту эпоху), показывает ясно, как ребячески наивна мысль, будто при всяких условиях тягчайший мир есть бездна гибели, а война — путь доблести и спасения. Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии, и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к буржуазному государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельные миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой

отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую Республику, как отряд всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т.-е. буржуазного патриотизма. А мы скажем: «ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они придут на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, на ряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо учиться. Это как раз то, чего нехватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала притти через ряд тяжелых испытаний к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и сильной.

Из доклада о Брестском мире на IV чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов [20]).

(Заседание 14 марта 1918 г.).

Русская революция пережила три периода. В течение первого периода мы имеем дело с фактом сравнительно легкого и успешного для революции низвержения монархии. Успех февральских событий прошлого года объясняется тем, что массы уже в 1905 году были достаточно закалены в огне революции. Кроме этого победе ее в февральские дни способствовала неслыханная разруха, вызванная мучительной для трудового народа

войной, а также подгнившие старые устои бездарной власти режима прошлых лет.

После низвержения монархии мы наблюдаем в жизни революции долгие месяцы переходного периода, когда власть буржуазии старательно поддерживалась правыми эс-эрами и меньшевиками, когда эти прихвостни империалистов с готовностью шли за ними, защищая грудью хищнические договоры, скрывавшиеся от народа, и маскировали громкими фразами неслыханный мировой грабеж — войну, направленную против угнетенного трудового народа. Но, несмотря на всю тяжесть периода в процессе развития переходной эпохи нашей революции, закалили свои силы Советы.

Этот период, о котором я говорю, является периодом чрезвычайно непродолжительным с точки зрения международной революции. В этот период мы переживаем апрельское возмущение обманутого народа, мы переживаем грабительское и кровавое наступление 18 июня, мы терпим жестокое июльское поражение, мы боремся с контр-революционной гидрой корниловщины. И только после того, как трудовой народ, как массы из собственного горького опыта путем долгой политической подготовки окончательно поняли всю предательскую политику контр-революционных соглашателей — только после этого созрела благоприятная почва для Октябрьской революции, которая ознаменована наиболее быстрыми и крупными триумфами и победами над буржуазией революционного народа, ибо для всех ясно, что октябрьские дни — это победное триумфальное шествие русской социалистической революции.

В этот период начинаются гражданские войны, в которых силы врагов народа оказались, в сравнении с революционной мощью пролетариата, чрезвычайно ничтожными. Гражданская война — это триумф Советской власти.

Слой за слоем, масса за массой, от рабочего до крестьянина, от солдата вплоть до трудового казачества, — все эти силы революции постепенно откалываются от контр-революционной буржуазии. Советская власть окончательно упрочилась в России. Власть, создавшая неслыханный в истории тип государственного самоуправления, являющаяся продолжением Парижской Коммуны и создавшая подлинный демократизм для трудовых масс, с неслыханной силой отметая эксплоататоров и угнетателей пролета-

риата, является наиболее совершенным видом государственной революционной организации.

Всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут. Настал период тягчайших испытаний и даже поражений революции в тот момент, когда она предстала перед силой восставшего международного империализма и капитала. Нам пришлось встретиться лицом к лицу не с таким противником, как Романов или как Керенский, но с железной мощью всего капитала и вооруженного до зубов милитаризма. И результат столкновения революции с этой могучей стеной мировой контр-революции — наше тягчайшее поражение.

Нет сомнения, что небывало тяжелы эти поражения, для всех ясно, что мы переживаем эпоху отступления революции, но тем с большей готовностью мы должны предпринять все зависящее от нас для сохранения хотя бы части наших позиций, в ожидании восстания международного пролетариата, которому, несомненно, гораздо труднее, чем нам, низвергнуть превосходно организованный аппарат самодержавия западно-европейских стран.

Европейский пролетариат должен будет пройти иную кривую на пути развития революции на Западе. Нет сомнения, что первые ступени будут чрезвычайно тяжелы для них, и весь дальнейший ход революционного движения будет значительно легче и победнее. Таким образом, учитывая все это, необходимо встать на историческую точку зрения хладнокровного и беспристрастного анализа, а не поддаваться мимолетному чувству возмущения и декламации.

Весь предыдущий опыт всемирного революционного движения определенно указывает, что в среде революционеров некоторая часть их, поддавшись отчаянию, или заболев революционной фразой, наносит всей своей деятельностью неслыханный вред дальнейшему развитию революционного движения.

Необходимо понять в данный момент, что мы перешли теперь от эпохи легких побед и триумфов внутри к периоду тяжелых поражений, нанесенных извне мировым империализмом.

Продолжение при данных условиях влечет за собой только новые, неслыханные бедствия для мелко-крестьянской трудовой страны, которая, в силу сложившихся обстоятельств, временно не в состоянии оказать сопротивление вооруженному до зубов

империализму. Дальнейшее продолжение войны приведет нас к полному разгрому и поражению.

Вот почему элемент, враждебный революции, представители буржуазии, так называемые «правые», втравливают нас в войну, толкают нас на путь разгрома, влекут нас в бездну гибели.

Вот почему так кричат все эти контр-революционные сторонники новой бойни со своими эс-эровскими, меньшевистскими подголосками — этого требуют от них их классовые интересы, их личные выгоды, — это для них шкурный вопрос. Вот почему в этом смысле они отстаивают свою точку зрения в своих контр-революционных писаниях. (Возглас: «Наши газеты закрыты!»). Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все... (Бурные аплодисменты). Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума. (Бурные аплодисменты).

Для нас теперь вполне понятны их истерические вопли о похабном мире, вопли тех, кто с восторгом встречает германских империалистов, вторгающихся в пределы революционной республики. Отстаивая точку зрения продолжения войны, они стремятся к тому, чтобы Советская власть попала в западню.

Последние события с беспощадной ясностью доказали нам, что при данных условиях о продолжении войны не может быть и речи. Война невозможна: глубоко ошибаются все те, кто выступает с возражениями, вольно или невольно толкая народ и революцию на путь полного разгрома.

Глубоко ошибается партия социалистов-революционеров, которая так безнадежно поддалась влиянию чувства. В трагический момент напряженнейшей борьбы мировой революции с реакцией, в момент неслыханных поражений и отступлений — декламация и революционные фразы являются гибелью для нашего дела. Мы не скрываем от народа неслыханно тяжелого положения, которое создается подписанием нами грабительского мирного договора.

Да, этот мир — тягчайшее наше поражение, да, этот мир — неслыханное унижение Советской власти, но историю перехитрить мы не в состоянии. Передышка нам нужна, плохая, короткая, непрочная передышка, но все же будет время, за которое произойдет новое накопление сил революции, оздоровление армии от отчаяния и утомления.

Если бы тогда, в первые дни революции, интеллигенция, вместо оказания помощи Керенскому, восстала бы вместе с народом против буржуазии, вручила бы власть Советам, пошла бы навстречу нуждам исстрадавшейся армии, организовала бы защиту отечества — не отечества барыша и тайных договоров, а отечества крестьян и рабочих, — если бы эта интеллигенция протянула руку помощи активным участием в организации защиты революции разутому, раздетому и голодному солдату — только тогда были бы шансы к безболезненному переходу к тактике защиты отечества и подавления буржуазии.

Таким образом, из всего видно, что армию «разложили» вовсе не большевики, а она задолго еще до революции таяла и подвергалась систематической демобилизации. Вот почему теперь фанфаронством звучат эти истерические призывы к войне в то время, когда у нас нет армии, в то время, когда демобилизация — единственный выход из создавшегося положения. Вот до чего довели все те, кто теперь, разбрасывая пустейшие революционные фразы, призывают нас поддаться на провокацию международного империализма.

Наша революция подняла на неслыханную высоту массы: некогда темная деревня завершает теперь свою деревенскую революцию, и если мы ставим интересы этих трудовых масс выше интересов буржуазных вояк, театрально размахивающих шпагой, мы должны с беспощадной трезвостью взглянуть горькой истине в глаза. При всей тяжести создавшегося положения, мы неизменно верим в торжество международной революции, мы отлично знаем, что Либкнехт победит неизбежно.

После передышки, после некоторого промедления — мы приблизимся к новому периоду в нашей истории, к эпохе революционных войн трудового народа, восставшего против международных империалистов-хищников. Не считаясь с психологией дворянчика-дуэлянта, истерически призывающего к войне, мы должны учесть то обстоятельство, что при полном отсутствии армии, единственный шанс на спасение — это отступить и выиграть время для излечения армии.

С точки зрения массовых отношений, а не дворянчиков-дуэлянтов, война при данных условиях есть сплошной самообман. И хотя мы сознаем, что нет ничего ужаснее этого архитяжелого договора, который мы подпишем, и хотя мы знаем, что Финлян-

дия и Украина гибнут, наш долг — взглянуть отважно трагической правде в глаза и пойти на путь подписания мира. И мы пойдем.

Когда подписывался Тильзитский мир, условия были гораздо тяжелее и безвыходнее, нежели те, при которых приходится нам склоняться в сторону подписания договора. Захвачены были все столицы, народ был унижен, ограблен и угнетен, армия отступила по всем фронтам, и, между тем, в результате уступок, слабая сторона, в конце концов, восторжествовала.

Период старых империалистических войн окончен. Наступает историческая эпоха войн освободительных, победа которых несомненна. Народ Англии и Америки с величайшим энтузиазмом называет имена и лозунги революционных Советов. Пролетариат всего мира понимает, что здесь, в России, делается их собственное дело. Наш союзник, трудовой народ всех других стран, с нами и за нас, кто бы что ни говорил. Ему приходится бороться в неслыханно тяжелых условиях. Он загнан в подполье, он заточен в военно-каторжные тюрьмы, но он отлично понимает смысл всех последних событий.

Мы будем отступать, наши силы окрепнут, империализм встал на путь гибели, и нет сомнения, что победы будут, великие победы международной революции. Мы сумеем не только в порыве храбрости и гордости наступать, но и в случае неизбежности начать отступление, которое, в конце концов, приведет нас к эпохе, когда мы с новыми, окрепшими силами, объединившись с международным пролетариатом, начнем вторую октябрьскую революцию, но только в мировом масштабе!

Заключительное слово по докладу о Брестском мире на IV Съезде Советов.

(Заседание 15 марта 1918 г.).

Товарищи! Если бы я хотел найти подтверждение тому, что было сказано в первой моей речи, относительно характера предлагаемой нам революционной войны, то доклад представителя левых эс-эров дал бы мне самое лучшее и наглядное подтверждение. Тов. Камков в своей речи спрашивал, чем отличается наша политика от политики Церетели и Чернова. Есть ли хоть капелька мысли в этом вопросе! После этого нельзя не сказать, что люди

заучили обрывки слов, а не умеют их продумать. Люди повторяют то, чему большевики учили левых эс-эров, когда они еще были в среде правых, но они, очевидно, не всё поняли.

Церетели и Чернов были оборонцами, а теперь нас называют оборонцами. Да, мы оборонцы. Но всякий рабочий прекрасно понимает цели того оборончества, которым руководились Церетели и Чернов, и те побуждения, которые заставляют нас быть оборонцами. Если мы поддержим русских капиталистов, которые хотели получить Дарданеллы, Армению, Галицию, как было написано в их тайном договоре, то это было оборончеством в духе Церетели и Чернова. Но это было тогда, когда Россия вела империалистическую бойню и тогда слово «оборонцы» было позором, а теперь почетом.

И когда я рядом с подобными доводами встречаю в речи Камкова, что большевики — это приказчики германского империализма, то, не возражая обыкновенно против резких слов, хочу только указать, что быть резким нужно иметь на это право, а право на резкость дает то, чтобы слово не расходилось с делом. Но мы ведь знаем прекрасно, что они, левые эс-эры, сидели в партии правых с.-р. до октября, когда те участвовали в дележе выгоды, когда те были приказчиками, потому что им было обещано место министра за то, что ты молчишь о всех тайных договорах.

Но никак нельзя назвать приказчиками империализма людей, которые провозгласили ему войну делом, порвали договоры, вытерпели военное выступление, затягивали брестские переговоры, ряд неслыханных поражений и никогда ничего, ни капли не скрывали от народа. Но я вам скажу, что если партия левых с.-р. знает прекрасно, что мы уступаем насилию нами же полностью разоблаченному, что мы делаем это сознательно, открыто говоря, что мы сейчас не можем сражаться и вынуждены уступать, а история ведь знает ряд позорнейших договоров и ряд войн, — когда люди в ответ на это преподносят слово — приказчика, то эта резкость их разоблачает.

И когда они уверяют, что снимают ответственность, то разве это не лицемерие, и напрасно они это говорят. Я утверждаю, что это им не удастся, это не волостной сход, это все то, что есть лучшего и честного среди трудящихся масс, и здесь ответственности снимать им не удастся. Это вам не буржуазный парламент, куда раз или два в год выбирали людей, чтобы они сидели

на местах и получали жалование. Это люди, посланные с мест, завтра они будут на местах, завтра они расскажут крестьянству, как ведет себя партия левых с.-р.

И если голоса партии левых с.-р. тают, то это вполне заслуженно потому, что такая партия, которая ведет себя так, окажется таким же мыльным пузырем в крестьянстве, каким оказалась в рабочем классе.

Я остановлюсь еще на одном месте из речи т. Камкова, где он указал, что и мы так же, как и Церетели и Чернов, участвовали в разложении армии. Воистину попал пальцем в небо. Он слышал, что мы были пораженцами, и вспомнил об этом тогда, когда мы пораженцами быть перестали. Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый за маленький военный чин, опубликовал по армии: «Почему я еду в Питер». Он сказал: «к бунтам мы вас не зовем».

Это не было разложением армии. Разлагали армию Церетели и Чернов потому, что говорили народу великолепные слова, а слова имеют легкий вес, а русский народ в волостных сходах привык продумывать слова и брать всерьез. И спасение армии было бы в том, если бы мы взяли власть в марте или апреле, и если бы вместо бешеной ненависти эксплоататоров, за то, что мы их подавили, — а они ведь совершенно законно нас ненавидят, — и если бы вместо этого они интересы отечества и трудящихся и эксплоатируемых поставили выше интересов отечества Керенского и тайных договоров Рябушинского и видов на Армению, Галицию, Дарданеллы, — то в этом было бы спасение. И я утверждаю, что мы, начиная с этого воззвания Крыленко, которое не было первым и которое я вспоминаю потому, что оно особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт, чем скорее вы возьмете власть, тем легче его удержите. И говорить теперь, что мы против гражданской войны, а за восстание, как это недостойно, и какая это презренная болтовня людей! Когда это пойдет в деревни, когда там солдаты, которые войну видали не так, как интеллигенты, и которые знают, что это не так легко, как махать картонным мечом, когда они скажут, что им, разутым, раздетым и страдающим в критический момент, помогли тем, что погнали в наступление, — они теперь

им говорят, что ничего, что не будет армии, а будет восстание. Гнать народ против регулярной армии с высшей техникой — преступно. Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины. Без дисциплины жить в современном обществе нельзя: или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным. И когда всякий со своими речами пойдет в волостные сходы, когда представители левых с.-р. пойдут туда, то они понесут вполне заслуженное наказание.

Тов. Камков в своей речи задал еще вопрос о том, что такое передышка, на какой срок и т. д. Удивительно легко иногда бывает вопросы ставить, но и не трудно на них и ответить. Есть одно изречение, — оно невежливо и грубо, но слова из песни не выкинешь; — оно говорит: один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить.

Спрашивают, продлится ли передышка неделю, две или больше. Я утверждаю, что на всяком волостном сходе и на каждой фабрике человек, который от имени серьезной партии будет выступать с подобным вопросом к народу, его народ прогонит вон, потому что на всяком волостном сходе поймут, что нельзя задавать вопросы о том, чего нельзя знать. Это поймет любой рабочий и крестьянин. Если же вы хотите ответ непременно получить, то я вам скажу, что, конечно, любой из пишущих в газетах или выступающий на митингах левый с.-р. знает, от чего зависит этот срок: от того, когда выступит Япония, с какими силами, какое встретит сопротивление, от того, насколько увязнет немец в Финляндии и в Украине, от того, когда придет наступление на всех фронтах, от того, как оно разовьется, от того, как внутренний конфликт в Австрии и Германии пойдет дальше и еще от многих других причин . . .

И одно можно с уверенностью сказать, что после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо. И вся ругань, которая раздается по нашему адресу от правых, почти правых и около правых, от левых с.-р., — кадетов, меньшевиков и т. д., — имеет для меня вес не больше перышка. И так же, как у нас в большевистской фракции $^{9}/_{10}$ ее представителей сказали, что эта короткая передышка уже внесла некоторое оздоровление в нашу больную армию — на каждом

крестьянском собрании $^{9}/_{10}$ крестьян скажут то же самое и, я уверен, не будут ругать за то, что мы получили возможность передохнуть, хотя бы даже на двенадцать дней, благодаря той политике, которая пошла против революционной фразы и общественного мнения. И напрасно здесь говорил один сверхлевый с.-р., кажется максималист, что здесь объявляют фразой все сколько-нибудь честное и революционное.

История покажет, что мы были правы в великую октябрьскую революцию 1917 года, что мы вынесли рабочие организации. Но только благодаря тому, что мы пошли выше фразы и сумели смотреть на факты, учиться у них.

И когда теперь 14—15 марта выяснилось, что если бы мы воевали, мы помогли бы империализму, мы добили бы транспорт, потеряли бы Петербург, то видим, что бросать слова и махать картонным мечом бесполезно. И естественно, что отвечать тов. Камкову на его вопрос: сколько продолжится передышка, нельзя. Был период, когда революция шагала вперед и мы вместе с ней шагали впереди, а за нами петушком поспевали левые с.-р. (Рукоплескания). А теперь наступил период, когда приходится отступать перед подавляющей силой. Эта характеристика совершенно конкретная и исторический анализ это должен утвердить. И я понимаю, что если бы дитя трех лет, а не взрослый Камков спрашивал бы меня о том, а будете ли вы соблюдать договоры или нет, то это было бы и мило и наивно, но когда взрослый Камков из партии левых с.-р. задает такой вопрос, то не многие взрослые рабочие и крестьяне скажут, что это наивность, а скорее скажут, что это лицемерие. И исторический пример, который я привел, говорит яснее ясного, что освободительные войны народов, потерявших армию, а это бывало не раз, — народов, задавленных до полной потери всей земли, задавленных до того, что они вспомогательные корпуса отдавали завоевателю для новых завоевательных походов, — это из истории вычеркнуто быть не может, и вы не выскоблите этого ничем.

Указания тов. Камкова на революционные войны Испании и Германии только меня подтверждают. Бывали периоды, когда Германия и Испания, заключая мирные договоры, нарушали его через несколько месяцев и по нескольку раз.

Вот почему я говорю вам, товарищи: я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное $^{9}/_{10}$ нашей большевистской фракции,

будет вынесено $^{9}/_{10}$ всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России. И я скажу в заключение: не поддавайтесь на провокацию, буржуазия знает, что она делает. Будьте тверды. Уезжая на места, расскажите местным Советам и везде принимайте местные решения.

Из статьи „О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности“ [21]).

Выпуск маленькой группой «левых коммунистов» своего журнала «Коммунист (№ 1, 20/IV, 1918) и своих «тезисов» дает превосходное подтверждение сказанному мною в брошюре об очередных задачах Советской власти. Более наглядного подтверждения — в политической литературе — всей наивности той защиты мелкобуржуазной распущенности, которая иногда прячется под «левыми» лозунгами, нельзя было бы и желать. На рассуждениях «левых коммунистов» полезно и необходимо остановиться, ибо они характерны для переживаемого момента; они выясняют необыкновенно отчетливо, с отрицательной стороны, — «гвоздь» этого момента; они поучительны, ибо перед нами лучшие из непонявших момента люди, которые и по знаниям, и по преданности стоят много, много выше д ю ж и н н ы х представителей одинаковой ошибки, именно, левых с.-р.

I.

Как политическая — или претендующая на политическую роль — величина, — группа «левых коммунистов» дала нам свои «тезисы о текущем моменте». Это — хороший марксистский обычай, давать связное и цельное изложение основ своих взглядов и своей тактики. И этот хороший марксистский обычай помог разоблачить ошибку наших «левых», ибо одна уже попытка аргументировать — а не декламировать — вскрывает несостоятельность аргументации.

Прежде всего бросается в глаза обилие кивков, намеков, увертоk по поводу старого вопроса о том, правильно ли было заключение Брестского мира. Прямо поставить этот вопрос «левые» не решились, и барахтаются комично, громоздя один довод на другой, вылавливая соображения, разыскивая всяческие «с одной стороны» и «с другой стороны», растекаются мыслью по всем

предметам, и многим прочим, стараясь не видеть, как они побивают сами себя. Цифру 12 голосов на съезде партий против мира, при 28 за мир, «левые» заботливо приводят, а о том, что из многих сотен голосов на большевистской фракции съезда Советов они собрали менее одной десятой, скромно умалчивают. Создают «теорию», что мир проводили «усталые и деклассированные», против мира «были рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга»... Как не посмеяться над этим? О голосовании Всеукраинского съезда Советов за мир — ни звука, о социальном и классовом характере типично мелкобуржуазного и деклассированного политического конгломерата в России, бывшего против мира (партии левых с.-р.), — ни словечка. Чисто ребяческая манера забавными объяснениями «под научность» прикрывать свой крах, прикрывать факты, простая сводка которых показала бы, что именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелкобуржуазной фразы, именно м а с с ы рабочих и эксплоатируемых крестьян провели мир.

Через все указанные заявления и увертки «левых» по вопросу о войне и мире, простая и ясная правда пробивает себе все же дорогу. «Заключение мира, — вынуждены признать авторы тезисов, — ослабило пока что стремление империалистов к международной сделке» (это изложено не точно у «левых», но останавливаться на неточностях здесь не место). «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами».

Вот это — факт. Вот это имеет р е ш а ю щ е е значение. Вот почему противники заключения мира были объективно игрушкой в руках империалистов, были в их западне. Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить м е ж д у н а р о д н ы й и м п е р и а л и з м, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, н е принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою е щ е б о л е е ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах. Этой простой истины не поняли в январе, феврале и марте наши «левые», они боятся признать ее

открыто, и теперь она пробивает себе дорогу сквозь все их сбивчивые: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

«В течение ближайшей весны и лета — пишут «левые» в своих тезисах — должно начаться крушение империалистской системы, которое в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Формулировка здесь еще более ребячески-неточная, несмотря на всю игру в научность. Детям свойственно «понимать» науку так, будто она может определить, в каком году, весной и летом или осенью и зимой «должно» «начаться крушение».

Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя. Ни один серьезный политик никогда не скажет, к о г д а «должно начаться» то или иное крушение «системы» (тем более, что крушение с и с т е м ы уже началось, а речь идет о моменте взрыва в о т д е л ь н ы х странах). Но через детскую беспомощность формулировки пробивает себе дорогу бесспорная истина: взрывы революции в других, более передовых странах б л и ж е к нам теперь, месяц спустя после открывшейся с момента мира «передышки», чем они были месяц, полтора тому назад.

Значит?

Значит были вполне правы и оправданы уже историей сторонники мира, втолковывавшие любителям эффектного, что надо уметь рассчитывать соотношение сил и н е п о м о г а т ь империалистам, облегчая им бой с социализмом, когда социализм еще слаб и когда шансы боя для социализма заведомо невыгодны.

Но о соотношении сил, об учете соотношения сил наши «левые» коммунисты, — которые любят также называть себя «пролетарскими» коммунистами, ибо у них особенно мало пролетарского и особенно много мелко-буржуазного, — не умеют думать. В этом гвоздь марксизма и марксистской тактики, а они проходят мимо «гвоздя» с «горделивыми» фразами, вроде следующей:

«... Закрепление в массах бездеятельной «психологии мира» есть объективный факт политического момента»...

Ведь, это же прямо перл! После трехлетней мучительнейшей и реакционнейшей из войн, народ получил, благодаря Советской власти и ее правильной, не сбивающейся на фразерство, тактике, маленькую-маленькую, совсем маленькую, непрочную

и далеко не полную передышку, а «левые» интеллигентики с великолепием влюбленного в себя Нарцисса, глубокомысленно изрекают: «закрепление (!!!) в массах (???) бездеятельной (!!!???) психологии мира». Разве не прав я был, когда сказал на партийном съезде, что газете или журналу «левых» следовало бы называться не «Коммунист», а «Шляхтич»?

Разве может коммунист, сколько-нибудь понимающий условия жизни и психологию трудящихся, эксплоатируемых масс, скатываться до этой точки зрения типичного интеллигента, мелкого буржуа, деклассированного, с настроением барича или шляхтича, которая «психологию мира» объявляет «бездеятельной», а маханье картонным мечом считает «деятельностью»? Ибо это именно есть маханье картонным мечом, когда наши «левые» обходят общеизвестный и еще раз доказанный войной на Украине факт, что измученные трехлетней бойней народы воевать без передышки не могут, что война, если ее нет сил организовать в национальном масштабе, порождает сплошь да рядом психологию мелко-собственнического развала, а не пролетарской железной дисциплины. Мы видим из журнала «Коммунист» на каждом шагу, что наши «левые» понятия не имеют о пролетарской железной дисциплине и ее подготовке, что они насквозь пропитаны психологией деклассированного мелкобуржуазного интеллигента.

II.

Но, может быть, фразы «левых» о войне просто ребяческий задор, обращенный притом к прошлому и потому ни тени политического значения не имеющий? Так защищают некоторые наших «левых». Но это не верно. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь п р о д у м а т ь политические задачи, а отсутствие этого превращает «левых» в бесхарактернейших проповедников шатания, имеющего объективно только одно значение: своими шатаниями «левые» п о м о г а ю т империалистам провоцировать Российскую Советскую Республику на заведомо невыгодный для нее бой, п о м о г а ю т империалистам затащить нас в западню. Слушайте:

«... Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала,

делая «уступки» «отечественному капиталу». С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом и укрепление органической связи с международным социализмом, а не международной буржуазией»...

Об имеющихся здесь выпадах в область внутренней политики будет речь особо. Но посмотрите на этот разгул фразы — вместе с робостью на деле — в области политики внешней. Какая тактика о б я з а т е л ь н а для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню, в д а н н ы й момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в д а н н ы й момент о т с т у п а т ь, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «решительная классовая международная политика»!!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите о т с т у п а т ь сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий п р а в, отступая и стараясь отступить организованно; — пролетарий прав, рассчитывая, что, пока сил еще нет, надо отступать (перед западным и восточным империализмом) хотя бы до Урала, ибо это е д и н с т в е н н ы й шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе, революции, которая не «должна» (вопреки болтовне «левых») начаться «весной или летом», но которая с к а ж д ы м м е с я ц е м становится все ближе и вероятнее.

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление с е й ч а с ненужным они н е с м е ю т. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя в д а н н ы й м о м е н т. Они пускают мыльные пузыри: «международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозву-

чащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «международная революционная пропаганда делом».

Швыряться звонкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо: возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас. Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев. И тогда, отступая даже (на худой из худых концов) до Урала, мы о б л е г ч а е м нашему союзнику (международному пролетариату) возможность придти к нам на помощь, возможность «покрыть» (выражаясь спортивным языком) расстояние, отделяющее начало революционных взрывов от революции.

Такая и только такая тактика на деле укрепляет связь одного, оказавшегося на время изолированным, отряда международного социализма с прочими отрядами, а у вас, любезные «левые коммунисты», получается, по правде сказать, только «укрепление органической связи» одной звонкой фразы с другой звонкой фразой. Плохая это «органическая связь»!

И я вам объясню, любезные, почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете. От этого вы слова «оборона социалистического отечества» ставите в кавычки, которые, вероятно, должны означать ваше покушение на иронию, но которые, на деле показывают именно кашу в голове. Вы привыкли считать «оборончество» вещью гнусной и гадкой, вы запомнили и заучили это, вы твердили это наизусть до того усердно, что некоторые из вас договаривались до нелепости, будто защита отечества в империалистскую э п о х у есть вещь недопустимая (на деле она недопустима лишь в империалистской, реакционной

войне, ведомой буржуазиею). Но вы не продумали, почему и когда гнусно «оборончество».

Признавать защиту отечества, это значит признавать законность и справедливость войны. Законность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплоататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война, и «оборончество» в т а к о й войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна».

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г. Я говорил это не раз с полной определенностью и оспорить этого вы не решаетесь. Именно в интересах «укрепления связи» с международным социализмом о б я з а т е л ь н о оборонять с о ц и а л и с т и ч е с к о е отечество. Разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат. Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, мы требуем от всех с е р ь е з н о г о отношения к обороне страны. Серьезно относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны, является о т с т у п л е́ н и е в г л у б ь с т р а н ы (тот, кто увидал бы в этом на данный только случай притянутую формулу, может прочитать у старика Клаузевитца, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса в соотношении сил.

Когда мы были принципиально врагами оборончества, мы имели право высмеивать тех, кто хотел «сберечь» свое отечество в интересах будто бы социализма. Когда мы получили право быть пролетарскими оборонцами — вся постановка вопроса в корне меняется. Нашим долгом становится осторожнейший учет сил, тщательнейшее взвешивание того, успеет ли подойти наш союз-

ник (международный пролетариат). Интерес капитала — разбить врага (революционный пролетариат) по частям, пока еще не соединились (на деле, т.-е. начав революцию) рабочие всех стран. Интерес наш — сделать все возможное, использовать даже малейший шанс, чтобы оттянуть решительный бой до момента (или «до после» момента) такого объединения революционных отрядов одной великой международной армии.

Из доклада о международном положении.

(Речь на заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 года).

Два главных противоречия определяют международное положение нашей Советской Республики в данный момент: во-первых, достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из воюющих лагерей давали обещания и заверения своему и другим народам, что, вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. Но, чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, тем дальше отходит конец войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным, союз величайших империалистских держав против Советской Республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран, в течение нескольких десятилетий, подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской Республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова),

задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну.

Конечно, мы не должны забывать, что группировки между империалистическими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того потребуют интересы «священной частной собственности», «священные права» на концессии и т. п., и, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, что к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии волны вот-вот захлестнут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются — Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, — с другой.

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как «клочок бумаги». Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империалистов. Но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадно жестокой и мучительной империалистической войне, которая все мирные договоры и все законы о нейтральности попирает и будет попирать, — пока будет существовать капитализм.

Если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя сбить с толку происками провокации контр-революционеров, какими бы социалистическими ярлыками они ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных переговоров, в том числе и брест-литовских, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о противоречии между империалистическими группами, а, с другой стороны, об отношении международного империализма к тому классу, который растет и который, рано или поздно, — пусть даже позднее, чем мы этого хотим, — все же станет наследником капитализма.

Выяснив это положение, мы поймем без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего привлекали наше внимание за последние дни, поддерживаемые интересами тех, кто стремился во что бы то ни стало сеять панику. Понятно, что непрочность международного положения является основой для паники. Нисколько не закрывая глаз на всю опасность и трагичность положения, анализируя экономические отношения в международном масштабе, мы должны сказать: да, вопрос о войне и мире висит на волоске как на Западе, так и на Дальнем Востоке, потому что существуют две тенденции: одна, делающая неизбежной союз всех империалистов, другая — противопоставляющих одних империалистов другим, — две тенденции, из которых ни одна не имеет под собой прочной основы.

Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, чтобы взять, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию— то, что она могла бы взять: мы не знаем, какой формальный или неформальный ультиматум о войне ставит Японии американская буржуазия, но мы знаем, что завтра эта буржуазия может столковаться с буржуазией японской, а английская буржуазия—с германской. Ибо у всех их есть общий интерес — интерес раздела земного шара, общий интерес капитала, «обеспечения», как они выражаются, своего «национального достоинства», своих «национальных интересов». Этот язык достаточно известен тем, кто имеет несчастье или привычку читать буржуазные газеты или газеты вроде правоэс-эровских: они часто говорят о национальных достоинствах, и мы понимаем, что под этим скрывается империалистический грабеж.

Наша задача заключается в том, чтобы укрепить Советскую власть против тех элементов капитализма, которые стремятся поглотить ее. Мы должны трезво смотреть на противоречия общемирового политического положения и помнить, что прочность Советской Республики с каждой неделей и с каждым месяцем возрастает и, вместе с тем, растет сочувствие к нам среди трудящегося и эксплоатируемого населения всех стран.

И, вместе с тем, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми и ждать перемены международной политики в пользу политики крайних военных партий.

Положение германской коалиции для нас ясно. Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит на соблюдении Брестского мира. Но, конечно, они не прочь «улучшить» его еще несколькими аннексиями за счет России. Но, исходя из соображений «национальных», как говорят, — а попросту говоря, империалистических, — они предпочитают мир на Востоке, чтобы иметь развязанными руки на Западе, где уже много раз германский империализм обещал немедленные победы, но на деле, чем больше он одерживал частичных побед, тем дальше победа уходила в необозримую даль. С другой стороны, в Германии имеется военная партия, которая говорит, что силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Партия эта неоднократно проявляла себя в Бресте. Из истории Германии нам известны стремления этой партии: в 1866 году крайняя военная партия Германии требовала полного разгрома Австрии, в то время как более благоразумная буржуазия хотела подготовить мир на одной стороне, чтобы усилить свою борьбу на другой.

Итак, вы видите, что с этой стороны дело висит на волоске: буржуазное большинство в германском парламенте предпочитает оставаться на почве Брестского договора, не отказываясь в то же время от его «улучшения»; с другой стороны, с минуты на минуту нужно ожидать перемены в пользу крайней военной партии. Отсюда понятна та осмотрительность и выдержка хладнокровия, которая требуется от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу.

Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации германской. Недавно они называли изменниками тех, кто раскрывал глаза народных масс на сущность империалистической войны, а теперь они сами готовы в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Пусть мечется мелкая буржуазия всех оттенков от правоэс-эро-меньшевистских до левоэс-эровских. Это ей так и полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике, колеблясь между той и другой ориентацией и между нелепыми фразами, не будучи в силах учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится переживать самые различные группировки и переходы от одного этапа

к другому. Мы, русские революционеры, имеем опыт двух революций, мы видели, как выступают в этом движении различные классы, каким путем — иногда долгим и мучительным — идет подготовка зрелости новых классов.

Я знаю, что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран. Наша задача заключается в выдержке и осторожности; мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции.

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контр-революционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой создавшегося положения является Брест-Литовский договор, с одной стороны, а, с другой стороны, законы и обычаи, определяющие положение нейтральной страны среди других воюющих стран.

Из Брест-Литовского договора вытекало само собой заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем, с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны. Это является не результатом внутреннего развития указанных стран, а объясняется влиянием и интересами господствующих классов другой страны.

Передышка, полученная при подписании Брестского мира, о которой говорилось так много пустых и ненужных слов, якобы доказывающих ее невозможность, в действительности все-таки оказалась возможной — мы пользуемся ею в течение двух месяцев — и она уже дала свои результаты: дала возможность боль-

шинству русских солдат вернуться к себе домой, воспользоваться завоеваниями революций, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для новой предстоящей борьбы.

Но понятно, что — при обострении положения в Финляндии, Украине и Турции — эта временная передышка стала казаться подходящей к концу вопреки мирным намерениям Советской власти, вопреки даже готовности пожертвовать так называемой великодержавностью, т.-е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Керенских и Церетели от народа и вести империалистическую грабительскую войну; все-таки, вместо полного мира, вы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

В связи с этим вопросом, отношения на финляндской границе характеризуются словами: «Форт Ино, Мурман».

Форт Ино — защита Петрограда, по территориальному положению своему входит в состав финляндского государства. Заключая мир с рабочим правительством Финляндии, мы, представители социалистической России, признали полное право Финляндии на всю ее территорию, но, с обоюдного согласия обоих правительств, форт Ино был оставлен России «для защиты совместных интересов социалистических республик», как сказано в заключенном договоре. Понятно, что буржуазия Финляндии не могла не поднять бунта из-за этого пункта и предъявила претензии на форт Ино. Этот вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро, и из-за него дело висит на волоске.

Еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в империалистической войне против Германии. Они так великолепно уважают нейтральность, что пользуются всем, что плохо лежит, при чем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть юридическое положение, согласно которому на нейтральную территорию не может вступить никакая вооруженная сила воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близ-

кий к ультиматуму: если вы не можете сохранить своего нейтралитета, то мы будем воевать на вашей территории.

Теперь о положении на Украине. Завоевание Украины, которое рисовалось германской военной партии в розовом свете и представлялось таким легким, принесло неимоверные затруднения именно этой военной партии, хотя в то же время окрылило российских к.-д., меньшевиков и правых с.-р., воспылавших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский, и надеющихся, что, дескать, теперь такой же переворот легко совершить и в России. Эти господа ошибутся и надежды их разлетятся прахом... Потому что даже военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством буржуазных империалистических кругов, убедившихся в неслыханной трудности борьбы за подчинение целого народа.

Военная партия, вообразившая, что достаточно двинуть войска и получить хлеб, очутилась перед необходимостью произвести сначала государственный переворот. А это, в свою очередь, вызывает отвлечение военных сил и отодвигает осуществление задач на Западе.

В непрекращающейся борьбе Россия не успела еще создать своей армии, поэтому терпит все новые ущербы, и понятно, что мирные переговоры с Украиной ведут к новым тягостным условиям и прикрытым контрибуциям. Остается неясным вопрос, по какому универсалу желают определить границы Украины. Вместо Рады, подписавшей универсал, появился помещик-гетман. На почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, показывающих, что война и мир остаются в прежнем положении.

В столь же остром положении находится и кавказский вопрос. Там мы имели долгую борьбу с кавказскими меньшевиками, которые готовы были вступить в союз с турецкими войсками против большевиков. Они пожнут то, что пожала Рада. Если эти дельцы кавказской Рады получат поддержку иноземных войск, подобно украинской Раде, то это принесет новые трудности.

Находятся люди, которые жалуются на непереносимую тяжесть этого состояния неопределенности между войной и миром, которые думают, что выйти из неопределенного положения легко, надо только потребовать соблюдения Брестского договора. Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь

требовать. Если вы не победили — враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требования. Таков закон империалистской войны. Вы не довольны этим — так умейте же защищать ваше отечество!

На кавказской границе создалось неопределенное положение в силу преступного колебания правительства Гегечкори, сначала не признавшего Брест-Литовского мира, а потом объявившего независимость Кавказа, без указания, на какую территорию эта независимость распространяется.

Мы запросили многочисленными радиотелеграммами: сообщите, на какую территорию претендуете. Объявлять независимость это ваше право, но, говоря о независимости, ваша обязанность сказать о территории, какую вы представляете. Это было неделю тому назад. Ни одного ответа мы не получили. На этом играет германский империализм. Это дает возможность Турции и Германии двигаться и двигаться, говоря: мы возьмем то, что сможем взять, и мы не нарушаем Брестского договора, потому что Кавказ его не признает и потому что Кавказ независим.

Конечно, от Советской Республики кавказская Рада независима, но от немецкого империализма она немножечко зависима.

Вот то положение, которое дает наглядное подтверждение правильности тактики нашей партии. Из опыта революции мы научились тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда это позволяют объективные условия. Но приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному сбиранию сил, когда нет возможности дать беспощадный отпор.

Ни на минуту мы не забывали и не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата.

Исторические обстоятельства, последствия царского режима, дряблость русской буржуазии — вот что привело к тому, что этот отряд выдвинулся на передовой пост. Но мы должны остаться на этом посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который неизбежно подойдет, хотя и с неизмеримо большей медленностью, чем мы того хотели бы.

Мы должны держаться нашей тактики выжидания, использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накапливания сил и удержания оазиса Советской власти среди бушующего империалистического моря.

Вот почему мы говорим себе, что если крайняя военная партия победит в какой-либо из империалистических коалиций и будет искать предлога к походу против нас — мы ни в каком случае не облегчим ей этой задачи. Мы сделаем все немногое, что от нас зависит, на что способна дипломатия, чтобы оттянуть этот момент, мы сделаем все, чтобы та короткая непрочная передышка, которую мы получили в марте, стала более долгой, ибо мы твердо убеждены, что, имея за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, черпающих с каждой неделей, с каждым месяцем в этой передышке новую силу и укрепляющих Советскую власть, закаляют в себе готовность идти на последний решительный бой, когда на Социалистическую Советскую Республику обрушится внешняя сила.

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры: мы их расторгли и обнаружили перед всем миром; мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, ибо для нас интересы мирового социализма выше интересов национальных; мы — оборонцы социалистического отечества.

Но для обороны нужна крепкая и твердая армия, нужен крепкий тыл и, в первую очередь, твердая постановка продовольственного дела. А для этого необходимо утвердить диктатуру пролетариата.

Взять центральную власть, это — первый ход; распространить власть Советов во всех углах России, это — второй шаг, но и только. Нужно идти дальше, нужна настоящая пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, проведенная на деле, чтобы ни один кулак, ни один богач не посмел отказаться от исполнения наших декретов и знал, что всюду его найдет железная рука пролетариата.

Говоря о защите отечества, мы обязаны сделать все, чтобы отдалить момент войны, продлить передышку. Мы обещали рабочим и крестьянам сделать все для мира — и мы это сделаем. Пусть господа буржуа и их подголоски, думающие, что, совершив легкий переворот на Украине, они также смогут сделать его и у нас, народив новых Скоропадских, пусть не забывают они, что германская военная партия в Советской России встретит достаточное противодействие. Уже создается рабоче-крестьянская армия;

она в усадьбах и деревнях, это — крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им есть что защищать, и, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек.

Пророческие слова.

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806 — 1807 годов».

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

«... Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, — голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы, — только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

«Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если

вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет, либо уже завоевана, либо все-ж-таки (doch) неизбежна.

Фридрих Энгельс».

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

«... Может быть, война на время отбросит нас на задний план»... Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников», каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

«... Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции»... Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

«... Короны валяются дюжинами»... Несколько корон уже свалились, и из них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

«... Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится»... После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

«... Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита»... В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну,— на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надвигается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т.-е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немыслима.

Какое тупоумие, какую бесхарактерность, — если не говорить о корыстном услужении буржуазии, — обнаруживают те, кто, продолжая себя называть «социалистами», подобно нашим новожизненцам, меньшевикам, правым эс-эрам и т. п., с злобой указывают на проявление этой «безнадежной путаницы», виня во всем революционный пролетариат, Советскую власть, «утопию» перехода к социализму. «Путаница», разруха — по прекрасному русскому выражению — вызвана войной. Тяжелой войны без разрухи быть не может. Гражданской войны, необходимого условия и спутника социалистической революции, без разрухи быть не может. Отрекаться от революции, от социализма «по случаю» разрухи, значит только проявлять свою безыдейность и переходить на деле на сторону буржуазии.

«... Голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой»...

Как просто и ясно делает Энгельс этот бесспорный вывод, очевидный для всякого, кто хоть немного способен подумать над объективными последствиями многолетней тяжелой, мучительной войны. И как поразительно неумны те многочисленные «социал-

демократы» и горе-«социалисты», которые не хотят или не умеют вдуматься в это простейшее соображение.

Мыслима ли многолетняя война без о д и ч а н и я как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпики из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию, — хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от т а к и х последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни», «Вперед» или «Дела Народа», только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слыхали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но когда дошло до дела, они позорно струсили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы т о л ь к о это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на э т о м основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о д о л г и х м у к а х р о д о в, неизбежно связанных с переходом от капита-

лизма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть особенно тяжелый случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

«... В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужья буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет, либо уже завоевана, либо все-ж-таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух непосредственных результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, вопреки всем трудностям), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, оба.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса уже завоевана. В остальных с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все-ж-таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствуют и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались ро-

довые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первым свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

Из доклада Совета Народных Комиссаров на V Всероссийском Съезде Советов. [22]).

(Заседание 5 июля 1918 года).

Вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма, все равно, заключен, и что практически отступление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может. Этот основной фактор определил собою все положение капиталистического государства, и на этом факторе, естественно, приходится остановиться. Я думаю, что за истекшие 3½ месяца становится совершенно бесспорным, насколько ясна наша правота, и мы можем сказать, что крестьяне и пролетариат, который не эксплоатирует других, который не наживается на народном голоде, он весь стоит безусловно за нас, и во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает его в войну, кто против Брестского договора.

Девять десятых стоит за нас, и чем яснее вырисовывается положение, тем более бесспорно, что сейчас, когда западно-европейские империалистические партии, две главные империалистические группы находятся в смертельной схватке между собою,

когда они с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем все ближе и ближе толкают друг друга к пропасти, очертания которой мы ясно видим, — это особенно хорошо знают те, кто войну пережил, кто войну видал, кто о войне говорит не в легких фразах, — для нас особенно ясно, что пока каждая из групп сильнее нас, и пока тот основной перелом, который позволит рабочим и трудящемуся народу России воспользоваться результатами революции, оправиться от нанесенного удара и подняться во весь рост, так, чтобы создать новую организованную, дисциплинированную армию, на новых началах ее построить, пока этот перелом еще не пришел, мы должны ждать. Поэтому, чем глубже спуститься в народные массы, чем ближе подойти к рабочим фабрик и заводов и трудящемуся народу — крестьянству, не эксплоатирующему наемного труда, не защищающему спекулянтских интересов кулака, прячущего свой хлеб и боящегося продовольственной диктатуры — тем вернее можно сказать, что и там мы встретим, а теперь, с полным убеждением можно сказать, встретили полное сочувствие и единодушие. Да, сейчас народ воевать не хочет, не может и не будет, как бы люди по бессознательности, в увлечении фразами, ни толкали его на эту войну, какими бы они словами ни прикрывались. Да, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрыто, толкуя о войне, кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают г.г. Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (Голос: «Мирбах». Шум). Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе. (Рукоплескания). Меня нисколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и выходками, когда нет других доводов... (Голос: «Есть доводы». Шум). Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну; они знают, что для того, чтобы построить войну на новом социалистическом и экономическом базисе, надо было одолеть войну разбойничью; они, зная, что бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три месяца на несколько шагов ближе к пропасти, они не войдут в эту войну, после того как мы исполнили свой долг перед всеми народами, поняв значение декларации мира и доведя это значение через нашу брестскую делегацию, с тов. Троцким во главе, до сведения

рабочих всех стран. Когда мы открыто предложили честный демократический мир, это предложение было сорвано злобствующей буржуазией всех стран. Наше положение не может быть иное, как дожидаться, и народ дождется того, что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в ту пропасть, к которой они теперь подходят, — это все видят... Это все видят, кто не закрывает себе нарочно глаза. Эта пропасть за три с половиной месяца, когда обезумевшая империалистическая партия стоит за то, чтобы тянуть войну, несомненно, подошла ближе. Это мы знаем, чувствуем и осязаем; это говорят солдаты, воины, испытавшие войну на деле, а те крики, которые призывают скинуть брестскую петлю теперь, идут от меньшевиков, правых с.-р. и сторонников Керенского. Вы знаете, где остались сторонники помещиков, капиталистов, где остались прихвостни правых с.-р., кадетов, там, как и в речах левых с.-р., все клонится к немедленной войне. Левые с.-р., как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую.

Мы знаем, что великая революция поднимается самой народной толпой из своей глубины, что на это надо месяцы и годы, и мы не удивляемся, что партия лев. с.-р. за время революции пережила невероятные колебания. Здесь Троцкий говорил, — а мне остается добавить, — о том, чем эта партия была после Октябрьской революции, при организации трудящихся масс, и 26 октября, когда позвали членов ЦИК в комнату нижнего этажа в Смольном институте, а она отказалась; да, эта партия пережила очень многое. Но есть мера во всем.

Мы знаем, что революция есть такая штука, которая учится опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда поднялись десятки миллионов людей. (Аплодисменты, заглушающие речь тов. Ленина, крики: «Да здравствуют Советы!»). Эта борьба, поднимающая к новой жизни, начата 115 миллионами людей; надо к этой великой борьбе присматриваться... До октября, когда основалась Советская власть, до 26 октября 1917 года, когда... (Шум, крики, аплодисменты) наша партия и ее представители в ЦИК предложили партии лев. с.-р. войти в правительство, — она отказалась. Я напомню вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются итти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как

солдат, бывший на войне... (Шум, аплодисменты). Когда говорил предыдущий оратор, наше громадное большинство на с'езде ему не мешало. Да это и понятно. Если же эти люди предпочитают со с'езда уходить, то скатертью дорога.

Наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий, и те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидали, что мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку, но за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и, наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны.

Поэтому только полною растерянностью я могу объяснить себе поведение тех людей и те нападки, которые сыплются на нашу тактику. Я повторяю, что достаточно сослаться на последний период трех с половиною месяцев. Я напомню тем, кто был на этом съезде, слова, которые были там сказаны, и предлагаю тем, кто там не был, прочесть протокол или газетные статьи о прошлом съезде, чтобы убедиться, как события нашу тактику оправдали полностью. От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани в начавшихся взрывах в других странах. Для того, чтобы их ускорить, мы делали в Брестский период все возможное. — Кто пережил революции 1905 и 1917 г.г., кто думал над ними и кто относился серьезно к ним, тот знает, что в нашей стране эти революции рождались с неимоверным трудом. За два месяца перед январем 1905 г. и февралем 1917 г. ни один какой-угодно опытности и знания революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей совершенно растерявшихся, потерявших голову, и, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой, не сомневается, — из слов т. Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газ. «Трудовое Крестьянство» и о которой не было опровержения. В этой речи тов. Спиридонова поместила три ничего не говорящие строчки, будто бы

немцы предъявили нам ультиматум — отправить им на три миллиарда мануфактуры.

Т.т., партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в это болото обмана и лжи, такая партия — погибшая партия. Нельзя не знать рабочим и крестьянам, каких невероятных усилий, каких переживаний стоило нам подписание Брестского договора. Неужели нужны еще сказки и вымыслы, к которым прибегают даже наиболее искренние люди из этой партии? Но мы знаем, где народная правда, и ею мы руководствуемся в то время, как они мечутся в истерических выкриках. И с этой точки зрения подобные вещи хуже всякой провокации, особенно, если мы сопоставим сумму всех партий в России, а этого требует научное отношение к революции. Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношение всех партий вместе. Отдельные лица, отдельные группы могут ошибаться, но посмотрите на соотношение всех партий вместе— ошибки быть не может. И посмотрите, что говорят теперь, слыша подобные призывы, правые с.-р., Керенский, Савинков и прочие... Да они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну теперь, когда это нужно Милюкову. И сейчас так говорить о брестской петле — значит на русского крестьянина надевать помещичью петлю. И когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, т.т., это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто этими выкриками выполняет чужую работу, работу провокаторов.

Речь во ВЦИК по поводу предложения германского правительства о вводе батальона солдат для охраны посольства.

(Заседание 15 июля 1918 г.).

Товарищи, на недостаток политических кризисов и быстрых политических изменений наша Советская Республика пожаловаться не может...

По поводу одного такого события, подобия политического кризиса, или настоящего кризиса, я имею дать вам сообщение. Вчера,

14 июля, в 11 час. вечера народного комиссара по иностранным делам посетил исполняющий должность германского дипломатического представителя доктор Рицлер и сообщил ему содержание только-что полученной им из Берлина телеграммы, в которой германское правительство поручает ему просить о согласии русского правительства на допущение батальона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву.

При этом было прибавлено, что всякие оккупационные цели далеки от германского правительства.

Народный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части, твердо надеясь при этом, что германское правительство, одушевленное тем же желанием мира, не будет настаивать на своем пожелании.

Действительно, обращение к русскому правительству находится в полном противоречии с заявлением имперского канцлера в рейхстаге о том, что несчастное убийство гр. Мирбаха не поведет к ухудшению отношений между обеими странами. Противоречит оно и хорошо известному нам пожеланию руководящих торгово-промышленных кругов Германии наладить и развить к выгоде обеих стран тесные экономические отношения и успешно подвигающимся вперед переговорам. Об этом свидетельствуют и многочисленные заявления, сделанные нашему представителю в Берлине о политическом положении и об отношении к России.

Мы имеем еще полное основание надеяться, что этот неожиданный инцидент удастся благополучно разрешить, но каждый раз, когда наступает в наших международных отношениях обострение, мы считаем нужным сообщать об этом открыто и ставить вопросы прямо.

Я считаю своим долгом поэтому сделать следующее правительственное заявление: «Правительство Советской Республики прекрасно сознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, в виду сложивше-

гося международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной.

Исполняя волю съезда Советов, правительство строго выполняло условия Брестского мира, и в последнее время довольно далеко подвинулись уже наши переговоры с германским правительством о самом точном определении размеров тех платежей, какие падают на нас, и о способах расплаты, которую мы решили произвести в кратчайший возможный срок.

Но точнейшим образом выполняя брестские условия и охраняя волю рабочих и крестьян иметь мир, правительство Советской Республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой».

Бессмысленная и преступная авантюра левых с.-р. привела нас на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания.

Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехо-словаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению в случае временной необходимости отступления всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения складов и, в осо-

бенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука-об-руку с Советской властью до последнего издыхания.

Внутренняя политика Советской власти, строго следуя решениям V съезда Советов, так же, как и внешняя, остается прежней. Преступная авантюра левых эс-эров, оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов, теперь, когда сгущаются тучи и усиливается опасность войны, будет еще преступнее в глазах народа, и мы всецело, всемерно поддержим и проведем беспощадную расправу с предателями, осужденными бесповоротно волею V съезда Советов. Если война, вопреки всем нашим усилиям, станет фактом, мы не сможем питать ни тени доверия к шайке левоэс-эровских предателей, способных срывать волю Советов, итти на военную измену и тому подобное. Мы почерпнем новые силы для войны из беспощадного подавления как безумно-авантюристических левоэс-эровских, так и сознательно-классовых, помещичьих, капиталистических, кулацких деятелей контр-революции.

К рабочим и крестьянам всей России обращаемся мы: тройная бдительность, осторожность и выдержка, товарищи. Все должны быть на своем посту. Все должны отдать жизнь, если понадобится, для защиты Советской власти, для защиты интересов трудящихся, эксплоатируемых, бедных, для защиты социализма.

О положении Советской Республики [23]).

(Из речи на заседании ВЦИК 29 июля 1918 г.).

Товарищи, не раз нам приходилось указывать и в партийной печати, и в советских учреждениях, и в агитации перед массами, что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут. Так произошло в силу того, что сторонники империалистического мира, империалистических стран, с одной стороны, и сторонники Советской Социалистической Республики — с другой, теперь

определились полностью и окончательно. Прежде всего надо сказать, что в военном отношении только теперь положение Советской Республики окончательно определилось. На чехо-словацкое восстание многие сначала смотрели, как на эпизод контр-революционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании. Теперь следует припомнить, как развернулись события на Мурмане, в сибирских войсках, на Кубани, как англо-французы в союзе с чехо-словаками при ближайшем участии английской буржуазии стремились свергнуть Советы. Все эти факты показывают теперь, что чехо-словацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь, как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехо-словаков, как от контр-революционного покушения, не только от контр-революционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира.

Я хотел бы прежде всего напомнить тот факт, что давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехо-словацком мятеже; я напомню статью от 27 июня, которая была пропущена в центральном органе чехо-словацкой коммунистической партии «Прокопник Свободы» и была воспроизведена в нашей печати:

«7 марта Отделение Национального Совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального Совета.

9 марта тому же Шип уплачены были еще 2 миллиона, 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта тов. председателя Национального Совета г. Богумил-Чермак получил 1 миллион и 3 марта г. Шип опять получил 1 миллион.

Итого французским консулом уплачено было Отделению Национального Совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплачено: г. Шип 1 миллион, г. Богумил-Чермак 1 миллион, г. Шип вторично 1 миллион.

Кроме того, неизвестному лицу уплачено было 188.000 руб. Итого 3.188.000. С указанными выше 8 миллионами получается 11 миллионов 188.000, которые французское правительство уплатило Отделению Национального Совета.

От английского консула Отделение приняло 70.000 фунтов стерлингов. Итак, от 7 марта до дня выступления вожди Национального Чешского Совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английским империалистам».

Конечно, большинство из вас читало в свое время это известие в газетах; конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда еще не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контр-революционным походом на Советскую Республику. Теперь, когда мы берем события в целом, сопоставляем чехо-словацкое контр-революционное движение с мурманским десантом, знаем, что англичане высадили там свыше 10.000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурмана, на самом деле стали продвигаться вперед и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей, читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще рабочих дальнего севера бегут от этих спасителей и избавителей, т.-е. говоря правду, от этих новых империалистских насильников, рвущих Россию с другого конца, то, сопоставляя все эти факты, нам становится ясной общая связь событий. А между тем, в последнее время получились новые подтверждения, показывающие характер англо-французского наступления на Россию.

Уже по причинам географическим понятно, что форма этого наступления империализма на Россию не может быть такая, как в Германии. Границы, смежной с Россией, как у Германии, нет, такого количества войск нет. Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение

многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться, главным образом, отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия. В последнее время из сообщений, которые мы имеем, выяснилось, что несомненно помощью англо-французского империализма воспользовался Алексеев, давно известный русским солдатам и рабочим, захвативший в последнее время станицу Тихорецкую. Там восстание приняло более определенные формы, и опять-таки, очевидно, потому, что англо-французский империализм приложил свою руку.

Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход. Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех левых эс-эров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских лев. с.-р., а остались с советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра, англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн, армян-полусоциалистов, как это вы постоянно наблюдаете и в наших фракциях, которые, называя себя социалистами, никогда не порывали связи с буржуазией; и там на этот раз высказались за приглашение английских войск для защиты Баку. Мы уже знаем слишком хорошо, что значит такое приглашение на защиту Советской Республики империалистических войск. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное буржуазией, частью с.-р. и меньшевиками. Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая империалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильники наступали, — единственной партией была партия большевиков-коммунистов. (Аплодисменты). Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии. Вы все хо-

рошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман, — на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность. Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т.-е. отдаться англо-германскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что как ни трудно положение наших бакинских т.т., они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле; решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны; поэтому у нас нет никакого сомнения, какое значение имеет бакинское происшествие в общей сети происшествий Средней Азии. Вчера получено сообщение, что часть городов охвачена контр-революционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию. И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей Республики. Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой. Мы прекрасно видим теперь, что помещики, капиталисты и кулаки, которые все, конечно, по

причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к Советской власти, выступили теперь и здесь, — чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступили на Украине и в других, оторванных от России местах. Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против Советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями в духе гг. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям. И на это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду, и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-французский империализм, который уже 4 года заливает кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской Республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну. Вы прекрасно знаете, что с начала Октябрьской революции мы ставили себе главной целью прекращение империалистической войны, но мы никогда не делали себе иллюзий, что силой пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны, как бы героически ни были они настроены, как бы ни были организованы и дисциплинированы, — силами пролетариата одной страны, международный империализм можно свергнуть; это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран. Но мы сделали то, что в одной из стран были порваны все связи с капиталистами всего мира. У нашего правительства нет ни одной нити, связывающей его с какими бы то ни было империалистами, и их никогда не будет, каким бы путем ни пошла далее наша революция; мы сделали то, что революционное движение против империализма за 8 мес. нашей власти сделало громадный шаг вперед, что в одном из главных центров империализма, в Германии, дело дошло в январе 1918 года до вооруженной стычки и кровавого подавления этого движения. Мы сделали свое революционное дело, как ни в одной стране, ни

одно революционное правительство, в международном всемирном масштабе, но мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции и что окончить войну, начатую империалистическими правительствами, силами этих правительств нельзя. Она может быть окончена только усилиями всего пролетариата, и нашей задачей, когда мы оказались у власти, как социалистическая пролетарская коммунистическая партия, в момент, пока еще в других странах оставалось капиталистическое буржуазное господство, — ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать для усиливающегося пожара социальной революции. Всюду эта задача была чрезвычайно трудна, и эту задачу мы решили благодаря тому, что пролетариат стоял как раз на защите завоеваний Социалистической Республики. Эта задача привела к положению, особенно тяжелому и критическому, ибо социалистическая революция, в прямом смысле этого слова, ни в одной стране еще не наступила, хотя в таких странах, как Италия и Австрия, она стояла несравненно ближе. Но так как она все еще не наступила, то мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а, стало быть, и мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться и наглядно, воочию показывает нам, что эта сила готова снова втянуть Россию в империалистическую войну и готова российское самостоятельное государство, которое продолжает свою социалистическую работу и пропаганду в размерах, до сих пор не виданных еще миром, — против этого англо-французского империализма, окружившего нас кольцом, — направить все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой. Мы всегда говорили, — и революции это подтверждают, — что когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплоататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающих возможность наживать в их помещичьих интересах — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещи-

ков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости; мы прекрасно знаем, что кадеты, правые с.-р. и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример — Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых с.-р. с чехо-словаками достаточно для этого показателен. И выступление лев. с.-р., которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев Российскую Республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими-угодно чужеземцами. Эту истину истории русской революции показала еще и еще раз после того как большие сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах. Поэтому нисколько не удивительно, что теперешние обострения международного положения Советской Республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны.

О международной революции.

(Речь 22 октября 1918 г. на соед. заседании ВЦИК 5 созыва, Московск. Совета и профсоюзов).

Товарищи! Мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости может быть определено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь. Вот на этих двух положениях, особенно на втором из них, мне хотелось бы остановиться сегодня подробнее. Я думаю, что широкие массы едва ли сознают всю опасность, которая на нас надвигается, а так как мы можем действовать, только опираясь на широкие массы, то главная задача представителей Советской власти состоит в том, чтобы передать этой массе всю правду теперешнего положения, как бы оно тяжело временами ни было. Что мы близки к международной социалистической революции, то об этом говорилось не раз, и я буду краток. На самом деле, один из главных упреков, который бросали против Советской власти не только буржуазия,

но и мелкобуржуазные слои, изверившиеся в социализме, а также и многие так называемые социалисты, которые привыкли к мирным временам, которые не верили в социализм, — все они бросали Советской власти упрек в том, что мы социалистический переворот в России сделали на авось, рассчитывая на революцию на Западе.

Товарищи! Теперь, когда на пятом году войны всеобщий крах империализма наглядно показывает неправильность этого упрека, и социалисты-предатели теперь ясно видят неосновательность этого упрека, становится ясно, что, независимо от тех успехов, которые мы имели, и которых мы добились в России, мы сделали за этот год революции так много, как никогда в мире не делала ни одна пролетарская партия. Мы ведем с успехом вперед революцию, существование которой буржуа считали не более трех и шести недель, и наша революция оказалась явлением мировым. О том, что большевики есть явление мировое, говорит вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла от востока на запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии. Болгарские солдаты стали создавать Советы. Теперь приходят с каждым днем известия и о Сербии. Несмотря на то, что там хозяйничают державы согласия, в Сербии мы видим такую же революцию, образование Советской власти и Советов Рабоч. и Солд. Деп. Мы знаем, что Кавказ отложился совершенно, и хотя англо-французское согласие обещает народам тысячи благ, если они восстанут и отойдут от Германии, хотя так много обещают самые богатые в мире и самые могущественные капиталисты Америки, Англии и Франции, становится очевидно, что буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Англия полагается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким, преходящим явлением, потому что везде стучится в двери рабочая революция.

Буржуазия отдельных стран сознает, что ей придется держаться в своих государствах при помощи иностранных штыков, и не только в Австрии, но и в Германии, положение которых только недавно казалось прочным, мы видим, началась революция; германская печать говорит уже об отставке кайзера, о партии независимых демократов; печать получила уже от канцлера разреше-

ние говорить о германской республике. Это что-нибудь да значит! Мы знаем, что разложение войск усилилось, что там распространяются прямые призывы к восстанию войск. Мы знаем, что в восточной Германии образованы военно-революционные комитеты, они выпускают революционные издания, революционизирующие солдат; поэтому с полной определенностью можно говорить, что революция назревает не по дням, а по часам, и это не только говорим мы, — нет, это говорят именно все немцы из военной партии и буржуазии, которые чувствуют, что шатаются министры, что им народ не доверяет, что они продержатся в своем правительстве очень недолго. Это говорят все знающие положение дел и свидетельствуют поэтому о том, насколько неизбежна народная революция в Германии, а, может быть, даже пролетарская революция.

Мы прекрасно знаем, какое громадное пролетарское движение создалось и в других странах. Мы видели, как появился Домьер в Италии и на деньги держав согласия при помощи всей итальянской буржуазии и социал-патриотов объезжал все города Италии, проповедуя итальянским рабочим продолжать империалистическую войну. Мы видели, как в это время итальянская социалистическая печать помещала его заметки, в которых оставалось только имя Домьера, а все остальное выкидывалось цензурой, или помещались заметки, в которых смеялись: Домьер участвует в банкетах и болтает, а буржуазная пресса признала, что Домьера всюду освистали, буржуазная пресса писала: итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому. Итальянская социалистическая партия за время войны сделала громадный шаг вперед, т.-е. влево. Мы знаем, что во Франции слишком большое число патриотов было среди рабочих; им говорили, что Парижу и французской территории угрожает громадная опасность. На последнем съезде, когда читали письмо о том, что делают союзники, англо-французские империалисты, раздались крики: «да здравствует социалистическая республика», а вчера было известие, что в Париже был митинг, на котором было 2.000 металлистов, и который приветствовал Советскую Республику в России. Мы видим, что из трех социалистических партий в Англии только одна, независимая социалистическая партия, не становится открыто союзницей большевиков, а социалистические рабочие партии в Шотландии опре-

деленно заявляют себя сторонниками большевиков. В Англии тоже начинает распространяться большевизм, а испанские партии, которые стояли на стороне англо-французского империализма, среди которых в начале войны можно было найти одного или двух человек, которые имели отдаленное представление об интернационалистах, — все эти партии на своем съезде приветствуют русских большевиков. Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата. (Аплодисменты). Большевизм сделал то, что перед всем миром разыгралась стройная социалистическая революция, что фактически на деле по вопросу за большевиков или против большевиков возникли споры между всеми народами. Большевизм сделал то, что всюду ставится программа создания пролетарского государства. Рабочие, которые не знали, как обстоит дело в России, так как читали только полные лжи и клеветы буржуазные газеты, начали отдавать себе отчет, видя, что пролетарское правительство одерживает победу за победой над своими контр-революционерами, видя, что нет иного выхода из этой войны, кроме нашей тактики, кроме революционного образа действий нашего рабочего правительства. И если в прошлую среду в Берлине была демонстрация, и рабочие выражали свое негодование по отношению к кайзеру, стараясь пройти перед его дворцом, то потом они отправились к русскому посольству, стараясь выразить свою солидарность с действиями русского правительства. Вот к чему пришла Европа на пятом году войны. Поэтому мы и говорим, что никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата. Вот почему, повторяю, никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались, как с мировой силой. Казалось, что он является только следствием усталости русских солдат, что он является взрывом недовольства утомленных войной русских войск, и как только пройдет это недовольство, и установится хотя бы самый насильственный мир, так всякие шаги к государственному творчеству и к социалистическим реформам будут подавлены. Все в этом были уверены, но оказалось, что как только от империалистической войны, которая закончилась самым насильственным миром,

мы перешли к первым шагам государственного творчества, как только мы перешли к возможности дать крестьянам на деле пожить без помещиков и установить свои отношения, вопреки помещикам, убедиться на деле, что они строят свою жизнь на отобранной земле не для кулаков и не для новых капиталистов, а действительно для самих трудящихся, как только рабочие увидели, что они получили возможность строить свою жизнь без капиталистов, учиться тому трудному, но великому делу, без которого они никогда не избегнут эксплоатации, — так всем стало ясно, и на практике оказалось, что никакие силы, никакая контрреволюция не свергнут Советскую власть.

Для того, чтобы в России мы пришли к этому убеждению, нам потребовались целые месяцы. Говорят, в деревне только летом 1918 г. и только к осени крестьяне разобрались в смысле и значении нашей революции. В городе это сознание было давно, но, чтобы оно дошло до каждого уезда, в каждую захолустную волость и село, чтобы не из книжек и речей, а из своей собственной жизни крестьянин увидел, что землю должен получать трудящийся, но не кулак, и что с кулаком нужно вести борьбу, что кулака нужно победить своей организацией, что волну восстания, которая по всей стране пробежала летом этого года, поддерживали помещики, кулаки и белогвардейцы, чтобы собственным опытом, своим горбом, на своей спине испытать власть учредилки, — для этого нужны были долгие и долгие месяцы, и из этих месяцев деревня выходит закаленной, и массы крестьянской бедноты, которые чужого труда не грабят, только теперь увидели не из книжек, из которых никогда не получат твердых убеждений трудовые массы, а из собственного опыта, что Советская власть есть власть эксплоатируемых трудящихся, и что есть возможность каждой деревне приступить к этому заложению фундамента новой социалистической России. Нужны были долгие месяцы, чтобы и в остальной России после 1918 года мы могли сказать с уверенностью, опираясь на сообщения людей, исходящих из фактического опыта, что нет такого захолустья в деревне, где не знали бы, что такое Советская власть, и не отстаивали бы ее, потому что деревня видела всю опасность, грозящую со стороны капиталистов и помещиков, видела и трудность социалистического преобразования и не испугалась, а сказала себе: мы, десятки миллионов рук, к этой работе примкнем, мы за год многому научились и еще

научимся. Это говорится теперь в России с полным убеждением, на основе своего собственного опыта, десятками и десятками миллионов. Только теперь это становится ясным и западно-европейской буржуазии, которая до сих пор не брала всерьез большевиков, не понимая, что тут создалась единственная прочная власть, которая с трудящимися массами идет, и которая может в них вызвать настоящий героизм самопожертвования. Теперь эта пролетарская власть стала заражать Европу, теперь оказалось, что это вовсе не какая-нибудь особенность России, и что во всем мире четырехлетняя война вызвала разложение армии, а прежде говорили, что только Россия по ее отсталости и неподготовленности дошла до того, что на четвертом году войны армия ее разбежалась, — разве это возможно было бы в цивилизованных парламентских странах? А теперь все видят, что после четырех лет мировой войны, когда миллионы людей перебиты и искалечены для того, чтобы капиталистам можно было нажиться, когда на лицо десятки тысяч дезертиров, — это необычайное явление замечается не только в России и в Австрии, но и в хвастающейся своим порядком Германии, — вот когда это пришло, всемирная буржуазия увидела, что ей надо считаться с более серьезным врагом, и она сплачивалась. Чем ближе мы подходили к международной пролетарской революции, тем больше сплачивалась контр-революционная буржуазия.

В некоторых странах от революции продолжают еще отмахиваться, как от большевиков в октябре отмахивались министры коалиции и говорили, что Россия до большевистской власти не дойдет. Во Франции, например, говорят, что большевики — кучка предателей, которые немцам продают свой народ. Что французские буржуа так говорят, — это простительно больше, чем левым с.-р., так как на то они и буржуа, чтобы тратить миллионы на лживые выдумки. Но когда французская буржуазия видела развитие большевизма во Франции и даже партии, которые не были революционными, выступили за большевиков с революционным лозунгом, то французская республика увидела, что перед ней более грозная опасность — крах империализма и перевес рабочих в революционной борьбе. Каждый знает, что пролетарской революции из-за империалистской войны в настоящее время грозит опасность, и опасность эта для нас теперь особенно велика, потому что пролетарская революция растет во всех стра-

нах неравномерно, так как все страны стоят в разных условиях политической жизни, и в одной стране слишком ослаблен пролетариат, а в другой — он сильнее. Если в одной стране верхушечная группа пролетариата слаба, то в других странах бывает так, что на время буржуазии удается не только разделить рабочих и отколоть от власти, как это случилось в Англии и Франции; вот почему пролетарская революция развивается неравномерно, и вот почему буржуазия увидала, что наиболее сильным врагом ее является революционный пролетариат. Она сплачивается, чтобы выдержать крах мирового империализма. Теперь положение для нас изменилось, и события развиваются с громадной быстротой. Первым делом были две группы империалистических хищников, которые старались друг друга уничтожить, но теперь они заметили, особенно на примере германского империализма, который недавно считал себя равносильным Англии и Франции, что главный враг их — революционный пролетариат. Теперь, когда Германию разлагает революционное движение, англо-французский империализм считает себя владыкой мира. Там убеждены, что его главный враг — большевики и мировая революция. Чем сильнее развивается революция, тем сильнее сплачивается буржуазия. Поэтому из нас, особенно многие из широкой массы, которые, убедившись теперь, что они могут победить наших контр-революционеров, казачество, офицерство и чехо-словаков, полагают, что этим дело сделано, — не дают себе отчета в том, что этого теперь для нас мало, — есть новый враг, который гораздо более страшен: этот враг — англо-французский империализм. Он до сих пор имел не очень много успехов в России, — например, при высадке в Архангельске. Один из французских писателей, который издавал газету и назвал ее «Победою», говорил, что Франции мало победы над немцами, что ей также нужно победить большевизм, и что поход на Россию — это не наступление на Германию, а поход против большевистского революционного пролетариата и против заразы, которая распространяется по всему миру.

Вот почему теперь появляется для нас новая опасность, которая еще не вся развернулась и не вся видна, которую англо-французские империалисты готовят исподтишка, которую мы должны яснее сознать, чтобы через руководителей масс сознание этой опасности принести в массы, потому что англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха, —

наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию. Так как эти люди действуют с соблюдением военных тайн, то мы не можем указать, насколько подготовлен этот поход, и который из этих двух планов, а, может быть, и третий ими выбран; в том-то и опасность, что мы точно знать не можем. Но мы совершенно точно знаем, что это готовится, что пресса этих стран иногда пишет не очень осторожно, какой-либо журналист открыто объявляет главные цели, отбрасывает все лживые слова о союзе наций.

В германских правящих кругах мы теперь ясно видим два течения, два плана спасения, если можно еще спастись. Одни говорят: выиграем время, оттянем до весны, может быть, на линии укреплений мы еще в состоянии дать военный отпор; другие обращают внимание и говорят про германскую буржуазию, про германского кайзера, видят свое главное спасение в Англии и Франции; третьи все внимание обращают на то, чтобы достичь соглашения с Англией и Францией против большевиков, все их внимание устремлено на это, и если Вильсон отвечает сейчас на предложение мира грубым и пренебрежительным отказом, это еще не заставляет партию германских капиталистов, ищущих соглашения с Англией, отказаться от своих планов. Она знает, что иногда согласие может существовать молчаливое, что если они будут оказывать услуги английским и французским капиталистам против большевиков, за эти услуги вознаграждение может быть дано; в капиталистическом обществе так бывает, за услуги платят: может быть, мы поможем английским и французским капиталистам что-нибудь ограбить, тогда кое-что из ограбленного они оставят у нас. Таковы мораль и правила капиталистического мира, и, мне кажется, претендуя на известную часть англо-французского капитала, люди эти считать умеют и рассчитывают не меньше, как на миллиарды; часть этих господ такой расчет понимает. Англо-французские капиталисты как бы говорят: «придем на Украину, оккупируем и разграбим, но вы, господа немцы, до тех пор ее держите, пока мы не придем, только тогда вы должны очистить часть Украины, когда наши оккупационные французские войска будут работать иначе и возьмут Украину себе». Вот как они рассуждают, потому что они понимают, что буржуазия всех

оккупированных стран — Финляндии, Украины и Польши — знает, что этой национальной буржуазии не продержаться одного дня, если уйдут немецкие оккупационные войска, и поэтому буржуазия этих стран, которая вчера продавалась немцам,—ездила на поклон к немецким империалистам и заключала с ними союз против своих рабочих, как делали украинские меньшевики и с.-р. в Тифлисе, которые теперь всем перепродают свое отечество. Вчера продавали его немцам, а ныне продают англичанам и французам. Вот что происходит за кулисами, какие переторжки; видя, что англо-французская буржуазия побеждает, они все идут на ее сторону и готовят сделки с англо-французским империализмом против нас, за наш счет.

Когда они говорят своему будущему англо-французскому барину-миллиардеру, что они встают на их сторону, они говорят: ваше степенство победит большевиков, вы должны помочь нам, потому что немцы нас не спасут. Это — заговор буржуазии всех стран против революционных рабочих и большевиков. Заботы всех крупных международных империалистов направлены на нас; все это открыто, на виду, но этого еще широкие массы русских рабочих и крестьян знать не могут. Прямая обязанность, чтобы мы не просмотрели эту опасность, чтобы мы знали, что положение создалось особенно трудное.

Я для примера возьму Украину. Подумайте о положении ее, подумайте, как быть при теперешнем положении рабочим и сознательным коммунистам. С одной стороны, они видят возмущение против немецких империалистов, против страшного грабежа Украины, с другой — видят, что часть германских войск, и большая часть, может быть, ушла; у них, может быть, является мысль дать выражение накипевшим ненависти и злобе, и сейчас же, не считаясь ни с чем, напасть на германских империалистов, а другие говорят: мы — интернационалисты, мы должны смотреть с точки зрения и России и Германии; даже с точки зрения Германии мы знаем, что власть не удержится никогда, мы знаем твердо, что если украинская победа рабочих и крестьян пойдет рядом с укреплением власти России и с успехом, то социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима. Такие сознательные украинские коммунисты говорят себе: мы должны быть очень осторожны; может быть, завтра от нас потребуется напряжение всех сил и потребуется

поставить все на карту ради борьбы против империализма и германских войск. Может быть, будет так завтра, но не сегодня, а сегодня мы знаем, что войска германских империалистов разлагаются сами собой. В то же время наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания. Это с точки зрения интернациональной и международной революции, потому что главное звено этой цепи есть звено германское, потому что германская революция уже назрела, и от нее зависит больше всего успех мировой революции.

Мы будем смотреть, как бы наше вмешательство не повредило их революции. Нужно понимать изменения и нарастания каждой революции. В каждой стране, — мы видели и переживали это, и знаем это лучше других, — в каждой стране революция идет особым путем, и настолько различны эти пути, что она может и на год, и на два запоздать. Мировая революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах идти одним путем, — тогда мы уже давно победили бы. Революции проходят разными политическими эпохами, и везде мы видим такое же стремление соглашателей, их попытки вместе с буржуазией спасти народ от буржуазии, как это делали у нас Церетели и Чернов, как в Германии это делают шейдемановцы; во Франции это делают по-своему. И теперь, когда революция подошла к Германии, к этой самой сильной стране рабочего движения, отличающейся организационной выдержкой, где рабочие дольше терпели, но, быть может, накопили больше революционной ненависти и лучше сумеют расправиться со своими врагами, вмешательство в эти события людей, которые не знают темпа нарастания революции, может повредить тем сознательным коммунистам, которые говорят: я прежде всего обращаю внимание на то, чтобы этот процесс сделать сознательным. Теперь, когда немецкий солдат убедился, что его гонят на убой, говоря, что он идет защищать родину, — мы говорим, что они защищают немецких империалистов, — теперь близится время, когда революция разразится с такой силой, что разрешит старый международный вопрос. Вот почему сознательные украинские коммунисты говорят: мы должны отдать все для победы международной революции, но мы должны сознавать, что обладаем будущим и должны идти нога в ногу с немецкой революцией. Вот те трудности, которые я хотел показать на примере рассуждения украинских коммунистов. Эти трудности от-

ражаются и на положении Советской России. Теперь мы должны сказать, что в данное время международный пролетариат проснулся и делает громадные шаги, но положение наше тем более трудно, потому что наш вчерашний враг поднимается против нас, как против своего главного врага. Теперь он идет бороться не с неприятельскими войсками, а с международным большевизмом. Теперь, когда на южном фронте скопляются войска Краснова, и мы знаем, что они получили снаряды от немцев, когда мы разоблачили империализм перед всеми народами, и люди, которые обвиняли нас в Брестском мире, посылали Краснова брать снаряды у немцев и ими забрасывали русских рабочих и крестьян, а теперь получают их от англо-французских империалистов и, получая, переторговываются и продают Россию тому миллионеру, который больше даст, вот почему теперь недостаточно общей уверенности, которая у нас сложилась, в том, что перелом наступил; у нас есть старые враги, а за их спиной как раз сейчас собирается еще новая помощь. Мы все это знаем и наблюдаем. В каком-нибудь феврале или марте полгода назад у нас армии не было. Армия не могла воевать. Армия, пережившая четырехлетнюю империалистическую войну, когда она не знала, за что воюет, и смутно чувствовала, что воюет за чужие интересы, — эта армия побежала и никакие силы в мире не могли ее удержать.

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться. Революция была пробуждением к новой жизни миллионов народов. В феврале и марте эти миллионы не знали, за что идут продолжать ту бойню, в которую их погнали цари и Керенские, и цель которой была разоблачена лишь в декабре большевистским правительством. Они ясно понимали, что это была не их война, и нужно было около полугода, чтобы наступил перелом. Теперь этот перелом наступил; он изменяет силу революции. Массы, истомленные, истерзанные четырехлетней войной, в феврале и марте требовали мира и прекращения войны; они не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война. Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов Рабоч. и Кр. Депутатов, если они теперь идут на величайшее самопожертвование, если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый

раз в сознании десятков миллионов рождается и родилась новая социалистическая дисциплина, родилась Красная армия; она родилась только тогда, когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее сами строить и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие.

Когда крестьяне увидели своего главного врага и начали борьбу с деревенскими кулаками, когда рабочие покинули фабриканта и начали строить заводы по пролетарскому плану народного хозяйства, они увидели всю трудность перестройки, но они с ней справились; нужны были месяцы, чтобы наладить работу. Эти месяцы прошли, и перелом прошел, прошел тот период, когда мы были бессильны и мы пошли вперед гигантскими шагами; прошел период, когда у нас не было армии, когда не было дисциплины; создалась новая дисциплина, и в армию пошли новые люди, которые тысячами отдают жизнь.

Это значит, что новая дисциплина, товарищеский союз перевоспитали нас в борьбе на фронте и в деревенской борьбе против кулака. Этот перелом, который мы переживаем, был трудным, но теперь мы чувствуем, что дело налаживается, и мы от социализма неустроенного переходим к истинному социализму. Перед нами главная задача — борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить. Мы указываем на всю трудность и опасность этой борьбы. Мы знаем, что перелом в сознании Красной армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс, и тысячи других, которые никаких курсов не проходили, кроме курса войны. Поэтому мы нисколько не преувеличиваем, сознавая опасность, но теперь мы говорим, что армия у нас есть, и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной. Южный наш фронт не есть фронт единичный, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире, но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом. Три месяца назад смеялись, когда говорили, что в Германии может быть революция, говорили, что только полусумасшедшие большевики могут верить в немецкую революцию. Называли не только вся буржуазия, но и меньшевики и левые эс-эры большевиков изменниками патрио-

тизму и говорили, что в Германии революции не может быть, но мы знали, что там нужна наша помощь, и для этой помощи мы должны были жертвовать всем, вплоть до тяжелых условий мира. Несколько месяцев назад говорили нам и доказывали это, но Германия в несколько месяцев превратилась из могущественной империи в гнилое дерево. Эта сила, которая ее разрушила, действует и в Америке, и в Англии, она сегодня слаба, но с каждым шагом, который попробуют сделать англо-французы в России, попробуют оккупировать Украину, как это сделали немцы, — с каждым шагом эта сила будет всплывать все больше и будет более страшной, чем испанская болезнь. Вот, товарищи, почему главной задачей, повторяю, каждого сознательного рабочего является теперь ничего не скрывать от широких масс, которые могут не знать всей остроты положения, а, наоборот, раскрывать всю правду. Рабочие созрели, чтобы знать эту правду. Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм. Мы должны победить и победим не только этого, но и более страшного врага. Для того Красная армия нужна более всего. Пусть каждая организация крестьянской Советской России не перестает ставить на первом месте вопрос об армии. В настоящее время, когда все утвердилось, на первом плане вопрос о войне, об укреплении армии. У нас есть полная уверенность, что мы с контр-революцией сладим. Мы знаем, что у нас есть силы, но мы также знаем, что англо-французский империализм сильнее нас, и хотим, чтобы это отчетливо сознавали рабочие массы. Мы говорим: надо усиливать армию в 10 раз и более, говорить о том, чтобы более укреплялась дисциплина и чтобы сознательные, просвещенные, сорганизованные настоящие вожди в 10 раз более уделяли внимания и заботы этому росту международной революции. Рост этот не ограничится теми странами, которые потерпели поражение. Теперь революция начинается уже и в тех странах, которые оказались победителями, и вот в этом росте Россия уже создала крупную силу, этот рост является для нас попрежнему главной и полной гарантией того, что международный социализм победит.

Из речи „О годовщине пролетарской революции“ на VI Всероссийском Съезде Советов.

(Речь на заседании 6 ноября 1918 года).

Товарищи! Годовщину нашей революции нам приходится чествовать в такой момент, когда разыгрываются самые крупные события международного рабочего движения и когда даже наиболее скептическим, даже наиболее сомневавшимся элементам рабочего класса и трудящимся стало очевидным, что мировая война не окончится соглашениями или насилиями старого правительства и старого господствующего класса буржуазии, что она ведет не только Россию, но и весь мир ко всемирной пролетарской революции, к победе рабочих над капиталом, который залил кровью землю и показывает после всех насилий и зверств германского империализма ту же политику со стороны англо-французского империализма, поддерживаемого Австрией и Германией . . .

И теперь последний пункт, на котором я хочу остановиться, это — вопрос о международном положении. Мы стоим плечо с плечом с нашими международными товарищами и теперь мы убедились, как решительно и энергично выражают они уверенность, что русская пролетарская революция пойдет вместе с ними, как международная революция.

По мере того, как росло международное значение революции, также росло и усиливалось бешеное сплочение империалистов всего мира. В октябре 1917 года они считали нашу республику курьезом, на которую не стоило обращать внимания; в феврале они считали ее социалистическим экспериментом, с которым не стоило считаться. Но армия республики росла, укреплялась, она разрешила самую трудную задачу создания социалистической Красной армии. В силу роста и успеха нашего дела, росли бешеное сопротивление и бешеная ненависть империалистов всех стран, которые пришли к тому, что англо-французские капиталисты, кричавшие, что они враги Вильгельма, близки к тому, чтобы соединиться с тем же самым Вильгельмом в борьбе за удушение Социалистической Советской Республики, так как они видели, что она перестала быть курьезом и социалистическим экспериментом, а стала очагом, настоящим, фактическим очагом все-

мирной социалистической революции. Вот почему по мере того, как росли успехи нашей революции, росло число наших врагов, и мы должны дать себе отчет, нисколько не скрывая тяжести нашего положения, отчет о том, что нам предстоит впереди. Но на это мы пойдем, и мы идем уже не одни, а вместе с рабочими Вены и Берлина, которые поднимаются на ту же борьбу и внесут в нее, быть может, большую дисциплинированность и сознательность в наше общее дело.

Товарищи! Мы все прекрасно помним, что германское правительство превосходно знало, что русское посольство с самого начала войны пользовалось гостеприимством германских социалистов, а те, кто стоял за германский империализм, такие люди порога русского посольства не переступали. Друзьями их были те социалисты, которые были против войны, которые сочувствовали Карлу Либкнехту. Они с самого начала существования посольства были его гостями и только с ними были мы в общении. Это германское правительство великолепно знало. Они за каждым представителем нашего правительства следят с таким же тщанием, с каким правительство Николая II следило за нашими товарищами. И теперь правительство делает этот жест не только потому, чтобы что-нибудь изменилось, а потому, что оно раньше считало себя более сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, зажженного на улицах Берлина, загорелась вся Германия. Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом.

Это только смешно. Если германское правительство собирается объявить разрыв дипломатических сношений, то мы скажем, что это мы знали, что оно всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами. Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии потому, что хотя вы и враги германского империализма, но эти войска делают ваше дело: они подавляют большевиков. Дайте уйти им только тогда, когда появятся антантофильские освободительные войска, чтобы душить большевиков.

Это мы прекрасно знаем; с этой стороны для нас здесь нет ничего неожиданного. Мы говорили только, что теперь, когда Германия загорелась, а Австрия вся горит, когда им пришлось

выпустить Либкнехта и предоставить ему возможность поехать в русское посольство, что было решено общим собранием социалистов, с Либкнехтом во главе, — теперь подобный шаг со стороны германского правительства не столько свидетельствует, что они хотят воевать, сколько о том, что они совершенно потеряли голову, что они мечутся между различными решениями, потому что на них надвинулся жесточайший враг — англо-американский империализм, который подавил Австрию в сто раз более насильническим миром, чем был Брестский мир. Германия видит, что ее также хотят эти освободители душить, терзать, мучить, и, вместе с тем, поднимается рабочий Германии, что германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт, и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом.

Вот почему германская армия оказалась небоеспособной, и вот почему этот документ больше всего доказывает это метание. Мы говорим, что он поведет к разрыву дипломатических сношений, а может быть, повел бы и к войне, если бы у них оказывались силы вести белогвардейские войска. Поэтому мы дали телеграмму всем совдепам, которая кончается тем, чтобы быть начеку, приготовиться, надо напречь все силы, это одно из проявлений того, что международный империализм своей главной задачей ставит свержение большевизма. Это не значит победить только Россию, — это значит победить своих собственных рабочих в каждой стране. Этого им не удастся сделать, какие зверства и насилия ни последовали бы за этим решением. И они, эти звери, готовятся, они готовят поход на Россию с юга, через Дарданеллы, или Болгарию, или Румынию. Они ведут переговоры, чтобы в Германии образовать белогвардейские войска и бросить на Россию. Эту опасность мы прекрасно сознаем и открыто говорим:

Товарищи, мы работали год недаром: мы подвели фундамент, мы подошли к решительным битвам, которые, действительно, будут решительными. Но мы идем не одни: пролетариат Западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии. Тамошнее правительство отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время к концу февраля 1917 года прави-

тельство Николая Романова. Нашим лозунгом должно быть: еще и еще раз напрячь все свои силы, памятуя, что мы подходим к последней решительной битве, не за русскую, а международную социалистическую революцию.

Мы знаем, что звери империализма еще сильнее масс, они могут еще нам и нашей стране причинить массу насилий, зверств и мучений, но они не могут победить международной революции. Они полны дикой ненависти, и поэтому мы говорим себе: «Будь, что будет, а каждый рабочий и крестьянин России исполнит свой долг и пойдет умирать, если это требуется в интересах революции». Мы говорим: «Будь, что будет, но какие бы бедствия ни накликали еще империалисты, они этим себя не спасут». Империализм погиб, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит.

Из речи о международной революции на VI Всероссийском Съезде Советов [24]).

Товарищи, с самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях стал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему, — чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок, — а потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции. Я самым кратким образом позволю себе напомнить вам главные этапы нашей международной политики за истекший год. Как мне уже случалось указывать в речи по поводу годовщины революции, главным признаком нашего положения год тому назад было наше одиночество, как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, но признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней

политики на просвещение рабочих масс Западной Европы, — просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на большую подготовку, чем они, а в том смысле, пока не свергнута буржуазия одной страны, господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который сопровождает всякую войну, особенно реакционную. Вы прекрасно знаете, что в самых демократических республиканских странах война означает военную цензуру и неслыханные методы, употреблявшиеся буржуазией вместе с буржуазными штабами для того, чтобы обманывать народ. Нашей задачей было поделиться тем, что в этом отношении завоевано с другими народами. Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде капиталистов с капиталистами Англии и Франции. Вы знаете, что договоры были насквозь грабительскими. Вы знаете, что правление Керенского и меньшевиков сохранило эти договоры в тайне и подкрепило их. Нам случается в виде исключения встречать в сколько-нибудь честной прессе Англии и Франции указания, что лишь благодаря русской революции они, французы и англичане, узнали многое существенное, — касающееся их дипломатической истории.

Конечно, мы сделали очень мало с точки зрения социальной революции в целом, но то, что мы сделали, было одним из крупнейших шагов к ее подготовке.

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую, и в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что масса открывает глаза и начинает разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, и свою лепту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма; условия мира, который мы принуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим орудием и ими мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ. Если попытка, которая была предпринята нами, — разбудить массы, — не дала результатов сразу, то мы никогда и не предполагали, что революция начнется немедленно или же все потеряно. В течение последних 15 лет мы провели две революции, и мы видели ясно, какой

период они должны пройти, пока овладеют массами. Подтверждение этому мы находим в последних событиях в Австрии и Германии. Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками, — нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Надо только дать им известный период для подготовки, ибо в русском народе, несмотря на воспоминания о революции 1905 года, потребовался также продолжительный период прежде, чем мы поднялись снова на революцию.

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула, и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло потому, что в январе 1918 года мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира. Нам говорили: «лучше новый союз с империалистами, только не подписание такого мира».

Когда люди готовы притти в отчаяние, мы говорили себе: лучше новая война с англо-французами, лишь не подчиняться насильническому миру. Мы говорили, если бы мы обращались к международным рабочим, мы бы продолжали свою работу. Товарищи, 4 года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильнический мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западно-европейский империализм ослабевал. Теперь мы видим, в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет. Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохранили спокойствие, что мир близок. Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокой-

ствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор. Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской, мы пришли к пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы, — предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает, но если бы это случилось, — мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было для мировой пролетарской революции. Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которой германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Оказалось, что американский империализм подготовился, и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзии. После Октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм, — мы это и сейчас должны повторять, чтобы не впадать в самообман; после Октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избегнуть боя с ним.

Но если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов, американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли. Война, ее кро-

вавый туман застилал глаза. Материальные жертвы, которые нужны были для войны, требовали напряжения сил до последней степени. Им было не до нас, не благодаря тому, что мы были каким-либо чудом сильнее империалистов, — нет, это пустяк, а только благодаря тому факту, что международный империализм раскололся на две группы хищников, которые душили друг друга. Только этим мы обязаны тому, что Советская Республика открыто провозгласила борьбу империалистам всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману. Период заявлений, которые мы делали в то время по поводу той переписки, которую заводили немецкие империалисты и, несмотря на то, что всемирный империализм не мог так броситься, как он должен был по его вражде и жажде капиталистической прибыли, неслыханно увеличенной войной, — этот период кончился. С того момента, когда англо-американские империалисты оказались победителями второй группы, они целиком заняты борьбой между собой и тем самым должны отвлекаться от решительного похода против Советской Республики. Второй группы больше нет: осталась одна группа победителей. Это совершенно изменило наше международное положение и мы должны считаться с этой переменой. В каком отношении стоит эта перемена к развитию международной перемены, — на это отвечают факты. Страны, потерпевшие поражение, переживают теперь победу рабочей революции, ибо ясно для всех ее громадное развитие. Когда мы брали власть в октябре, мы в Европе были ничем больше, как отдельной искрой. Правда, искры умножались и эти искры шли от нас. Это — величайшее дело, которое нам удалось сделать, но все же это были отдельные искры, и теперь мы видим, там горит пожар и охвачено большинство стран: Америка, Германия, Англия. Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию. Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии. Целый ряд стран объят пожаром рабочей революции. В этом отношении наши усилия и те жертвы, которые мы приносили, оправдались. Они оказались не авантюрой, как клеветали враги, а необходимым переходом к международной революции, который должна была пережить страна, поставленная впереди, несмотря на свою неразвитость и отсталость.

Это один результат — самый важный с точки зрения окончательного исхода империалистической войны. Другой результат — тот, на который я указывал вначале, — что англо-американский империализм стал теперь так же изобличать себя, как в свое время австро-германский. Мы видим, что если бы во время брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантюр, — она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на Западе. Она этого не сделала потому, что такую машину, как война миллионов и десятков миллионов, — война, которой разожжены до последней степени шовинистические страсти, война, которая связана с интересами, измеряемыми капиталистическими сотнями миллиардов рублей, — такую машину, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя. Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели. И вот теперь у нас на глазах в этом весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии оказался английский и американский империализм. Можно было думать, что они имеют гораздо больше политического опыта, чем Германия. Здесь люди, привыкшие к управлению демократическому, где не управляют какие-нибудь юнкера, и уже сотни лет пережившие самый тяжелый период своей истории. Можно было думать, что эти люди сохранят хладнокровие. И если бы мы рассуждали с точки зрения индивидуальной, способны ли они быть хладнокровными с точки зрения демократии вообще, как филистеры буржуазии, профессора, которые ничего не поняли в борьбе империализма и рабочего класса; если бы мы рассуждали с точки зрения демократии вообще, — мы должны были бы сказать, что Англия и Америка — страны, где демократия воспитана веками, что там буржуазия сумеет удержаться. Если бы она теперь удержалась какими-либо мероприятиями, то это было бы во всяком случае, на довольно продолжительный срок. Но оказывается, что с ними повторяется то же самое, что случилось с военно-деспотической Германией. В этой империалистической войне громадное различие между Россией и республиканскими странами. Империалистическая война такая кровавая, хищническая, зверская, что она

даже эти важнейшие различия стерла; она приравняла свободнейшую демократию Америки и полувоенно-деспотическую Германию.

В итоге мы видим, как Англия и Америка, — страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками, — так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а может быть и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на те условия перемирия и мира, который теперь освободители народов от германского империализма — англичане и американцы — шлют побежденным народам. Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако, революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной — это пустяки. Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются: «ну, что значит этот пигмей — Болгария против англо-американских сил». С военной точки зрения — ничто, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезывать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в недра диких африканцев. Это им не центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия, — тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию. Что это не фраза, — это доказывает Германия. В Германии во всяком случае, в смысле дисциплины, солдаты были образцом. Когда германцы шли на Украину, то здесь, кроме дисциплины, действовали другие факты.

Изголодавшийся немецкий солдат шел за хлебом и требовать от него, чтобы он не слишком грабил хлеб, а по человеческим условиям, неправдоподобно. Тем более мы знаем, что в этой стране они больше всего заразились духом русской революции. Это отлично поняла буржуазия Германии и это заставило Вильгельма метаться из стороны в сторону. Ошибаются Гогенцоллерны, если воображают, что Германия прольет хоть каплю крови за их интересы. Вот каков был результат политики вооруженного до зубов немецкого империализма. И это повторяется теперь и с Англией. Уже начинается разложение среди англо-американской армии; оно началось с тех пор, когда она стала свирепствовать по отношению к Болгарии. А ведь это только начало. За Болгарией пошла Австрия. Позвольте вам прочесть несколько пунктов из тех условий, которые диктуют победители англо-американского империализма. Это люди, которые больше всего накричали трудящимся массам, что они ведут освободительную войну, что их главная цель — раздавить прусский милитаризм, который грозит распространить казарменный строй на все страны. Они накричали, что они ведут освободительную войну. Это был обман. Вы знаете, когда буржуазные адвокаты, эти парламентеры, которые всю жизнь учились, как надувать, не краснея, когда им приходилось надувать друг друга, это легко, но когда приходится таким образом надувать рабочих, этот обман не проходит даром. Политиканы, парламентеры, эти деятели Англии и Америки, они в этом искусны. Их обман не тронет нисколько: рабочие массы, которые они разжигали во имя свободы, опомнятся сразу, и это еще скажется, когда они в массовом масштабе, не из прокламаций, которые содействуют, но не двигают настоящим образом революцию, а из собственного опыта увидят, кто их обманывает, когда они увидят условия мира с Австрией.

Вот мир, который навязывают теперь государству сравнительно слабому, уже сейчас распадающемуся, те, которые кричали, что большевики изменники, потому что подписывают Брестский мир. Когда немцы хотели послать сюда в Москву своих солдат, мы сказали, что лучше ляжем все в боях, но никогда на это не согласимся. Мы говорили себе, что тяжелы будут жертвы, которые должны будут принести оккупированные области, но все знают, как Советская Россия помогала и снабжала их необходимым. А теперь демократические войска Англии и Франции

должны будут служить «для поддержания порядка» — и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы Рабочих Депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы Раб. Депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции.

Товарищи, когда русские крепостные войска в 1848 году шли душить венгерскую революцию, это могло им сойти, потому что эти войска были крепостными; это могло сойти по отношению к Польше, но чтобы народ, который свободой владел уже в течение столетия, в котором разжигали ненависть против германского империализма, говоря, что это зверь, которого необходимо удушить — не понял, что англо-американский империализм такой же зверь, по отношению к которому справедливость может быть только в том, чтобы удушить его равным образом, — этого быть не может!

И вот история теперь со злобной иронией, которая истории свойственна, дошла до того, что после разоблачения германского империализма пришла очередь англо-французскому, который разоблачает себя до конца, и мы заявляем перед русскими, германскими, австрийскими рабочими массами — это не русские крепостные войска 1848 года. Им это даром не пройдет; они идут подавлять народ, — переходящий к свободе от капитализма, — душить революцию и мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма. Товарищи, я коснусь теперь той стороны дела, которая более всего касается нас. Я перейду к тем условиям мира, которые предстоит теперь подписать Германии. Товарищи, из комиссариата иностранных дел говорили мне, что в «Таймсе», — главном органе неслыханно богатой буржуазии Англии, которая фактически вершит всю политику, — уже были помещены условия, на которые Германия должна будет согласиться. От нее требуется отдать остров Гельголанд, Вильгельмгафенский канал, отдать г. Эссен, в котором производится почти все военное оборудование, уничтожить торговый флот, отдать сразу Эльзас-Лотарингию и выплатить 60 миллиардов контрибуции, в том числе значительную часть золотом, так как деньги всюду подешевели и английские купцы тоже начали считать на другую валюту. Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильни-

ческий, чем мир Брестский. С точки зрения материальной и своих сил, они это сделать смогут, если бы на свете не было столь неприятного для них большевизма. Они себе готовят гибель этим миром. Ведь это происходит не в центральной Африке, но в XX веке в цивилизованных странах. Если украинское население безграмотно, если дисциплинированный немецкий солдат давил украинцев, то теперь германский солдат похоронил свою дисциплину. Тем больше похоронит себя английский и американский империализм, когда он поведет такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда он обращает свои войска в положение душителей и жандармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурмана и то, как они миллионы выкинули чехо-словакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душить нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают Советскую Республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для этого они заставили Голландию прервать дипломатические сношения. Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам. Товарищи, мы должны себе сказать, что главный итог международного положения можно охарактеризовать так, как мне на-днях удалось это сделать, что никогда мы не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы им доказали, что ставя ставку на международную пролетарскую революцию, никакие жертвы не могут быть слишком малы. Мы величайшие жертвы, — национальные и экономические, — приносили не даром. В этом отношении мы достигли успеха. Но если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку — Российскую Со-

ветскую Республику. Для этого они собираются построить китайскую стену, чтобы оградиться, как карантином, от чумы — от большевизма. Эти люди стараются карантином избавиться от большевизма, но этого быть не может. Если господам англо-французского империализма, этим обладателям совершеннейшей в мире техники, если ум удастся построить точно китайскую стену вокруг республики, то бацилла большевизма пойдет через стены и заразит рабочих всех стран. Пресса западно-европейского, англо-французского империализма старается изо всех сил замалчивать свое положение.

Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов, — а она ворочает миллиардами, — что она действует вся как один, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространить ложь и клевету против нас. И несмотря на то, что военная цензура свирепствует уже год, им удалось добиться, чтобы в прессе демократических стран не пропускать ни слова правды про Советскую Республику, тем не менее нет ни одного большого рабочего собрания ни в одной стране, где бы не обнаружилось, что рабочие массы на стороне большевиков, потому что нельзя скрывать правду. Если враг обвиняет нас в том, что мы осуществляем диктатуру пролетариата, да — мы этого не скрываем. И тем, что советское правительство не боится и говорит открыто, оно привлекает на свою сторону новые миллионы трудящихся, потому что осуществляет диктатуру против эксплоататоров, и трудящиеся массы видят и почерпают убеждение в том, что борьба с эксплоататорами была серьезна и что она будет доведена до серьезного конца. Несмотря на этот заговор молчания, которыми нас окружает европейская печать, они до сих пор указывали на свою обязанность, указывали, что они идут на Россию потому, что Россия дала себя захватить Германии, что Россия фактически германский агент, несмотря на то, что там, в России, люди, стоящие во главе правительства, — по их мнению, — немецкие агенты и там каждый месяц появляются новые фальсификаторы документов, которые получают хорошую мзду, доказывая, что Ленин и Троцкий сплошь предатели и немецкие люди. Несмотря на все это, они не могут скрыть правды и там прорываются нет-нет, и прорываются откровенные признаки того, что эти господа

империалисты не могут чувствовать себя прочно. Потому что у них официальная перспектива такова, что они с Россией войны не ведут, в военные дела не вмешиваются, а только борются против германского засилия. Наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал» привели эту цитату, и хотя нас отрезали от Парижа и Франции, хотя тут китайская стена возведена чрезвычайно искусно, а мы говорим своей буржуазии: «господа французские империалисты, вы защищаться не можете». И, разумеется, сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь. Их собственная буржуазия проговаривается; они признают: мы хотим сломить власть большевиков. После четырехлетней кровавой войны они должны сказать своему народу: «идите еще воевать против России, чтобы сломить власть большевиков», которых мы ненавидим за то, что они нам должны 17 миллиардов и не хотят их уплачивать, за то, что они невежливо обращаются с капиталистами, помещиками и царями. Цивилизованные народы, которые довели себя до такого положения, что им приходится говорить это, обнаруживают прежде всего то, что их политика идет крахом, и как они сильны ни были бы в военном отношении, мы с полным спокойствием смотрим на эту силу и говорим: «а у нас в вашем тылу есть еще более грозный враг — это те народные массы, которые вы до сих пор обманывали и у вас язык иссяк от лжи и клеветы на советскую Россию». Другое подобное сведение из английской буржуазной газеты от 23 октября. Это пишет буржуазная английская газета: «если союзные армии тоже остаются в России и будут продолжать военные операции, — единственной целью является вызвать внутренний переворот в России».

Союзные правительства должны поэтому либо положить конец своим военным операциям, либо заявить, что они находятся в войне с большевиками. Повторяю, важность этой маленькой цитаты, которая звучит для нас как революционный призыв, как самое сильное революционное воззвание, важность в том, что пишет буржуазная газета, которая сама является врагом социалистов, но она чувствует, что дальше скрыть правды нельзя. Если буржуазные газеты говорят так, вы можете себе представить, что говорят и как думают английские рабочие массы. Вы знаете,

как у нас во время существования царизма, до революции 1905 или 1917 г.г., каким языком говорили либералы. Вы знаете, что этот язык либералов означал приближение взрыва в пролетарских революционных массах. Поэтому из языка этих буржуазных английских либералов вы сделаете заключение о том, что делается в настроении, умах и сердцах английских, французских и американских рабочих. Вот почему вы должны без всяких прикрытий сказать себе ту тяжелую правду, которая характеризует наше международное положение. Международная революция близка, но таких расписаний, по которым революция развилась бы, не существует, мы, пережившие две революции, хорошо знаем это, но что быстрее подойдет к концу, мы не знаем. Но мы знаем, что если империалистам международной революции не задержать, то поражения отдельных стран и еще более тяжелые жертвы возможны. Они знают, что Россия в муках пролетарской революции, но они ошибаются, если думают, что, задавив один очаг революции, они задавят революцию в других странах. Что касается нас, мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было, что нужно еще и еще раз напрячь свои силы. После того, как мы создали за год прочный фундамент, создали социалистическую Красную армию на основе новой дисциплины, после этого мы с уверенностью говорим себе, что мы можем и должны продолжать эту работу и должны говорить на всех собраниях, в любом советском учреждении, в профессиональных союзах, на собраниях комитетов бедноты: «товарищи, мы прожили год и достигли успеха, но это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Этот враг всемирный, победивший весь мир, англо-французский империализм. Мы идем в борьбу с ним не потому, чтобы мы думали в политическом и техническом отношениях сравняться с передовыми странами Европы. Нет, но мы знаем, что этот враг идет в той же плоскости, к какой пришел англо-французский империализм, который теперь окутал Турцию, захватил Болгарию и занят тем, чтобы оккупировать всю Австро-Венгрию и водворить царский, жандармский порядок. Мы знаем, что он идет к гибели. Мы знаем, что это исторический факт, и вот почему мы, нисколько не задаваясь целями, явно несообразными, говорим себе: англо-французскому империализму мы отпор дать можем. Каждый шаг укрепления нашей Красной армии будет иметь эхом 10 шагов разложения и революции в этом

кажущемся столь сильном противнике. Поэтому нет ни малейшего основания предаваться отчаянию или пессимизму. Мы знаем, что опасность велика. Может быть нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы. Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции, они еще больше ее разожгут и они все в ней погибнут.

Из речи „О хозяйственных задачах".

(На II-ом всероссийском съезде советов народн. хозяйства 19 декабря 1918 года).

Товарищи! Позвольте мне сказать прежде всего несколько слов о международном положении Советской Республики. Конечно, все вы знаете, что главным вопросом международного положения является победа англо-французско-американского империализма и его попытка завладеть окончательно всей землей, а, главным, образом, — погубить Советскую Россию.

Вы знаете, что в начале Октябрьского переворота не только большинство представителей западно-европейской буржуазии, но и некоторая часть буржуазии российской смотрели на дело таким образом, что у нас совершается некоторый социалистический эксперимент, который не может иметь существенного и серьезного значения с мировой точки зрения. Особенно наглые и близорукие представители буржуазии неоднократно высказывались в том духе, что коммунистические эксперименты в России ничего, кроме удовольствия германскому империализму, доставить не могут. И были, к сожалению, люди, которые позволяли ослеплять себя этими выходками и оценивали, между прочим, под таким углом зрения невероятно тяжелые и невероятно насильнические условия Брестского мира. В сущности говоря, эти люди сознательно и бессознательно возбуждали классовый мелко-буржуазный патриотизм и оценивали ухудшающееся положение не с точки зрения мирового значения, не с точки зрения развития событий в мировом масштабе, а с той точки зрения, будто германский империализм является главным врагом и что, будто, этот насильнический, необыкновенно грабительский мир является торжеством германских империалистов.

Действительно, если рассматривать события того времени в смысле положения России, то более губительных условий нельзя и представить. Но вздорность выводов немецких империалистов

обнаружилась через несколько месяцев, когда немцы, завоевывая Украину, хвалились перед немецкой буржуазией, а еще более перед немецким пролетариатом, что наступил момент жатвы плодов империалистической политики, что на Украине они достанут все необходимое для Германии. Это была самая недальновидная и близорукая оценка событий.

Но вскоре обнаружилось, что те, которые рассматривали события с точки зрения влияния их на развитие мировой революции, оказались единственно правыми. Именно, пример Украины, претерпевшей неслыханные страдания, показал, что единственно правильной оценкой событий была та, которая основывалась на изучении, на внимательном наблюдении международной пролетарской революции: империализм оказался задушенным трудящимися массами, поставленными в невыносимо тяжкие условия. И теперь мы видим, что эпизод с Украиной был одним из звеньев в процессе нарастания всемирной революции.

Германские империалисты гораздо меньше смогли получить от Украины материальных благ, чем рассчитывали. Между тем это превращение войны в грабительскую подорвало всю германскую армию, а соприкосновение с Советской Россией внесло в эту армию трудящихся масс Германии то разрушение, которое сказалось через несколько месяцев. И теперь, когда англо-американский империализм еще более обнаглел и рассматривает себя, как владыку, которому никто не может оказать сопротивление, мы не закрываем глаз на то чрезвычайно трудное положение, перед которым мы находимся. Державы Согласия сейчас перешли грань возможной для буржуазии политики и зарвались так же, как зарвались германские империалисты в феврале и марте 1918 г., заключая Брестский мир. Та же причина, которая привела к гибели германский империализм, явно вырисовывается перед нами и в отношении англо-французского империализма. Последний навязал Германии условия мира гораздо более худшие, более тяжелые, чем те, которые были навязаны Германией нам при заключении мира Брестского. Этим англо-французский империализм перешел ту грань, которая и окажется потом роковой для него. За этой гранью империализм теряет надежду удержать в повиновении трудящиеся массы.

Несмотря на шум, поднятый шовинистами по поводу победы и разрушения Германии, несмотря на то, что война официально

еще не закончена, мы уже теперь имеем во Франции и Англии признаки чрезвычайно высокого роста рабочего движения и перемену позиции тех политиков, которые стояли на шовинистской точке зрения, а теперь выступают против своего правительства из-за попытки вмешательства в русские дела. Если же сопоставить с этим известия, появившиеся за последнее время в газетах, о начале братания англо-американских солдат, если помнить, что империалистические войска состоят из граждан, к которым применяют обман и угрозы, то мы можем признать, что почва Советской России достаточно крепка. Учитывая эту общую картину мировой войны и революции, мы совершенно спокойны, с абсолютной уверенностью смотрим на будущее и говорим, что англо-французский империализм настолько зарвался, что перешел все грани мира, которые были в пределах осуществимости для империалистов, что ему грозит полнейший крах.

Удушение революции, захват и раздел всех стран, — вот задачи, которые поставлены державами Согласия, продолжающими империалистическую войну. Но, несмотря на то, что Англия и Америка гораздо больше стояли в стороне от ужасов войны, чем Германия, что демократическая сорганизованная буржуазия у них гораздо более дальновидна, чем германская буржуазия, английские и американские империалисты потеряли голову и сейчас в силу объективных условий вынуждены взяться за такую задачу, которая им не под силу, вынуждены держать войска для «успокоения» и усмирения.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРИМЕЧАНИЯ.

1 а. «Тезисы по поводу настоящей войны». — «Тезисы о войне» составлены Лениным в первые дни после начала войны 1914 года. Обсуждались тезисы на конференции итальянской и швейцарской социал-демократии, происходившей в Лугано 28-го сентября того же года. Конференция вынесла резолюцию, сильно смягчающую тезисы Ленина и не имеющую ясно выраженного революционного отпечатка. В октябре и декабре 1914 г. «Тезисы о войне» распространялись нелегальным путем среди социал-демократических организаций в России. В ноябре 1914 г. тезисы обсуждались участниками социал-демократической конференции, арестованной в Озерках. В собрание сочинений Ленина тезисы не вошли. Нами они взяты из сборника Истпарта «Памятники агитационной литературы Р. С.-Д. Р. П. т. VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г.» (ГИЗ. Москва, 1923 г.), № 3, стр. 4—6.

Между прочим, в конце этих тезисов мы находим лозунг Соединенных Штатов Европы. Лозунг этот впоследствии был партией снят по следующим соображениям. Война поставила в упор вопрос о социалистической революции. Успех этой революции несомненно превратил бы Европу в Союз Социалистических Республик. Только в таком виде можно было бы — в случае победы революции — представлять организацию Соединенных Штатов Европы. Но в этом случае не было надобности выставлять особого лозунга Соединенных Штатов. Мыслить же себе Соединенные Штаты Европы как демократическое государство, преодолевающее все империалистические противоречия в рамках капитализма, значило — становиться на путь демократического пацифизма. По этим соображениям, изложенным тов. Лениным в ряде статей, партией был снят совершенно лозунг Соединенных Штатов Европы.

1. «Война и российская социал-демократия». — Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) против войны, написанной Лениным, помещен в № 33 «Социал-Демократа» — Ц. О. партии за 1 ноября 1914 года. Война застала Ленина в Кракове, откуда он мог выбраться лишь после очень больших мытарств, дошедших до того, что австрийская полиция несколько дней держала его в тюрьме по подозрению в шпионстве в пользу царской России. С огромным трудом и далеко не сразу Ленину, вместе с ближайшими единомышленниками и друзьями, удалось возобновить выпуск «Социал-Демократа» в Швейцарии. Но благодаря полному отсутствию средств в течение всей войны «Социал-Демократ» выходил крайне нерегулярно (с ноября 1914 года по март 1916-го вышло всего 19 номеров). Еще труднее, чем выпускать, — было доставлять газету в Россию. В манифесте, к которому относится настоящее примечание, имеются ссылки на резолюцию Штуттгартского конгресса 1907 года и манифест Базельского конгресса 1912 года. Мы считаем необходимым привести оба документа. Поправка Ленина к штуттгартской резолюции, о которой говорится в нашем предисловии, набрана курсивом.

Резолюция Штуттгартского Конгресса о войне.

V. Милитаризм и международные конфликты.

Конгресс подтверждает резолюции предшествовавших международных конгрессов против милитаризма и империализма и еще раз указывает на то, что борьба с милитаризмом неотделима от социалистической классовой борьбы в ее целом.

Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем беспрерывными военными вооружениями вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом, войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же когда громадность человеческих и денежных жертв, требуемых военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который, главным образом, поставляет солдат и на который, главным образом, падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов.

Конгресс считает поэтому обязанностью трудящегося класса, в особенности же его представителей в парламенте, указывая на классовый характер буржуазного общества и побудительные причины, заставляющие поддерживать национальную рознь, бороться всеми силами против морских и сухопутных вооружений, отказывать в ассигновках на вооружение, а также содействовать тому, чтобы молодежь из среды рабочего класса воспитывалась в духе братства народов и социализма и проникалась классовым самосознанием.

В замене постоянного войска демократически-организованной милицией конгресс видит существенную гарантию, которая сделает невозможными наступательные войны и облегчит исчезновение национальной розни.

Интернационал не в состоянии наперед установить строго-определенные формы борьбы рабочего класса различных стран против милитаризма, ибо формы борьбы естественно видоизменяются, смотря по месту и по времени. Но своей обязанностью Интернационал считает всячески поддерживать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

В действительности, со времени Международного Конгресса в Брюсселе пролетариат неустанно боролся против милитаризма путем отказа в ассигновках на сухопутные и морские вооружения, путем усилий демократизировать организацию военного дела; он прибегал с все возрастающей энергией и успехом ко всевозможного рода средствам, чтобы предотвратить объявление войны или положить ей конец, а также, чтобы использовать в интересах освободительной борьбы рабочего класса вызванное войной потрясение всех слоев общества; таковыми именно были: после инцидента в Фашоде соглашение английских и французских профессиональных союзов с целью обеспечения мира и восстановления дружественных отношений между Англией и Францией; поведение социалистических партий в немецком и французском парламенте во время марокканского кризиса; демонстрации, которые были с тою же целью организованы французскими и немецкими социалистами; совместное выступление австрийских и итальянских социалистов, которые собрались в Триесте, чтобы предотвратить конфликт между обоими государствами; энергичное вмешательство социалистических рабочих Швеции для того, чтобы помешать нападению на Норвегию; на-

конец героические жертвы и массовая борьба социалистических рабочих и крестьян в России и Польше, — борьба, которая велась против начатой царизмом войны, с целью положить ей конец и использовать кризис в интересах освобождения страны и трудящихся классов. Все эти усилия свидетельствуют о растущей силе пролетариата и о растущем стремлении его обеспечить мир путем энергичного вмешательства.

Выступление рабочего класса будет тем успешнее, чем больше будут подготовлены к нему умы постоянной агитацией и чем больше будет Интернационал оказывать в этом отношении влияния на рабочие партии различных стран и координировать их действия.

Конгресс убежден сверх того в том, что под давлением пролетариата место жалких попыток со стороны правительства займет серьезное применение третейского суда и станет осуществимым благо всеобщего разоружения народов, которое даст возможность громадные затраты энергии и денег, поглощаемые вооружениями и войнами, обратить на культурные цели.

Когда грозит война, рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте должны, при поддержке Интернационального Социалистического Бюро, сделать все возможное, чтобы помешать войне такими средствами, которые они сочтут наиболее действительными и которые, естественно, изменяются в зависимости от обострения классовой борьбы и общей политической ситуации.

В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства.

Манифест Базельского Международного Социалистического Конгресса.

На своих конгрессах в Штуттгарте и Копенгагене Интернационал установил следующие основные принципы борьбы пролетариата всех стран против войны:

Если война грозит разразиться, то в соответствующих странах рабочий класс и его парламентские представители обязаны сделать, при поддержке объединяющей деятельности Международного Социалистического Бюро, все, что только могут, чтобы, применяя те средства, которые они находят самыми действительными, воспрепятствовать наступлению войны, при чем самые эти средства, конечно, различны смотря по степени обострения классовой борьбы и общей политической ситуации.

В случае, если война все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего прекращения ее и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства капитала.

События последнего времени с особой силой возлагают на пролетариат обязанность придать своим общим планомерным действиям максимальную силу и энергию. С одной стороны, всеобщая мания вооружений усилила вздорожание предметов первой необходимости и, тем самым, обострила классовые противоречия и внесла в рабочий класс неукротимый дух возмущения. Этой системе беспокойства и бесцельного расточительства рабочие хотят положить конец. С другой стороны, все более и более возбуждающе действует постоянно всплывающая угроза войны. В любой момент великие европейские народы могут быть брошены друг против друга, при чем такое преступление против человечности и разума не может быть оправдано ни самомалейшим предлогом, какого бы то ни было народного интереса.

Балканский кризис, который уже принес с собой такие ужасные бедствия, явился бы в случае распространения величайшей опасностью для цивилизации и пролетариата. Он был бы, одновременно, величайшим в мировой истории позорным деянием, ибо чудовищно противоречие между величиной катастрофы и незначительностью интересов, о которых идет дело.

Поэтому-то Конгресс с радостью констатирует полнейшее единодушие социалистических партий и профессиональных союзов всех стран в войне против войны.

Тем, что пролетарии всех стран одновременно восстали для борьбы против империализма, каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление пролетариата и мобилизировала общественное мнение своей нации против всяческих воинственных поползновений, тем самым создалось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже до этого времени много содействовало сохранению международного мира, которому грозят все бо́льшие опасности. Страх господствующих классов перед пролетарской революцией, как следствием мировой войны, оказался существенной гарантией мира.

Поэтому Конгресс предлагает социал-демократическим партиям продолжать эту деятельность, прибегая ко всем средствам, которые они находят целесообразными. В этой общей деятельности он намечает для каждой социалистической партии ее особую задачу.

Перед с.-д. партиями Балканского полуострова стоит трудная задача. Систематическим торможением всяких реформ великие державы Европы немало содействовали водворению в Турции невыносимых экономических, национальных и политических порядков, которые с неизбежностью должны были привести к возмущению и войне. Против эксплоатации этого состояния в интересах династий и буржуазии балканские социал-демократические партии выдвинули с героическим мужеством требование демократической федерации. Конгресс предлагает им оставаться на прежней, достойной удивления, позиции; он ожидает, что после войны балканская социал-демократия приложит все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать династии, военщине и жаждущей экспансии буржуазии балканских государств использовать в своих интересах результаты балканской войны, купленные столь дорогой ценой. Но Конгресс особенно призывает балканских социалистов противодействовать не только возобновлению прежней вражды между сербами, болгарами, румынами и греками, но и всякому угнетению тех балканских народов, которые ныне находятся в противоположном военном лагере, именно Турции и Албании.

Поэтому долгом балканских социалистов является борьба против всякого лишения прав этих народов; они обязаны противопоставить также разнузданному национальному шовинизму братство всех балканских народов, включая албанцев, турок и румын.

Социал-демократические партии Австрии, Венгрии, Кроации и Славонии, Боснии и Герцеговины обязаны всеми силами продолжать свою плодотворную деятельность против покушения Дунайской монархии на Сербию. Ныне, как и прежде, так и впредь, их задача — противодействовать плану отнять у Сербии силою оружия плоды войны, превратить ее в колонию Австрии и подвергнуть, ради династических интересов, народы самой Австро-Венгрии, а вместе с ним все европейские нации величайшим опасностям. Равным образом, социал-демократические партии Австро-Венгрии должны и в будущем бороться за то, чтобы у той части южно-славянского народа, которая находится под державной властью Габсбургов, было уже в пределах австро-венгерской монархии завоевано право демократического самоуправления.

Особое внимание должны обратить социал-демократические партии Австро-Венгрии, как и социалисты Италии, на албанский вопрос. Конгресс признает право народа на автономию. Он не допускает, однако, чтобы под прикрытием автономии Албания стала жертвой австро-венгерских и итальянских стремлений к господству. В этом Конгресс видит не только опасность для самой Албании, но и в непродолжительном времени угрозу миру между Австро-Венгрией и Италией. Действительно независимое существование Албании может получить лишь как автономный член демократической балканской федерации. В виду этого, Конгресс предлагает социал-демократам Австро-Венгрии и Италии бороться со всякими попытками их правительств втянуть Албанию в их сферу влияния. Он предлагает им продолжать свою деятельность по укреплению мирных отношений между Австро-Венгрией и Италией.

С великой радостью приветствует Конгресс стачки протеста русских рабочих; он приветствует их как доказательство того, что пролетариат России и Польши начинает оправляться от ударов, нанесенных ему царской контр-революцией. В этом Конгресс видит наибольшую гарантию против преступных интриг царизма, который, потопив в крови народы своей собственной страны, бесчисленное количество раз предательски выдав балканские народы их врагам, колеблется теперь между страхом перед последствиями, которые может навлечь на него война, и страхом перед вызванным им самим националистическим движением.

Если царизму удастся, однако, снова предстать в виде освободителя балканских наций, то это произойдет лишь ради того, чтобы под этим предлогом снова добиться путем кровопролитной войны преобладания на Балканах. Конгресс надеется, что крупнейший городской и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши разорвет эту паутину лжи, будет противодействовать всякой военной авантюре, бороться со всяким покушением царизма на Армению, Константинополь и т. п. и сосредоточит все свои силы на возобновлении революционной освободительной борьбы. Ведь царизм — надежда всех реакционных сил Европы, самый ужасный враг всей демократии вообще и народов, над которыми он господствует в частности. Его низвержение весь Интернационал должен рассматривать как одну из своих самых главных задач.

Но важнейшая задача, в пределах деятельности Интернационала, выпадает на долю рабочего класса Германии, Франции и Англии. В настоящий момент задача рабочих этих стран состоит в том, чтобы потребовать от своих правительств отказа от всякой поддержки как Австро-Венгрии, так и России, воздержания от всякого вмешательства в балканские неурядицы и сохранения безусловного нейтралитета. Война между тремя великими передовыми культурными народами из-за австро-сербского спора из-за гаваней была бы преступным безумием. Рабочие Германии и Франции не могут признать существования какой-либо обязанности, установленной тайными договорами, вмешаться в балканский конфликт.

В случае, если, однако, военный крах Турции приведет к потрясению оттоманского господства в Малой Азии, то задачей социалистов Англии, Франции и Германии является всемерное противодействие завоевательной политике в Малой Азии, которая прямым путем должна привести к мировой войне. Величайшей опасностью для мира Конгресс считает искусственно питаемый антагонизм между Великобританией и Германской империей. Конгресс приветствует поэтому усилия рабочего класса обеих стран преодолеть этот антагонизм. Лучшим средством для достижения этой цели он считает заключение соглашения между Германией и Англией относительно ограничения морского вооружения и упразднения права морской добычи. Конгресс предлагает социалистам Англии и Германии продолжать их агитацию за такое соглашение.

Преодоление противоречия между Германией на одной стороне и Англией с Францией на другой — устранило бы величайшую опасность, угрожающую нарушить мир, поколебало бы могущество эксплоатирующего это противоречие царизма, сделало бы невозможным нападение Австро-Венгрии на Сербию и обеспечило бы миру мир. К этой цели поэтому должны быть направлены все усилия Интернационала.

Конгресс констатирует, что весь Социалистический Интернационал единодушен в этих основных принципах внешней политики. Он предлагает рабочим всех стран противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата. Он предостерегает господствующие классы всех государств относительно последствий дальнейшего ухудшения, создаваемого капиталистическим способом производства, бедственного положения масс посредством военных действий. Он самым решительным образом требует мира. Пусть правительства не забывают, что, при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса, они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя, пусть они припомнят, что за франзузско-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела

в движение революционные силы народов Российской империи, что рост военных и военно-морских вооружений придал классовым конфликтам в Англии и на континенте неслыханную остроту и привел к грандиозным забастовкам. Только полнейшей слепотой или безумием можно было бы объяснить, если бы правительства не поняли того, что одна только мысль о чудовищной мировой войне должна вызвать негодование и возмущение рабочего класса. Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии.

Если правящие власти, уничтожая всякую возможность нормального развития, тем самым толкнут пролетариат на отчаянные шаги, то они сами понесут всю ответственность за последствия вызванного ими кризиса.

Интернационал удвоит свои усилия, чтобы воспрепятствовать наступлению этого кризиса, со все большей силой будет звучать его протест, все энергичнее и шире поведет он свою пропаганду. Конгресс поручает поэтому Международному Социалистическому Бюро все внимательнее следить за событиями, что бы ни случилось, поддержать и укреплять связь между пролетарскими партиями.

В этот момент пролетариат сознает себя носителем всей будущности человечества. Чтобы воспрепятствовать уничтожению цвета всех народов, которому угрожают все ужасы массового убийства, голода и эпидемии, пролетариат пустит в ход всю свою энергию.

Конгресс обращается к вам, пролетарии социалисты всех стран, — в этот слушный час должен быть услышан наш голос! Об'являйте вашу волю всюду и во всяких формах, пусть мощно раздается ваш протест в парламентах, собирайтесь большими массами, чтобы оповестить мир о ваших намерениях, используйте все средства, предоставляемые вам организациями и силой пролетариата! Старайтесь, чтобы правительства имели постоянно перед глазами бдительную и страстную волю к миру всего пролетариата! Противопоставьте, таким образом, капиталистическому миру эксплоатации и массовых убийств — пролетарский мир мира и братства народов!

2. «Положение и задачи социалистического Интернационала» — Делаем некоторые пояснения к именам, называемым Лениным в этой статье.

Вальян — старый французский социалист, участник первого Интернационала и Парижской Коммуны, в течение последующих десятилетий стоял на левом, революционном крыле французского социализма. С началом войны занял патриотическую позицию; во время войны умер.

Гэд — до войны был марксистского крыла французских социалистов, во время войны примкнул к патриотам и вошел в министерство; умер в 1922 году.

Эрве — до 1914 года один из крайних антимилитаристов во Франции, также резко изменивший своим взглядам с первого же дня войны; ныне — публицист «Национального блока».

Кейр Гарди — сподвижник Макдональда, в свое время вместе с последним основавший независимую рабочую партию в Англии, одновременно был церковным проповедником; умер также в течение войны.

Биссолатти — итальянский оппортунист.

Паннекук — голландский марксист, принадлежавший к левому крылу; выступал против войны и впоследствии был близок к III Интернационалу; в конце концов, вместе со своим единомышленником Гортером ушел из III Интернационала, не будучи в состоянии победить в себе «детские болезни левизны».

Маслов, П. П. — один из видных меньшевиков, меньшевистский теоретик аграрного вопроса, автор аграрной программы муниципализации, принятой IV съездом партии в 1906 году против голосов большевиков; после начала войны один из самых ярых оборонцев среди меньшевиков; ныне работает в Госплане.

Смирнов, Е. — меньшевистский публицист — во время революции 1905—06 г.г. среди меньшевиков занимал крайнюю правую позицию, постоянно проповедывал необходимость соглашения с кадетами и другими буржуазными элементами. В 1914 году выступил с целым рядом оборонческих статей в буржуазной печати.

Алексинский — бывший большевик, в 1914 г. примкнувший к Плеханову и его социал-патриотической группе; в 1917 г. выступил против Ленина с клеветническими обвинениями в шпионстве; в 1918—19 г.г. пытался примазаться к Советской власти; потом бежал за границу, где агитировал в пользу Деникина; сейчас примыкает к монархистам.

3. **«Мертвый шовинизм и живой социализм».** Клюк — германский генерал, командовавший одной из армий, наступавших на Париж осенью 1914 года.

Самба — один из лидеров французских социалистов, вместе с Гэдом вошедший в министерство «обороны страны», недавно умер.

Гаазе — председатель социал-демократической фракции германского рейхстага, оглашавший знаменитую декларацию 4-го августа, с которой, однако, сам Гаазе не был вполне согласен; в начале 1917 года вместе с Каутским, Бернштейном, Штребелем и др. основал германскую независимую социалистическую партию, председателем которой состоял, входил вместе с Шейдеманом в первое германское «социалистическое» правительство, образовавшееся после ноябрьской революции, в этом правительстве вел соглашательскую линию; убит правым террористом.

Виктор Адлер — отец Фридриха Адлера, вождь австрийской соц.-демократии, все время ведший примиренческую линию в борьбе между ортодоксальным и ревизионистским направлениями II-го Интернационала; умер в конце 1918 г.

4. **«Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П.».** — Названная конференция состоялась в марте 1915 г. и сплотила на определенной (ленинской) политической платформе русских большевиков эмигрантов. Упоминаемый в статье журнал «Мысль» издавался группой с.-р—ов во главе с Виктором Черновым, именовал себя интернационалистским, но на самом деле занимал расплывчатую позицию, не осмеливаясь порвать с оборонческими элементами своей же собственной партии.

«Наша Заря» была органом российских ликвидаторов, открыто защищавших оборончество.

«Наше Слово» — так называлась газета, в которой сотрудничали Троцкий, Мартов (потом ушедший оттуда), Лозовский, Антонов-Овсеенко, Луначарский и др.; газета стояла на интернационалистской позиции, не решаясь, однако, вести против оппортунизма ту беспощадную войну, которую вел Ленин. Впоследствии газета постепенно левела и приближалась к большевикам. Возвратившись в Россию после революции 1917 г., «нашесловцы» составили главное ядро так называемых межрайонцев.

О. К. — Организационный Комитет — под этим названием был известен Ц. К. меньшевиков и примыкавших к ним групп, созданный на Венской конференции в августе 1912 года.

5. **«О поражении своего правительства в империалистической войне».** — В этой статье Ленин полемизирует с Троцким по вопросу о пораженчестве. В данном пункте проявлялось сильнее всего расхождение между «Социал-Демократом» и «Нашим Словом». Как видно из статьи, Ленин в «антипораженчестве» Троцкого и др. видел определенную дань социал-патриотизму.

Под псевдонимом «Буквоеда» писал Д. Б. Рязанов.

Семковский в то время состоял членом О. К. меньшевиков; впоследствии он был членом Ц. К. меньшевиков и вообще, до 1920 года активно работал в партии. Теперь Семковский порвал с меньшевиками и считает себя близким к коммунистам.

«Фракцией Чхеидзе» называлась группа меньшевистских депутатов IV Госуд. Думы («семерка»), куда, кроме Чхеидзе, входили: Чхенкели, Туляпов, Каустов, Скобелев, Маньков и Ягелло. В вопросах войны фракция Чхеидзе занимала шатающуюся позицию, хотя все-таки голосовала против военных кредитов. Ее оппозиция войне носила чисто парламентский характер. Иркутский же депутат Маньков скоро после начала войны выступил открытым ее сторонником и покинул ряды фракции.

6. «Крах II Интернационала». — Эта статья, напечатанная в журнале «Коммунист» (№ 1—2) за 1915 год приводится нами со значительными сокращениями, достигающими, приблизительно, одной четверти статьи.

Неоднократно упоминаемый в статье Гайндман — английский с.-д—т, еще до войны имевший сильный уклон к шовинизму и после войны окончательно укрепившийся на шовинистической точке зрения, умер к концу войны.

Кунов — один из крупных теоретиков германской с.-д—тии, доказывавший законность и жизненность империализма и империалистических войн с точки зрения интересов рабочего класса. К этой же позиции примыкал и Ленч, до войны находившийся на крайнем левом крыле германской социал-демократии, а теперь являющийся главным редактором стиннесовской газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung».

Аксельрод — один из основателей группы «Освобождение Труда» и лидеров меньшевизма с начала войны прямее других держал курс на примирение с социал-патриотизмом, хотя на словах, подобно Мартову, отмежевывался от него; сейчас в лице Аксельрода внутри меньшевистской партии Советская власть имеет самого непримиримого врага.

Большая часть статьи «Крах II Интернационала» посвящена полемике с Каутским, которого вполне заслуженно считали главным теоретиком II Интернационала и именно того направления внутри его, которое себя называло ортодоксально марксистским. Уже в конце 80-х годов вокруг своего журнала «Neue Zeit» Каутскому удалось собрать крупнейшие теоретические и литературные силы международного социализма. Еще бо́льшую известность он приобрел себе целым рядом работ, популяризировавших экономические взгляды Маркса. После смерти Энгельса (в 1895 году) Каутский взял на себя подготовку к печати оставшихся рукописей Маркса, посвященных вопросу о прибавочной стоимости. Каутский написал широко распространенный комментарий к Эрфуртской программе, принятой германской с.-д—кой партией в 1891 г. Нельзя не отметить работ Каутского, посвященных истории социализма и революционных движений в прошлом, в которых Каутский выступает в ценнейших исторических исследованиях с горячим оправданием революционеров древности, средневековья и Великой французской революции от обвинений в насилиях, зверстве, терроризме, которыми их осыпали буржуазные историки. По отношению к прошлым революционным движениям Каутский блестяще доказывает законность, необходимость и целесообразность насильственных методов и приемов борьбы против господствующих классов. Когда внутри германской соц.-демократии началось ревизионистское поветрие и вышла знаменитая (по выражению Плеханова — дрянная) книжка Бернштейна, Каутский выступил с серией статей против Бернштейна, выпущенных потом отдельной книгой («Бернштейн и с.-д—кая программа»). В общем, несмотря на то, что эта книжка проникнута желанием отстоять революционные основы Марксова учения от ревизии, Каутский делает тут несколько принципиальных уступок оппортунизму, в особенности по вопросу о государстве. В 1900 году на Парижском международном конгрессе, впервые ставшим перед вопросом об участии социалистов в буржуазном правительстве (опыт Мильерана, недавно вышедшего в отставку президента французской республики), Каутский занял шатающуюся позицию. Принятая по его предложению резолюция создавала лазейку для новых оппортунистических экспериментов. На следующем — Амстердамском конгрессе (в августе 1904 г.) — Каутский держался более решительно. Сильный толчок влево дала ему русская революция 1905—06 г.г., в которой Каутский усматривал начало международной социалистической революции. Отсюда — его определенное сочувствие тактическим взглядам большевиков, особенно проявившееся в брошюре «Движущие силы и перспективы русской революции», вышедшей осенью 1906 года. В период 1905—09 г.г. Каутский в печати и на съездах германской с.-д—тии проповедует русские методы борьбы. Следует особенно отметить его выступление на Мангеймском партейтаге осенью 1906 г. по вопросу о всеобщей стачке. В 1909 г. Каутский выпускает брошюру «Путь к власти», в которой, на основании анализа экономических и политических отношений капиталистической Европы, приходит к выводу, что пролета-

риат стоит вплотную перед задачей захвата власти. Затем начинается постепенное оппортунистическое перерождение взглядов Каутского. Он рвет с крайним левым крылом партии (Роза Люксембург, Меринг, К. Цеткин, Радек) и объединяет вокруг себя центристские элементы, на практике во всем солидаризирующиеся с ревизионистами. С наступлением же войны Каутский выступает с оригинальной теорией: Интернационал — инструмент мира, который не может действовать во время войны. Он оправдывает всех социал-патриотов, изменивших социализму и предлагает им друг-друга амнистировать после войны, а пока — продолжать воевать. За это приспособление Каутского ко всем оппортунистам всех стран Меринг назвал его проституткой (Mädchen für alle). О дальнейшей политической карьере Каутского рассказывать не приходится, поскольку она проходила у всех на глазах.

7. «Революционные марксисты на Международной Социалистической Конференции 5—8 сентября 1915 года». — В данной статье речь идет о знаменитой Циммервальдской конференции, созванной по инициативе швейцарской социалистической партии и ее председателя Роберта Гримма с одной стороны, и итальянской социалистической партии — с другой, — на весьма широкой платформе, объединившей последовательных интернационалистов с центристами. Этой общей платформой была «борьба за мир» в противовес войне до победного конца, к которой призывали откровенные социал-патриоты. Центристы, разумеется, понимали борьбу с войной, как борьбу парламентскую; крайним пределом революционности, до которого они готовы были итти, являлось голосование против военных кредитов. Сюда примыкали инициаторы конференции итальянцы и швейцарцы (от итальянцев на конференции присутствовали Моргари и Сератти), немцы — Ледебур и Адольф Гофман, французские синдикалисты — Меррейм и Бурдерон, делегаты России — Мартов, Аксельрод и Чернов. Но на конференции имелась также сплоченная левая группа, возглавляемая Лениным. Группа эта стояла на той точке зрения, что пушку в 42 сантиметра надо заставить не замолчать, а служить нашим целям. К ленинской группе, помимо представителей ЦК большевиков, примыкали некоторые делегаты Германии (Леви), Польши (Радек), Болгарии (Коларов) и немногие другие. Проект манифеста, составленный группой Ленина в выдержанно-революционном духе, был отвергнут пленумом конференции и вместо него принят чисто пацифистский проект, в котором о превращении империалистической войны в гражданскую не было сказано ничего. Главный плюс Циммервальдской конференции Ленин видел в сплочении левого марксистского крыла. Он не ошибся. Из «циммервальдской левой» вырос впоследствии Третий Коммунистический Интернационал.

8. О «программе мира». — Статья написана накануне Кинтальской международной социалистической конференции или, так называемой, Второй Циммервальдской. Кинтальская конференция была не более многочисленной по составу своих участников, чем Циммервальдская, но левое крыло на ней было представлено сильнее и это наложило свой отпечаток на постановления конференции и ее манифест. Ленин являлся лидером и организатором левого крыла и на Кинтальской конференции. На конференции присутствовало семь делегатов от Германии, трое — от Франции (депутаты Бризон, Рафэн-Дижан и Блан), семь — от Италии (среди них Сератти, который на этот раз держался ближе к левой), пять—от Швейцарии (из них Платтен, Робман, Нобе примыкали к левой), пять— от Польши (Радек, Бронский и Домбровский принадлежали к левой, Варский — к центру). Российских большевиков на конференции представляли Ленин и Зиновьев, меньшевиков — Мартов и Аксельрод. Упоминаемый в статье Ленина Гюисманс — один из лидеров бельгийской рабочей партии, до войны занимал должность председателя международного социалистического бюро. Как и всех прочих лидеров бельгийского социализма, война сделала его патриотом.

9. «О сепаратном мире». — Как известно, слух о предстоящем сепаратном мире с Германией усиленно муссировался в русских политических кругах осенью 1916 года. Сторонниками такого мира считали императрицу Александру Феодоровну, ее «друга» Григория Распутина, пользовавшегося колоссальным влиянием при дворе и самого премьер-министра Штюрмера. Ныне не может

подлежать сомнению, что идея сепаратного мира встречала могущественную поддержку в военных и придворных кругах. Но против нее решительно выступало большинство Гос. Думы и те слои промышленной и земельной буржуазии, которые она собой представляла. Тогда состоялось известное бурное заседание Государственной Думы, на котором П. И. Милюков, В. Шульгин и Пуришкевич выступили с очень резкими обвинениями против Штюрмера и его покровителей и с требованием ответственного перед Думой правительства. Последнее требование было царским правительством решительно отвергнуто. Но Штюрмера пришлось убрать и заменить сторонником продолжения войны с Германией — Треповым. Однако, предотвратить предстоящую гибель царизма было уже никак невозможно . . .

10. «О лозунге разоружения». — Полемика о том, нужно ли с.-д.—ой партии выставлять требование о разоружении, началась в германской печати еще за несколько лет до войны. На этом вопросе впервые Каутский соскользнул с марксистской позиции и попал в одну кампанию с оппортунистами.

Левые германской партии (Меринг, Роза Люксембург, Радек) решительно и дружно выступали против требования разоружения, считая его утопическим в нашу империалистическую эпоху, когда, с развитием вооружений, помимо всего прочего, сильнейшим образом связаны интересы наиболее могущественных групп капиталистов и банкиров. Это было главное возражение, выдвигавшееся против лозунга ограничения вооружений. Поскольку им часто ограничивались, тут был момент чисто пропагандистского теоретического подхода к одному из важнейших вопросов современности. Совершенно иначе подошел к нему Ленин. Не ограничение вооружений, а их использование в борьбе против буржуазии—только таким может быть революционное разрешение вопроса, ставящее перед собой определенную актуальную задачу.

Когда в настоящее время Советская власть обращается к буржуазным правительствам с предложением о разоружении, она вовсе не становится на каутскианскую точку зрения. Советская власть отдает себе отличный отчет в том, что буржуазные правительства неспособны разоружиться по самой своей природе. Но как раз эту свою природу они и разоблачают целиком перед обманываемыми народными массами, когда они отказываются от наших предложений о разоружении.

11. «Луиблановщина». — Луи Блан (1811—1882 г.г.)—французский социалист-утопист. В главной работе «Организация труда» Б. изложил основные положения своей социальной системы, приобревшей особенную популярность во время февральской революции 1848 г., когда он, примкнувши к социализму, вошел от рабочих в состав временного правительства и пытался применить свои взгляды на практике. Капиталистическому строю, обрекающему массу населения на нищету, порождающему пороки, разврат и преступления, Луи Блан противополагал систему общественных мастерских или промышленных и земледельческих ассоциаций, управляемых сначала агентами государства, а затем самими рабочими. По его настоянию временное правительство учредило под председательством Л. Блана «правительственную комиссию для рабочих», которая должна была заняться изучением и разрешением рабочего вопроса. К участию в этой комиссии, заседавшей в Люксембургском дворце («Люксембургская комиссия») было привлечено около 200 рабочих депутатов. Председательствование в этой комиссии отвлекло Луи Блана от участия во временном правительстве, что, конечно, и отвечало интересам большинства членов правительства, враждебно настроенного против социалистов. Люксембургская комиссия приобрела большую популярность среди рабочих, хотя практическое ее значение для трудящихся было ничтожно. Чтобы привлечь на свою сторону хотя бы часть парижских рабочих, правительство учредило «национальные мастерские», но желанных результатов эта мера правительству не дала. Мастерские были вскоре закрыты, и рабочие, поняв, что их дело проиграно, взялись за оружие. После кровавых июньских дней Луи Блан бежал в Англию, откуда вернулся в Париж в 1870 г. Взгляды Луи Блана никогда не отличались особой революционностью. Он не только верил в возможность мирного осуществления социальной

реформы, но и развивал своеобразную идею солидарности интересов пролетариата и буржуазии, являясь, таким образом, «теоретиком соглашательства». После 1848 г. Луи Блан еще более передвинулся вправо. В дни Парижской Коммуны он дошел до того, что, вместе с некоторыми членами «левой» национального собрания, примкнул к версальцам, расстреливавшим парижских коммунаров. В 1876 г. Б. был избран в палату депутатов и примкнул к радикальной партии. Умер 6 декабря 1882 г.

«Луиблановщина» является синонимом мелко-буржуазного соглашательства.

Упоминаемая Лениным в статье газета «Речь»—орган конституционно-демократической партии (к.-д.), руководимый Милюковым, издававшийся в Петербурге при участии Гессена и Набокова; с первых дней февральской революции 1917 года занял позицию, враждебную Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. В предоктябрьские дни — орган корниловщины и контр-революции.

12. «Задачи пролетариата в нашей революции». — Брошюра под этим именем была выпущена Лениным вскоре после его обратного приезда в Россию в начале апреля 1917 года. С первого же дня своего приезда Ленин повел ожесточенную борьбу против войны. Борьба эта вызвала страшную травлю против него со стороны буржуазии, меньшевиков и эс-эров. Уже тогда усиленно распространялись слухи и сплетни о том, что большевики являются агентами Германии, которой яко бы на руку конец войны. Большевикам заявляли, что они желают кончить войну сепаратным миром с немцами, которые, заключив сепаратный мир на востоке, получат возможность расправиться с английской и французской «демократиями». Чтобы положить предел всем этим разговорам, Ленин в упор ставит вопрос о том, как кончить войну, и отвечает на него ясно и определенно.

13. «Нота Временного Правительства». — Опубликование ноты Временного Правительства, о которой пишет Ленин в своей статье, вызвало массовые демонстрации рабочих на улицах Петрограда, явившиеся первым массовым выступлением пролетариата против Временного Правительства. Именно с этого момента, с апрельских событий, лозунг власти Советов начинает становиться достоянием масс.

14. «Защита империализма, прикрытая добренькими фразами». — 2-го мая 1917 г. были напечатаны два воззвания Петербургского Совета к армии и социалистам всех стран, подготовившие почву для образования коалиционного правительства и пытавшиеся ликвидировать кризис, вызванный нотой Милюкова. Воззвание к армии говорило о защите революции от внешнего врага, и призывало немецких рабочих свергнуть Вильгельма. Воззвание к заграничным социалистам уверяло, что Врем. Правительство усвоило платформу Петербургского Совета, говорившую о мире без аннексий и контрибуций.

15. «Фактическое перемирие». — Февральская революция сорвала подготовлявшееся при Николае II в апреле 1917 г. наступление на русском фронте. Временное Правительство, не отказавшееся от империалистических целей войны и лозунга «война до полной победы», продолжало подготовку к этому наступлению, что, однако, не удалось осуществить чисто-буржуазному министерству кн. Львова и его военному министру Гучкову, непользовавшемуся ни малейшим доверием солдат. Последовавшая вскоре отставка Гучкова не вернула правительству доверия армии, наступление оказалось возможным провести только коалиционному министерству, образовавшемуся 5 мая 1917 г. вследствие той поддержки, которую оказали ему эс-эро-меньшевистские Советы и фронтовые комитеты. Вдохновителем и агитатором наступления был Керенский, в то время военно-морской министр. Наступление началось 18 июня и окончилось полной неудачей и разгромом русских войск.

16. К речи тов. Ленина «О войне» на первом Съезде Советов. — Первый съезд Советов начал заседать 3-го июня 1917 года и продолжал свои заседания до конца месяца. На съезде присутствовало около 800—900 делегатов с различных концов России. При этом большевиков было немного более сотни. Подавляющее большинство делегатов съезда принадлежало к меньшевикам, оборонцам и правым эс-эрам. Съезд начал свою работу с того, что одобрил высылку из России председателя Циммервальдской конференции, умеренного со-

циалиста Роберта Гримма, по подозрению в шпионстве. Затем съезд одобрил политику Временного Правительства и высказался за продолжение войны, пока не удастся договориться с союзниками об общем мире. По отношению к большевикам господствующие фракции съезда вели самую необузданную травлю. Когда большевики пожелали вывести на улицу рабочих солдат Петербурга, чтобы показать съезду их твердую волю во что бы то ни стало добиться власти Советов, этот шаг большевиков был объявлен контр-революционным и провокационным. Министры-социалисты открыто грозили разоружением петербургскому пролетариату. Съезд не пропускал буквально ни одного случая, чтобы не устроить антибольшевистской демонстрации. Зато когда получилось известие о переходе русских войск в наступление, съезд отметил это радостное для империалистической буржуазии сообщение торжественным заседанием. На первом Съезде Советов Ленин выступал очень мало. Со всех сторон его окружала здесь атмосфера ненависти. Зато питерский пролетариат к этому времени почти поголовно шел за большевиками. Первый Съезд Советов разъехался по домам накануне событий 3—5 июля.

17. К «Тезисам о мире». — Тезисы о мире были составлены 8-го января. Обсуждались на совещании 6-ков делегатов 3-го Всероссийского Съезда Советов. В тезисах проводится мысль о необходимости скорейшего заключения мира, хотя бы аннексионистского. Первоначально большинство Ц. К. отклонило точку зрения Ленина. Оно стало на нее тогда, когда решительное наступление немцев, перед которым остатки армии отступали, не задерживаясь, не оставило больше другого выбора. За это промедление пришлось заплатить потерей значительной территории и огромного военного имущества, захваченного немцами. И, кроме того, новые условия мира, предложенные немцами, были значительно ухудшены по сравнению с первоначальными. Свои тезисы о необходимости подписания мира, составленные 8 января, Ленин опубликовал в «Правде» только 24 февраля.

18. «Серьезный урок и серьезная ответственность». — «К о м м у н и с т» — орган «левых коммунистов», противников Брестского мира, выходил первоначально с 5 по 19 марта ежедневно в Петербурге в качестве официального органа Петербургского Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П. (больш.) под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого: позднее был возобновлен в Москве с 20 апреля по июнь 1918 г. в качестве еженедельника под редакцией Бухарина, Оболенского (Осинского), Радека и В. М. Смирнова. В «Коммунисте» участвовали: Бокий, Бубнов, Боголепов, Бронский, С. Кассиор, Н. Антонов (Н. Лукин), Ломов (Оппоков), М. Покровский, Е. Преображенский, Пятаков, Сольц, Стуков, Спунде, Уншлихт, Штернберг, В. Яковлева, Барышников, Инесса Арманд, Коллонтай, В. Куйбышев, Максимовский, Сапронов, Сафаров, Усиевич, Фейнгштейн, Ярославский и др. В Петербурге вышло 11 номеров, в Москве — 4.

Т и л ь з и т с к и й м и р заключен в г. Тильзите в 1807 г. между Наполеоном, с одной стороны, и Александром I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом, с другой. Договор был чрезвычайно тяжел и унизителен для Пруссии. Последняя потеряла более половины своих владений. Провинции на берегу Эльбы, принадлежавшие Пруссии, были отданы брату Наполеона Иерониму, бывшие польские области отошли к королю Саксонскому. За Пруссией оставались Бранденбург, Померания и Силезия и то только «в знак уважения к русскому императору». Прусская армия была численно сокращена, и прусский король был обязан по требованию Наполеона выставлять особый вспомогательный корпус в его войнах с другими державами. Пруссия принуждена была пойти на Тильзитский договор, но она продолжала работать над улучшением своей малочисленной армии и проводить внутренние реформы в стране и в период войн против Наполеона, последовавших в 1813—1815 г.г., вышла победительницей, не только вернув свои потери, но и сделав новые приобретения.

19. К докладу на VII съезде РКП по вопросу о Брестском мире.—VII с ъ е з д РКП происходил в Петербурге 6—8 марта 1917 г. и был созван ЦК для решения вопроса о подписании мира с Германией. Норма представительства была сокращена по расчету один делегат от 5 тысяч членов партии. В прези-

диум оказались избранными: Ленин, Бухарин, Свердлов, Крестинский, Шелавин и Соловьев. В порядок дня входили: 1) отчет ЦК; 2) вопрос о Брестском мире; 3) изменение программы и наименования партии. Отчет об организационной стороне деятельности ЦК был прочитан Свердловым, политический отчет дал Ленин, который его посвятил, главным образом, вопросу о мире, вследствие чего съезд немедленно после доклада Ленина, перешел ко второму вопросу порядка дня. Содокладчиком выступил Бухарин, отстаивавший точку зрения революционной войны. Прениям были посвящены вечернее заседание 7 марта и утреннее 8 марта. Ораторы «фракций» выступали в шахматном порядке. Со стороны защитников «передышки» говорили: Зиновьев, Смилга, Свердлов, Сокольников, Шелавин, Артем и друг. Точку зрения «левых коммунистов» отстаивали: Урицкий, Бубнов, Радек, Оболенский (Осинский), Коллонтай и проч. Всего было заслушано свыше 20 ораторов. Троцкий, отстаивая точку зрения революционной войны, заявил, что он, однако, не считает ее возможной вследствие разногласий в партии и возможности партийного раскола, почему принужден присоединиться к сторонникам мира. После заключительных реплик Ленина и Бухарина 28 голосами против 12 съезд принял резолюцию, предложенную Лениным и одобрявшую ЦК, который дал директиву подписания мира.

По вопросу о пересмотре программы были заслушаны только доклады Ленина и Бухарина. Прения не были открыты. Бухарин считал необходимой коренную переработку программы, склоняясь к отмене разграничения программ минимум и максимум. Ленин находил, что такая переделка преждевременна. Съезд постановил переименовать партию, назвав ее: «Российская Коммунистическая партия (большевиков)» и избрав комиссию для изменения программы в составе Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева.

В начале съезда чувствовалось большое напряжение, в виду возможности раскола; к концу его вероятность раскола значительно ослабела, однако, избранный в состав Ц. К лидер «левых» коммунистов Бухарин сначала отказался принимать участие в его работах. Впоследствии, когда Октябрьская революция 1918 г. в Германии полностью оправдала точку зрения Ленина по вопросу о Брестском мире, Бухарин откровенно признал свою ошибку.

20. К докладу о Брестском мире на IV Всероссийском Съезде Советов. — IV-й Чрезвычайный Съезд Советов состоялся в Москве 14—16 марта 1918 г. (нового стиля) в помещении Дома Союзов.

Всего присутствовало 1.172 делегата с решающими голосами и 80 с совещательными. Большевиков было 814, левых с.-р. — 238, анархистов — 14, объединенных меньшевиков — 24, с.-д. интерн. — 16, максималистов — 24, с.-р. правых — 15 и пр. В порядке дня съезда стояли два вопроса: 1) о ратификации Брестского мира, и 2) перенесение столицы в Москву. По первому вопросу были сделаны доклады Чичериным, Лениным и содоклад Камковым от имени левых эс-эров, протестовавших против «позорного мира». «Левые коммунисты», противники Брестского мира, отстаивали свою точку зрения внутри большевистской фракции, среди которой собрали около одной десятой части всех голосов, но на съезде не выступали, ограничившись прочтением декларации (насчитывавшей 64 подписи), и от голосования воздержались. Поименное голосование по вопросу о мире дало за ратификацию договора 784, против — 261, воздержалось — 115.

По второму вопросу порядка дня, съезд постановил временно перенести столицу в Москву.

21. «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности».—В настоящем сборнике нами дается только первая часть этой статьи, посвященной вопросам войны и внешней политики. Остальную часть мы опускаем.

«Тезисы о текущем моменте» «левых коммунистов» были подвергнуты обсуждению на собрании «левых» и сторонников ЦК 4 апреля 1918 г. и напечатаны в «Коммунисте» № 1 от 20 апреля 1918 г. с весьма характерным предисловием, в котором говорилось: «Возможно, что разногласия будут изжиты в порядке товарищеской дискуссии. Возможно также, что они углу-

бятся еще больше. Во всяком случае, левое крыло не считает нужным и полезным их скрывать. С этой целью Московское Областное Бюро Р. К. П., стоящее на позиции левого крыла партии, открыло страницы своего органа, выходящего ныне в свет, для обсуждения этих разногласий».

Первые 6 тезисов из 15 посвящены Брестскому миру и критике политики «передышки». Решающее большинство организации рабочих, солдат и крестьян пошло на договор в Бресте. «Это большинство»,—утверждают авторы тезисов,— «составилось из представителей усталой и деклассированной массы, из представителей части рабочих северной, промышленной полосы России, где оторванность от нужных источников сырья, угля и хлеба, в связи с общей хозяйственной разрухой, создала голодание, усиленный распад промышленности, безработицу, перерывы в правильной производительной работе, а, следовательно, и тенденцию к деклассированию пролетариата (к ослаблению его классового единства и сознательности и во всяком случае к понижению его классовой боеспособности); наконец, из представителей отощавшего, благодаря войне, неурожаю, продовольственным затруднениям и расстройству городской промышленности крестьянства северной и центральной промышленной области. Рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга, Юго-Востока и Урала были в большинстве случаев за принятие боя, но они не дали перевеса. Ради сохранения промышленного севера, который в предшествующее время был центром революции, был заключен мир за счет фактического отделения промышленного Севера от хлебородного и промышленного Юга», — говорил 2-ой параграф «тезисов», имевший целью дать «классовый» анализ «психологии мира».

Параграф 3-й был посвящен отмежеванию от левых эс-эров, проповедывавших «принципиальное непринятие» мира, и оканчивался следующим положением: «закрепление в массах бездеятельной психологии мира есть объективный факт политического момента». Параграф 4-й и последующие учитывали последствия Брестского договора для международной революции, развитие которых, с точки зрения «левых коммунистов», задерживалось этим актом, но, тем не менее, неуклонно шло вперед. «Заключение мира ослабило пока что стремления империалистов к международной сделке». «Поэтому заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами». Хотя «заключение мира отрицательно влияет на духовное, идеологическое развязывание международной революции», но все же «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Параграф 9-й тезисов посвящен анализу «новых классовых группировок, создавшихся на территории России вследствие мира». Применительно в местных условиях «мир должен был спасти красную столицу, но он спас только территорию Петербурга и обескровил его, как революционную силу... Заключение захватного мира подрывает, хотя и в меньшей степени, другой передовой промышленный район — Московский», отрезанный миром от сырья... Отрицательно влияет заключение аннексионистского мира также на экономическое положение и политическую активность (боеспособность) усталого и голодного беднейшего крестьянства северных и центральных промышленных губерний... пролетаризация крестьянства будет частью возбуждать революционные стремления и ненависть к германским захватчикам... «Беднейшее и трудовое крестьянство земледельческих губерний, занятое дележом земли и неимеющее возможности в эпоху упадка буржуазного строя, а также упадка производительных сил во всех странах организовать крепкое собственническое хозяйство, будет продолжать поддерживать Советскую власть... Сравнительно здоровым, хозяйственным районом... являются Уральский горнозаводский район в связи с Приуральем, Западной Сибирью и их промышленными центрами. Среди рабочих и беднейших крестьян этих мест рабоче-крестьянская революция и Советская власть также найдут себе опору»... (последнее предсказание оправдалось еще

менее других, если принять во внимание роль Приуралья в первый период чехословатчины: Ижевский завод и пр.).

«Пролетариат Юга должен, несмотря на разруху и истощение, именно благодаря боевому классовому воспитанию в огне гражданской войны, сохранить значительную классовую боеспособность. Вместе с украинским беднейшим крестьянством, стоящим под угрозой возвращения помещиков и германско-гайдамацкого ограбления, он составит постоянную опору для восстания против империалистических захватчиков и их буржуазных украинских приказчиков». (Последний анализ оправдался также с большими поправками, если вспомнить роль Махно и различных атаманов, вплоть до Петлюры, явившихся опорой или буржуазного национализма или агентами антантовского империализма на Украине).

22. К докладу Совета Народных Комиссаров на V Всероссийском Съезде Советов. — V-й Съезд Советов происходил 4—10 июля 1918 г. в Москве. На съезде присутствовало 1.164 депутата, из них 66% большевиков; почти вся остальная масса депутатов принадлежала к левым эс-эрам. С самого начала съезда чувствовалась тревожная атмосфера и попытки противопоставить лево-эс-эровских крестьян большевикам. В первый день съезда Камков выдвинул заведомо ложное обвинение, заявив, что большевики искусственно увеличили свое представительство. Лево-эс-эровский делегат с Украины, оккупированной немцами, в демагогической речи призывал рабочих и крестьян России возобновить войну с Германией, но встретил отпор от украинца Скрыпника, заявившего, что украинские рабочие, терпя величайшую тяжесть оккупации и Скоропадчины, понимают, что только развитие революции в Германии приобщит их к Советской федерации. Речь Троцкого о необходимости дисциплинирования пограничных партизанских отрядов, произведших повальный обыск членов советской миссии, ехавших на Украину, и своими стычками с немцами на нейтральной полосе угрожавших срывом мирного договора, была встречена свистом левых эс-эров, составлявших третью часть всего съезда. Камков в своей речи призывал партизанские отряды не подчиняться революционной дисциплине и поддерживать столкновения с германцами. Когда же съезд принял резолюцию по этому вопросу, предложенную Троцким, эс-эры демонстративно покинули заседание.

На другой день, в своем двухчасовом докладе от имени крестьянской секции ВЦИК, Спиридонова упрекала большевиков в игнорировании интересов крестьянства, приведя ложные факты, документально опровергнутые Лениным, и совершенно ложно утверждала, что Совнарком тайно от народа отправляет золото, хлеб и мануфактуру в Германию. Провоцируемые левоэс-эровским Ц. К. рядовые лево-эс-эровские депутаты неоднократно прерывали шумом речь Ленина, мешая ему говорить, что вызывало необходимость вмешательства председателя Свердлова.

7 июля левые эс-эры Блюмкин и Андреев явились в особняк в Денежном переулке, занимаемый германским посольством, добились личного свидания с германским послом гр. Мирбахом, бросили в него бомбу, убили и скрылись в отряд ВЧК, находившийся под командой левого эс-эра Попова и расположенный в Трехсвятительском переулке, куда одновременно перекочевал весь лево-эс-эровский ЦК. Явившийся туда для ареста убийц председатель ВЧК Дзержинский, сам подвергся аресту. Одновременно отряд Попова разослал по ближайшим к нему улицам патрули, которые арестовали председателя Московского Совета Смидовича, наркома почт и телеграфа Подбельского, члена коллегии ВЧК Лациса и др., захватили почту и телеграф. Левоэс-эровский ЦК разослал по России и на чехо-словацкий фронт сообщение о восстании в Москве, призывая к войне с Германией. Вследствие предпринятых левыми эс-эрами военных действий, Совет Народных Комиссаров открыл в свою очередь военные действия против отряда Попова, насчитывавшего около 2.000 человек пехоты, 8 орудий и броневик. 8 июля утром Трехсвятительский переулок был окружен со всех сторон и подвергнут артиллерийскому обстрелу. Эс-эры пытались ответить обстрелом Кремля; несколько снарядов попало на его двор. После недолгого сопротивления отряд Попова отступил и бросился по Владимирскому шоссе, где вскоре рассеялся. В плен было взято около 300 человек.

Эс-эровская провокация нигде не встретила поддержки. Московские рабочие дружно поддержали Совет Народных Комиссаров и V Съезд Советов. Направлявшиеся к Москве из Петербурга мелкие отряды в несколько десятков человек и отряд с западного фронта в 300 человек были задержаны в дороге. Отдельные, организованные левыми эс-эрами, отряды в Петербурге были разоружены без труда. С отрядом, расквартированным в помещении Пажеского корпуса, произошла небольшая перестрелка, повлекшая за собой несколько жертв.

Главнокомандующий чехо-словацким фронтом на Волге, левый эс-эр Муравьев, получив телеграмму своего ЦК, отдал приказ войскам о движении на Москву и войне с Германией, чем дезорганизовал красные войска и открыл чехословацкий фронт. Неподдержанный, однако, фронтом, принужден был застрелиться. Измена Муравьева и смятение на фронте ухудшили положение Красной армии и увеличили ее жертвы в борьбе с чехо-словаками.

Германия, в которой уже начинала чувствоваться развившаяся революция, на войну с Советской Россией не пошла, и после неудачной попытки добиться ввода своего батальона для охраны посольства — ограничилась переводом посольства из Москвы в Псков, оккупированный ею.

После июльской авантюры, организованной лево-эс-эровским ЦК, партия левых эс-эров разложилась. Часть образовала новую партию «народных коммунистов» (Закс, Рославец, Устинов и др.), которая после новых расколов в большинстве вошла в РКП. Активистская часть левых эс-эров ушла в подполье, превратившись в партию саботажа и контр-революции, спустившись до анархических покушений на большевистских деятелей и рабочих (взрыв Московского Комитета РКП в сентябре 1919 г., организованный лево-эс-эровским цекистом Черепановым вместе с «анархистами подполья»).

23. «О положении Советской Республики». — Чехо-словацкий мятеж был организован на деньги англо-французской биржи и при прямом содействии союзнических посольств, имевших пребывание в 1918 г. в Москве и позднее переселившихся в Вологду. Совет партии социалистов-революционеров, заседавший в мае 1918 г., постановил при помощи Антанты, начать борьбу за Учредительное собрание, распущенное ВЦИК 5 января. Чехо-словацкий корпус, организованный еще военным министром Керенским из австрийских военнопленных летом 1917 г., отступил с западного фронта с боями против немцев, оккупировавших Украину по договору с Радой после Брестского мира, и, по соглашению Совнаркома с чешским командованием, подлежал эвакуации через Сибирь на западный фронт, во Францию, сохраняя свою организацию и оружие. Когда чешские эшелоны растянулись по Сибирской магистрали от Пензы до Иркутска, чешским командованием был дан приказ о «восстании». Захватившие Пензу чешские отряды были вытеснены в Самару после трехдневного боя. Одновременно чехами были захвачены Златоуст, Уфа, Самара, Челябинск, Иркутск и другие города по пути следования. В этот момента на Волге и в Сибири Советы не имели достаточно воинских сил. Опираясь на наемные чехо-словацкие штыки, правые эс-эры, при энергичном содействии Антанты, создали в Самаре «орган всероссийской демократической власти» — Комитет членов Учредительного собрания и приступили к организации «народной армии». Восстание было поддержано буржуазией и деревенским кулачеством, которое было недовольно хлебной монополией, но которое к осени уже вновь склонилось на сторону Советской власти, вследствие далеко зашедшей буржуазно-помещичьей реакции в захваченных контр-революцией областях. Чехо-словакам и Самарской учредилке удалось летом 1918 г. захватить Урал и Поволжье, вплоть до Казани, в которой чехо-словаками и «народной армией» при участии Бориса Савинкова, была произведена поголовная резня коммунистов и массовые расстрелы рабочих. Лево-эс-эровский мятеж в Москве 6 июля и измена главнокомандующего фронтом Муравьева, открывшего чехо-словакам фронт, немало способствовали первоначальным успехам мятежа. Однако, уже в конце лета Казань была занята Красной армией и Волга постепенно очищена от захватчиков. Самарский Комитет членов Учредительного собрания не мог справиться с им же созданной реакцией, и принужден был отступить перед так называемой «директорией» (Авксентьев,

Вологодский, Зензинов, ген. Болдырев и др.), созданной на Уфимском «Государственном совещании». Директория вскоре была разогнана ее военным министром адмиралом Колчаком, которого к этому моменту Антанта предпочла социалистам-революционерам и которого она поспешила признать верховным правителем. Социалисты-революционеры после арестов частью с согласия Колчака, выехали за границу (Авксентьев, Зензинов), частью (деятели Самарского Комитета) предпочли возвратиться в Советскую Россию и составили группу «меньшинства партии правых социалистов-революционеров» (Вольский, Буревой, Ракитников, Святицкий и др.), издававшую в Москве свой периодический орган «Народ».

Борьба с Колчаком продолжалась в 1919 г.

24. «Из речи о международной революции на VI Всероссийском Съезде Советов». —Ноябрьская революция 1918 г. в Германии была подготовлена всем ходом капиталистического развития страны и ускорена империалистической войной и примером русских рабочих. К. Либкнехт вместе с Р. Люксембург и Ф. Мерингом еще осенью 1914 г. призывали немецких рабочих и солдат обратить штыки против собственной буржуазии. Первыми проявлениями массового революционного движения в Германии следует считать кильское восстание осенью 1917 г. и январскую стачку, близкую ко всеобщей, в январе 1918 г. возникшую как отклик на декларацию русской делегации в Брест-Литовске. Последовавшая оккупация Украины не облегчила тяжелого продовольственного положения масс. Требование мира стало всеобщим народным требованием. Под влиянием разраставшегося революционного движения в октябре 1918 г. Вильгельм принужден был назначить новое министерство с участием с.-д. шейдемановцев. 1 ноября началось восстание во флоте, в крепости Киле, к 5 ноября движение перекинулось в Берлин и другие города, вылившись в форму по преимуществу всеобщей забастовки и уличных демонстраций. 9 ноября Вильгельм был принужден подписать отречение и бежал в Голландию. Попытка Шейдемана и Эберта увести рабочих с революционного пути на путь соглашения с монархией потерпела поражение. 9 ноября Карл Либкнехт во главе восставших рабочих и солдат провозгласил Социалистическую Республику с балкона императорского дворца. Организационным центром движения служил Совет революционных уполномоченных крупных заводов (Revolutionäre Vertrauensleute des Grossbetriebe), вскоре конструировавшийся как Берлинский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Ноябрьская революция поставила у власти Совет народных уполномоченных в составе трех шейдемановцев (Шейдеман, Фр. Эберт, Ландсберг) и трех независимых (Гаазе, Диттман, Барт). К. Либкнехт отказался войти в правительство вместе с шейдемановцами. Общегерманский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (17—25 декабря) в Берлине доставил победу с.-д—там правого крыла, вследствие чего независимые 28 декабря вышли из Совета уполномоченных. Январское восстание 1919 г. берлинских рабочих закончилось их поражением и кровавыми репрессиями. К. Либкнехт и Р. Люксембург были убиты офицерами при молчаливом попустительстве шейдемановцев. Напуганная призраком социальной революции мелкая буржуазия бросилась в объятия реакции и на выборах в Национальное Собрание 17 января обеспечила большинство за буржуазными партиями. Продолжавшаяся революционная борьба пролетариата, выдающимися событиями которой являются февральское восстание в Берлине и победа Советской революции в Баварии, была задушена в пролетарской крови военным министром с.-д. большинства Носке. Последовавшее вскоре подписание разбойничьего Версальского договора и оккупация французскими войсками левого берега Рейна затруднили дальнейшую борьбу германского пролетариата, который потерпел в 1919 г. временное поражение, но до настоящего времени не складывает оружия.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. От начала войны до Циммервальдской конференции.

Тезисы по поводу настоящей войны 11
Война и российская социал-демократия 14
Положение и задачи социалистического Интернационала 20
Один немецкий голос о войне. (Буржуазный пацифизм и социал-шовинизм) 26
Мертвый шовинизм и живой социализм 27
Конференция заграничных секций Р.С.-Д.Р.П. 30
К иллюстрации лозунга „гражданской войны“ 35
Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия . . . 36
О борьбе с социал-шовинизмом 38
О поражении своего правительства в империалистической войне . . 41
Из статьи „Крах II Интернационала“ 46
Империализм и социализм в Италии 72

II. От Циммервальдской конференции до Февральской революции в России.

Революционные марксисты на Международной Социалистической Конференции 5—8 сентября 1915 г. 83
Несколько тезисов 86
О „программе мира“ 89
О сепаратном мире 96
О лозунге „разоружения“ 103
Империализм и раскол социализма 113

III. От Февральской до Октябрьской революции 1917-го года.

Луиблановщина 131
Из брошюры „Задачи пролетариата в нашей революции“ 134
Война и Временное Правительство 135
Нота Временного Правительства 137
Резолюция о войне 139
Защита империализма, прикрытая добренькими фразами 142
„Фактическое перемирие“ 144
Один из тайных договоров 146

Стр.

Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов. (Как кончить войну) 148
Революция, наступление и наша партия 150
О войне (речь на I Съезде Советов) 151

IV. От Октябрьской революции до конца империалистической войны.

Декрет о мире 167
Из речи на всероссийском съезде военного флота 170
Тезисы о мире 171
О революционной фразе 178
Странное и чудовищное 188
Серьезный урок и серьезная ответственность 195
Из доклада по вопросу о Брестском мире на VII съезде РКП . . . 200
Главная задача наших дней 218
Доклад о Брестском мире на IV чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов 222
Заключительное слово по докладу о Брестском мире на Съезде Советов 227
Из статьи „О „левом" ребячестве и о „мелко-буржуазности" 232
Из доклада о международном положении (Речь на заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 года) 239
Пророческие слова 248
Из доклада Совета Народных Комиссаров на V Всероссийском Съезде Советов 253
Речь во ВЦИК по поводу предложения германского правительства о вводе батальона солдат для охраны посольства 257
О положении Советской Республики. (Из речи на заседании ВЦИК 29 июля 1918 г.) 260
О международной революции. (Речь 22 октября 1918 г. на соед. заседании ВЦИК 5 созыва, Моск. Совета и профсоюзов) . . . 267
Из речи „О годовщине пролетарской революции" на VI Всероссийском Съезде Советов 280
Из речи „О международной революции" на VI Всероссийском Съезде Советов 283
Из речи „О хозяйственных задачах" на II всероссийском съезде советов народн. хозяйства 19 декабря 1918 г. 296
Примечания 299

Собрание сочинений В. И. Ленина по темам.

(Статьи и речи).

Социалистическая революция и задачи просвещения. 2-е изд. 1924 г. Ц. 40 к.

Основные задачи партии при НЭП'е. 2-е изд. 1924 г. Ц. 80 к.

Подготовление большевизма. (Печатается).

О партийном строительстве. 2-е доп. изд. 1924 г. (Печатается).

Коммунистический Интернационал. 1924 г. Ц. 1 р. 30 к.

Крах II Интернационала. (Печатается).

Две тактики (меньшевики и большевики в революции). (Готовится к печати).

Рабочий класс и крестьянство. (Готовится к печати).

Аграрный вопрос. (Готовится к печати).

Литературные характеристики. (Готовится к печати).

Задачи рабочей печати. 1924 г. Ц. 45 к.

О войне 1914—1918 г.г. Состав. Н. Н. Попов. Ц. 1 р. 45 к.

Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма. 2-е изд. 1924 г. Ц. 12 к.

Империализм, как новейший этап капитализма. 1923 г. Ц. 30 к.

Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. 2-е изд. 1924 г. Ц. 40 к.

Лучше меньше, да лучше. (Как нам реорганизовать Рабкрин). 2-е изд. с предисловием Н. К. Крупской. (Готовится к печати).

О кооперации. 4-е изд. 1924 г. Ц. 5 к.

„К 8-му марта". 1924 г. Ц. 12 к.

Хрестоматии по Ленину.

(Для совпартшкол и комвузов).

Речи и статьи В. И. Ленина. (Хрестоматия для школ политграмоты и совпартшкол). Состав. Агитпроп ЦК РКП. 1924 г. Ц. 2 р. 30 к.

Политическая экономия. Состав. Дволайцкий. (Печатается).

О государстве и праве. Состав. Стучка и Вегер. (Печатается).

Исторический материализм. Состав. Адоратский. (Печатается).

Экономическая политика. Состав. Крумин. (Печатается).

О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ.

Адоратский. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). (Печатается).

Гиринис. Ленин о специалистах в науке и технике. (Печатается).

Деборин, А. Ленин, как мыслитель. 1924 г. Ц. 45 к.

Зиновьев, Г. В. И. Ленин. (Краткий биографический очерк). 1924 г. Ц. 20 к.

Зиновьев, Г. На смерть Ленина. 1924 г. Ц. 30 к.

Каменев, Л. Ленин и его партия. 1924 г. Ц. 25 к.

Керженцев, Н. Ленинизм. С предисловием Н. К. Крупской. (Печатается).

Кржижановский, Г. О Владимире Ильиче. 1924 г. Ц. 18 к.

Крупская, Н. К. О Владимире Ильиче. 1924 г. Ц. 10 к.

Луначарский, А. Ленин и просвещение. (Печатается).

Луначарский, А. Ленин. (Очерки). 1924 г. Ц. 20 к.

Мартынов, А. Великий пролетарский вождь. 1924 г. Ц. 8 к.

Мартынов, А. Ленин и аграрный вопрос в России. Ц. 35 к.

Молотов, В. Ленин и партия за время революции. 1924 г. Ц. 25 к.

Павлович, М. Ленин. (Материалы к изучению ленинизма). 1924 г. Ц. 1 р.

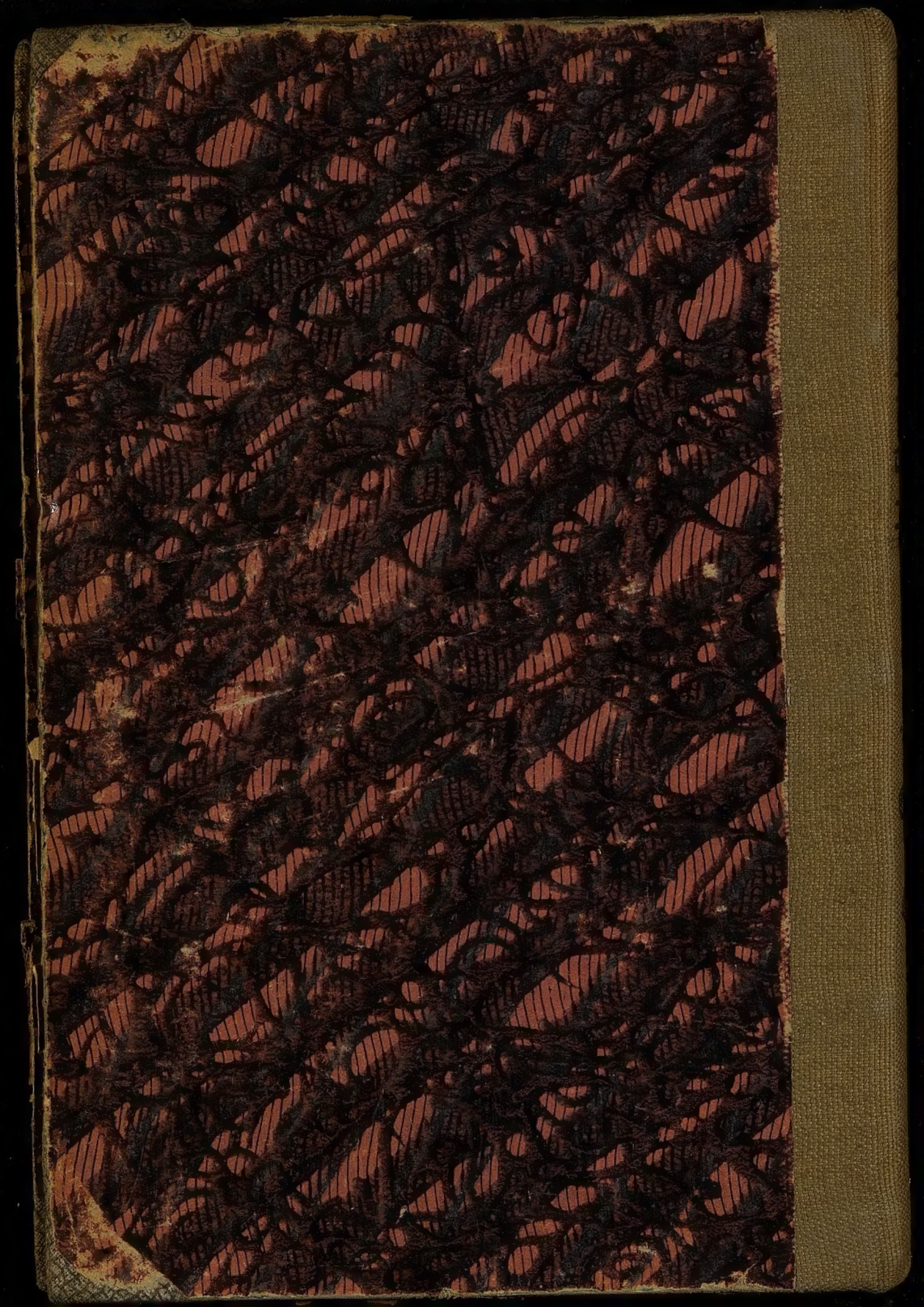
Покровский, М. Ленин, как историческая личность. (Готовится к печати).

Попов, Н. Н. Ленин о национальном вопросе. 1924 г. Ц. 60 к.

Попов, Н. Н. и Яковлев, Я. А. Жизнь Ленина и ленинизм. II доп. изд. 1924 г. Ц. 60 к.

Преображенский, Е. В. И. Ленин. (Социологический набросок). Ц. 22 к.

Радек, К. О Ленине. 1924 г. Ц. 20 к.

Фридлянд, Ц. Ленин о войне и революции. (Печатается).

Ярославский, Ем. Мысли Ленина о религии. 1924 г. Ц. 30 к.